

ISSN 2073-6606

TERRA ECONOMICUS

13
ТОМ

2015

2
номер

TERRA ECONOMICUS

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 16 января 2009 г. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-34982

**Журнал издается с 2003 г.,
выходит 4 раза в год.
Подписной индекс 81958**

**До 2009 г. — Экономический вестник
Ростовского государственного университета**

Журнал включен в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ ведущих научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора экономических наук

Учредитель: Южный федеральный университет

Главный редактор Мамедов О.Ю.

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политической экономии и экономической политики экономического факультета, Заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Редакционная коллегия:

- Мамедов О.Ю., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Вольчик В.В. (зам. главного редактора), доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Матвеева Л.Г., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Овчинников В.Н., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Редакционный совет:

- Овчинников В.Н., председатель, доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Архипов А.Ю., доктор экономических наук, профессор, директор Высшей школы бизнеса Южного федерального университета, Россия
- Белокрылова О.С., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Белоусов В.М., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Боровская М.А., доктор экономических наук, профессор, ректор Южного федерального университета, Россия
- Вольчик В.В., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Кетова Н.П., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Крюков С.В., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Лукьянцев А.А., доктор юридических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Макаренко В.П., доктор политических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Мамедов О.Ю., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Матвеева Л.Г., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Михалкина Е.В., доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета, Южный федеральный университет, Россия
- Нуреев Р.М., доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия
- Оганесян А.А., кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Южный федеральный университет, Россия
- Сероштан М.В., доктор экономических наук, профессор, первый проректор Южного федерального университета, Россия
- Туманян Ю.Р., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Ханин Г.И., доктор экономических наук, профессор, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Новосибирский государственный технический университет, Россия
- Цыганенко С.С., доктор юридических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Шевченко И.К., доктор экономических наук, профессор, проректор по организации научной и проектно-инновационной деятельности, Южный федеральный университет, Россия
- Эллан М.Дж., почетный профессор Амстердамского университета, Нидерланды

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Адрес учредителя:

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Б. Садовая, 105/42.
Тел.: (863) 265-31-58, 264-84-66
факс: 264-52-55, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: rectorat@mis.rsu.ru

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, 88, к. 211.
Тел.: 8 (863) 250-59-54
e-mail: terraeconomicus@mail.ru
http://te.sfedu.ru/

TERRA ECONOMICUS

Registered by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Date of registration: 16th January, 2009.
Registration certificate PI № FS77-34982

Founded: 2003
Quarterly Journal
Subscription index in «Rospechat»
catalogue: 81958

**Before 2009 – Economic Herald
of Rostov State University**

TERRA ECONOMICUS is included into
«The list of the leading scientific journals
and publications under review, where the basic scientific
research results of the theses for academic Degrees
of Doctor and Candidate should be published»
of the Higher Attestation Commission (HAC),
the Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Editor in Chief Mamedov O.Yu.

Doctor of Economics (DSc), Professor, Head of the Department of Political Economy and Economic Policy of the Economic Faculty,
Honored Worker of Science of the Russian Federation, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Editorial Board:

- Mamedov O.Yu., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Aleshin V.A., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Volchik V.V. (Deputy Editor), Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Matveeva L.G., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Ovchinnikov V.N., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia

Editorial Staff:

- Ovchinnikov V.N., Chairperson of Editorial Staff, Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Aleshin V.A., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Arkhipov A.Yu., Doctor of Economics, Professor, Director of Higher School of Business, Southern Federal University, Russia
- Belokrylova O.S., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Belousov V.M., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Borovskaya M.A., Doctor of Economics, Professor, Rector of the Southern Federal University, Russia
- Ellman M.J., Emeritus Professor, Amsterdam University, Netherlands
- Ketova N.P., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Khanin G.I., Doctor of Economics, Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration - Siberian Institute of Management, Novosibirsk State Technical University, Russia
- Kryukov S.V., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Lukyantsev A.A., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Makarenko V.P., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Mamedov O.Yu., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Matveeva L.G., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Mikhalkina E.V., Doctor of Economics, Professor, Dean of the Economic Faculty, Southern Federal University, Russia
- Nureev R.M., Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia
- Oganessian A.A., Candidate of Economics, Principal Researcher, Southern Federal University, Russia
- Seroshtan M.V., Doctor of Economics, Professor, First Vice-Rector, Southern Federal University, Russia
- Shevchenko I.K., Doctor of Economics, Professor, Vice-Rector for Research and Innovation, Southern Federal University, Russia
- Tsyganenko S.S., Doctor of Laws, Professor, Southern Federal University, Russia
- Tumanyan Yu.R., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Volchik V.V., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia

The articles assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements which are
available at <http://te.sfedu.ru/avtoram.html>. Articles which do not follow the rules are rejected by the Editorial Board.
The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected.
Post-graduates' articles to be published are free of charge.

Founder's mailing address:

Bolshaya Sadovaya St., 105,
Rostov-on-Don, Russia, 344006.
Phone: (863) 265-31-58, 264-84-66
Fax: 264-52-55, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: rectorat@mis.rsu.ru

Editorial office:

of. 211, Gorkogo St., 88,
Rostov-on-Don, Russia, 344002.
Phone: + 7 (863) 250-59-54
e-mail: terraeconomicus@mail.ru
<http://te.sfedu.ru/en/>

СЛОВО РЕДАКТОРА

Мамедов О.Ю. Веймар в ожидании «брюмера»	6
---	---

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Артур У.Б. Теория сложности в экономической науке:

иные основы экономического мышления	15
---	----

Тамбовцев В.Л. Ещё раз о преподавании институциональной

экономики	38
-----------------	----

Ханин Г.И. Экономический кризис 2010-х годов:

социально-политические истоки и последствия	46
---	----

Михалкина Е.В., Косолапова Н.А., Сенькив О.Я. Модель оценки влияния

факторов социально-экономического развития регионов России на	
---	--

формирование человеческого потенциала	57
---	----

Давар Э. Кризис экономической науки: причины и выход

Пястолов С.М. Политические составляющие методологического

индивидуализма на примере формирования национальной	
---	--

инновационной системы	84
-----------------------------	----

Комолов О.О. Проблема монополизации производства в марксистской

парадигме и современность	95
---------------------------------	----

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Барышников М.Н. Русское общество пароходства и торговли:

учреждение, функционирование, перспективы развития	
--	--

(1856–1864 гг.)	106
-----------------------	-----

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Вольчик В.В., Кривошеева-Медянцева Д.Д. Исследование

институциональной структуры сферы образования: основные	
---	--

концепты и теоретические рамки	131
--------------------------------------	-----

КОНФЕРЕНЦИИ

Мамедов О.Ю. «Третья жизнь» политэкономии, трудовая... .. 143

ОН ТАКОЙ ОДИН

Мэйнстринг Дж.У. «Восточный диван» Джона Мэйнстринга

EDITORIAL

Mamedov O.Yu. Weimar awaiting «Brumaire»	6
---	---

CONTEMPORARY ECONOMIC THEORY

Arthur W.B. Complexity economics: a different framework for economic thought	15
Tambovtsev V.L. Once again on the institutional economics' teaching	38
Khanin G.I. The economic crisis of 2010s: the social and political origins and consequences	46
Mikhalkina E.V., Kosolapova N.A., Senkiv O.Y. Assessment model for the Russian regions' socio-economic development factors impact on the human potential building	57
Davar E. Crisis of economic science: causes and remedy	73
Pyastolov S.M. Political components of methodological individualism illustrated by an example of formation of the national innovative system ...	84
Komolov O.O. The problem of monopolization of production in Marxist paradigm and modern world	95

ECONOMIC HISTORY

Baryshnikov M.N. Russian society of shipping and trade: establishment, operation and prospects of development (1856–1864)	106
---	-----

CURRENT EDUCATIONAL ISSUES

Volchik V.V., Krivosheeva-Medyantseva D.D. Institutional structure of higher education in Russia: principal concepts and theoretical frameworks	131
--	-----

CONFERENCES

Mamedov O.Yu. The «third life» of political economy, a working one... ..	143
---	-----

HE IS THE ONE!

Meinstring J.W. John Meinstring's «Eastern divan»	149
--	-----

ВЕЙМАР В ОЖИДАНИИ «БРЮМЕРА» (ТОСКЛИВЫЕ ЗАМЕТКИ)

Октай МАМЕДОВ,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой политической экономии и экономической политики,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

История – удивительный процесс: подобно волшебному калейдоскопу, она умудряется из одних и тех же элементов конструировать неповторимые социальные ситуации, единообразие которых дано понять только обществоведам. И то сказать, – нелегко в технологических и идеологических одеяниях разных веков разглядеть «стандартные» проблемы с набором «стандартных» решений. А ведь только в этом и состоит высшая цель научного общественнознания.

Автор, рассматривая «веймарскую экономику» как синоним эпохи неустойчивого политико-экономического равновесия, приходит к выводу о том, что разрушение этого равновесного состояния обычно достигается насильственным актом (государственным переворотом) – видимостью политической стабилизации, в реальности только окончательно загоняющим ситуацию в тупик.

Основные тезисы статьи – исторические предшественники «веймара»; Директория – «веймар» XVIII века; экономический портрет «веймарской республики»; загадка веймарской системы; методологический ключ к веймарской тайне; социальная «западня» веймарства.

Ключевые слова: «веймарская экономика»; переходная эпоха; «восемнадцатое брюме-ра» как классика «le coup d'état».

WEIMAR AWAITING «BRUMAIRE» (THE DREARY NOTES)

Oktay MAMEDOV,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Head of the Department of Political Economy and Economic Policy,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

History is an amazing process: like a magic волшебному kaleidoscope, it contrives to construct unique social situations using the same elements, and only humanitarians can reveal their common features. In reality it is not always easy to see «standardized» problems accompanied by the set of «standard solutions» behind different garments of technologies and ideologies of different centuries. Meanwhile, this is the primary goal of social research.

Treating the «Weimar economy» as synonymous with the period of nonstable political and economic equilibrium, the author concludes that usually destruction of this equilibrium implies violation (the coup d'état) – which, while creating an illusion of political stabilization, actually causes the stalemate.

The main points of the article – historical antecedents of «Weimar»; Directory – «Weimar» of XVIII century; an economic portrait of the «Weimar Republic»; the mystery of the Weimar system; a methodological key to the mystery of Weimar; social «trap» of Weimar system.

Keywords: «Weimar economy»; transitive period; «The Eighteenth Brumaire» as the classical outcome of «le coup d'état».

JEL classifications: B14, N00.

**Нации, как и женщине, не прощается минута
оплошности, когда первый встречный авантюрист
может совершить над ней насилие.**

К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. С. 119

ИСТОРИЯ – ЦЕПЬ «СОЦИАЛЬНЫХ ПОМРАЧЕНИЙ»?

В жизни народов роль «социальной развилки» закреплена за периодами своего рода «политико-экономического равновесия», когда реализация корыстных интересов господствующей политической элиты умеряется противодействием иных политических сил; если бы возникающий хрупкий баланс многовластия нашёл бы воплощение в системе взаимосдерживающих властных институтов, то общество необратимо обрело бы демократическое устройство; однако такое неустойчивое равновесие обычно разрешается установлением диктатуры некой невзрачной личности, что неизбежно оборачивается катастрофой для национальной экономики.

Из огромного числа подобных помрачений укажем на альбигойское движение (XII–XIII вв.), борьба с которым подорвала экономическое развитие Северной Италии и Южной Франции. Затем «эстафету помрачений» приняла Испания, которая так яростно проводила реконкисту, что, в конце концов, осталась без «мавров»; экономические отголоски этой «победы» до сих пор разрушительно сказываются на испанской экономике. Позже очередь дошла и до Германии, в которой борьба между Карлом V и германскими протестантскими князьями, чуть было не замирившая «Аугсбургским религиозным миром» (1555), вновь вспыхнула «Тридцатилетней войной» (1618–1648), – после неё Германия на два века фактически исчезла с политической карты Европы. А в соседней Франции в это же время вся страна неистово истребляла гугенотов, избавление от которых означало одновременно и избавление от французской экономики.

Не избежала подобных потрясений и Россия, в которой борьба между иосифлянами и нестяжателями, а затем гонения на раскольников также крайне негативно сказались на развитии русской экономики.

ДИРЕКТОРИЯ – «ВЕЙМАР» XVIII ВЕКА

По мере ускорения исторического движения периоды социальных помрачений стали концентрироваться в локализованных параметрах времени и пространства. Первым таким периодом, своего рода «Веймаром восемнадцатого века», можно считать пост-якобинскую «Директорию» (1795–1799), когда дорвавшиеся до власти разнородные политические силы не знали, как распорядиться неожиданно доставшейся победой¹.

Это были удивительные годы: невиданное напряжение сил нации в эпоху революции, достигшее своего апогея при якобинском правлении, внезапно сменилось апатией и безволием. Страна будто замерла, не зная, на что решиться. Этот исторический феномен ярко охарактеризован К. Марксом – «Буржуазные революции, как, например, революции XVIII века, стремительно несутся от успеха к успеху, в них драматические эффекты один ослепительнее другого, люди и вещи как бы озарены бенгальским огнем, каждый день дышит экстазом, но они скоропреходящи, быстро достигают своего апогея, и общество охватывает длительное похмелье, прежде чем оно успеет трезво освоить результаты своего периода бури» (Маркс, 1957. С. 119). Как же близко надо воспринимать историческое движение, чтобы так ярко его описывать!

«Тайна» директорской апатии скрывалась в примерном равенстве сил политических партий. Эта равновесная ситуация – основной признак «веймарского» состояния общества – могла быть разрешена только переходом к личной диктатуре. И он произошёл – в виде государственного переворота, осуществленного генералом Бонапартом восемнадцатого брюмера (9 ноября) 1799 года.

¹ Нечто подобное случилось через полтора столетия в России – от февраля до ноября 1917 г., в период так называемого двоевластия.

Директория знаменовала завершение процесса революционного преобразования политического устройства абсолютистской Франции, на который потребовалось не менее десяти лет. Это была наивысшая историческая ступень, на которую взобрался в революционном восторге французский народ, но не удержался и... рухнул – прямо в новый, наполеоновский абсолютизм.

Да и как было не рухнуть – экономика характеризовалась неуправляемым ростом цен, низкими урожаями, инфляцией, необеспеченной эмиссией ассигнаций (монеты практически вышли из обихода). Поскольку деньги перестали выполнять все монетарные функции, экономика стала погружаться в архаичное состояние, а её участники стали требовать оплаты в натуральной форме. В 1796 году выпуск ассигнаций вообще был остановлен. В следующем году были изъяты из обращения и бумажные деньги. Экономика стремительно теряла финансовый механизм функционирования. Население страдало от голода, что повышало остроту протестных волнений. В 1797 году отказом погасить две трети своих долгов правительство фактически объявило о государственном банкротстве. В 1798 косвенные налоги, отменённые в начале революции, были восстановлены (*World History at KMLA, 2004*).

Экономический хаос препятствовал установлению политической стабильности². И хотя Директорию представляли умеренные, атакуемые справа роялистами, а слева – радикалами, на стороне правительства не было никого – революционный угар прошёл, и случайные беспорядки могли изменить равновесное состояние. В этой ситуации власть мог захватить всякий, кто сделал бы ход первым. 4 сентября 1797 года «главный директор» Баррас уменьшил состав Директории до трёх персон. Однако эта репетиция государственного переворота оказалась «фальстартом» – победителем оказался генерал, уже через пять лет короновавшийся на должность императора.

«ВЕЙМАР» – МЁРТВОРОЖДЁННОЕ ДИТЯ

Веймарская республика³ появилась не в результате естественно-исторических «родов», а как итог сразу нескольких «кесаревых сечений» – капитуляции Германии, «Ноябрьской революции» (когда кильский мятеж привёл к отречению кайзера Вильгельма II), согласия германских властей на осуществление демократических реформ (так, как их понимали «версальские победители» – Франция, Англия, США). Проведение этих реформ и обеспечило приход к власти новой социал-демократической партии, лидер которой – Фридрих Эберт – стал первым «веймарским» канцлером Германии⁴.

Новорождённое политическое образование не устраивало ни одну из влиятельных на тот момент радикальных политических сил Германии – для правых (будущих нацистов) оно было слишком левым, а для левых (коммунистов) – слишком правым. Но и центристам (социал-демократам) было не лучше – радикалы били их с двух сторон, пока не истребили в лагерях Третьего рейха.

Недовольны были все: милитаристы и реваншисты – капитуляцией, народ – высокими репарационными платежами и территориальными потерями, радикалы обвиняли правительство в предательстве интересов трудящихся. Политическое «троеборье», принимавшее всё более ожесточённый характер, разрывало Веймарскую республику, и, протянув неприлично короткое время⁵, она исчезла, оставив только несостоявшиеся надежды⁶.

² «Мы хотим использовать все источники производства, возродить промышленность и торговлю, восстановить кредитование, обеспечить общественный порядок, а не хаос революций» – провозглашала Директория 5 ноября 1795 г. (*Planète-UMP, undated*).

³ Веймарская республика – историографическое название Германской империи в 1919–1933 гг. в честь учредительного собрания, созданного в Веймаре для принятия новой конституции (официально государство продолжало именоваться «Германская империя»).

⁴ Редкий случай – в тот день, когда Филипп Шейдеман от имени Социал-демократической партии Германии с балкона рейхстага провозгласил республику, Карл Либкнехт с балкона Berlin City Palace призвал к провозглашению Германской Советской Республики.

⁵ В качестве парламентской демократии Веймарская республика прожила всего 11 лет. В конце марта 1930 г. развалилось последнее, возглавляемое социал-демократом Херманном Мюллером, правительство большинства. Вместо прежней большой коалиции к власти пришел буржуазный кабинет меньшинства во главе с политиком от католической Партии центра Хайнрихом Брюнингом, который с лета 1930 г. правил с помощью чрезвычайных декретов рейхспрезидента, престарелого генерал-фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга (*Германия и факты, не датировано*).

⁶ «Веймарская республика явилась детищем Первой Мировой войны и версальского мира. Тот факт, что она существовала чуть более десятилетия, говорит о том, что Веймарская республика явилась образованием не только искусственным, но и нежизнеспособным в исторической перспективе. Основы её краха были заложены в её сущности и, прежде всего, экономической структуре и экономической политике. Итогом краха Веймарской республики стали установление фашистской диктатуры и приход к власти Гитлера, причем вполне демократическим путем. Ак-

Казалось бы, после шока гиперинфляции 1923 года экономическая и политическая ситуация немного стабилизировалась: в «золотых» двадцатых годах Германия была принята в Лигу Наций, нормализовался внутренний рынок, стал расти объём промышленного производства. Но Великая Депрессия быстро превратила Веймарскую республику в политический «титаник». Неслучайно три последних правительства Веймарской республики были «правительствами меньшинства», не имевшими уже никакой опоры. Назначение Гитлера с благословения крупного капитала канцлером прекратило муки Веймарской республики.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ «ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»

Катастрофический исход Первой мировой прервал предвоенный подъём немецкой промышленности: объём промышленного производства в 1919 году не достиг показателя 1888 года; только в 1927 году страна вышла по этому индикатору на уровень 1913 года. Тем не менее, основными статьями импорта оставались сырьё и пищевые продукты, тогда как готовая продукция и товары машиностроения составляли большую часть немецкого экспорта; одновременно сельское хозяйство сохраняло статус одной из основных отраслей экономики рейха (*Deutsches Historisches Museum, 2014; Патрушев, 2004*).

Первые послевоенные годы были наполнены специфическими проблемами – реконверсией военной промышленности и реинтеграцией демобилизованных солдат в народное хозяйство. Свиристествовала и инфляция. Однако низкая заработная плата и невысокие издержки производства помогали конкурировать немецкому экспорту по демпинговым ценам за границей. Экономика выходила на полную занятость рабочей силы. И уже с 1920 по 1922 год Германия находилась в фазе экономического бума в отличие от других промышленно развитых стран.

Крах валюты в 1923 году и спад производства вовлекли Германию в тяжёлый экономический кризис, который был усугублен оккупацией Рурской области. А далее – Великая депрессия: изъятие американских кредитов (основы первого послевоенного подъёма немецкой экономики); падение промышленного производства с 1929 до 1932 года на 40% – до уровня 1904 года; резкое сокращение внешней торговли. Вкладчики штурмуют банки, экономический спад, массовая безработица, резкое увеличение бедности – и, как следствие, НСДАП превращается в главную партию Германии. И это стало финалом веймарской неопределённости.

Наступила эпоха фашистской определённости⁷.

ЗАГАДКА ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Но, исчезнув в социальных реалиях, Веймар навсегда оставил загадку для всех отраслей общественности: поскольку история сплошь и рядом состоит из «веймаров», существует ли шанс достойно выйти из переходной политической системы, не свалившись в «18-е брюмера», – государственный переворот, устанавливающий диктатуру одной (обычно – самой реакционной) политической силы?

Это – волнующая и актуальная тайна, и все обществоведы, включая экономистов, отдают годы её решению – хотя бы в теоретической модели.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КЛЮЧ К ВЕЙМАРСКОЙ ТАЙНЕ

Известная работа К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Наполеона» (*Маркс, 1957*) посвящалась истории *coup d'état*. И хотя работа, по словам Маркса, возникла под непосредственным впечатлением событий, а исторический материал не выходил за пределы февраля 1852 года, всё, чего касается мысль гения, приобретает вневременную актуальность.

Следует отметить, что наряду с марксовой работой этому же вопросу были посвящены ещё две – «Наполеон Малый» Виктора Гюго и «Государственный переворот» Прудона.

Виктор Гюго видит в государственном перевороте лишь акт насилия со стороны отдельной личности. Прудон же стремится представить государственный переворот результатом предше-

туальным для современной России являются вопросы стабильности и прочности экономической системы, а также вопрос об иностранных кредитах. Для того, чтобы избежать ошибок, необходимо изучить экономическое развитие Германии, раскрывающее причины падения Веймарской республики» (*Гущин, 2014. С. 29*).

⁷ «Не остались в стороне и экономисты: коллективными усилиями был создан портрет германской экономики предфашистской эпохи — милитаризация, монополизм, государственный протекционизм, жажда внешнеэкономической экспансии. С тех пор совокупность названных признаков используется для диагностики реальной фашизации национальной экономики» (*Мамедов, 2011. С. 66*).

ствующего исторического развития. Но историческая конструкция государственного переворота незаметным образом превращается у него в историческую апологию героя этого переворота. Он впадает в итоге в ошибку так называемых объективных историков. И только Маркс сумел показать, каким образом классовая борьба во Франции создала условия и обстоятельства, давшие возможность дюжинной смешной личности сыграть роль героя.

И вот что интересно: История поистине неистощима в своих «веймарских» шутках – то приведёт на трон достопочтенного, до поры до времени ни на что не претендовавшего, джентльмена (Кромвель), то – экзотическую личность (Наполеона Первого), то – фанатичного романтика (Робеспьера), то – шута (Наполеона Третьего), то – нарциссирующего интеллектуала (Муссолини), то – малограмотного уголовника (Сталина), то – мизантропствующего параноика (Гитлера), то... И несть числа этим историческим персонажам, которых объединяет одно – презрение и ненависть к людям, к народам, да и ко всему Человечеству.

Для обществоведов методологический ключ к анализу «веймарской ситуации» представлен следующим марксовым выводом: идея о неизбежности цезаризма является лишь поверхностной исторической аналогией, поскольку «забывают самое главное, а именно, что в Древнем Риме классовая борьба происходила лишь внутри привилегированного меньшинства, между свободными богачами и свободными бедняками, тогда как огромная производительная масса населения, рабы, служила лишь пассивным пьедесталом для этих борцов. Забывают меткое замечание Сисмонди: римский пролетариат жил на счет общества, между тем как современное общество живет на счет пролетариата. При таком коренном различии между материальными, экономическими условиями античной и современной борьбы классов и политические фигуры, порожденные этой борьбой, могут иметь между собой не более общего, чем архиепископ Кентерберийский и первосвященник Самуил» (Маркс, 1960).

Ф. Энгельс в «Предисловие к третьему немецкому изданию» (1885) названной работы Маркса специально разъяснял: «Франция – та страна, в которой историческая классовая борьба больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца. Во Франции в наиболее резких очертаниях выковывались те меняющиеся политические формы, внутри которых двигалась эта классовая борьба и в которых находили своё выражение её результаты. Средоточие феодализма в средние века, образцовая страна единообразной сословной монархии со времени Ренессанса, Франция разгромила во время великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна. И борьба поднимающего голову пролетариата против господствующей буржуазии тоже выступает здесь в такой острой форме, которая другим странам неизвестна» (Энгельс, 1961. С. 258).

Это значит, что история прихода к власти Наполеона Третьего – классическая модель любого «веймара». Действительно, по словам Энгельса, «именно Маркс впервые открыл великий закон движения истории, закон, по которому всякая историческая борьба – совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области – в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена. Этот закон, имеющий для истории такое же значение, как закон превращения энергии для естествознания, послужил Марксу и в данном случае ключом к пониманию истории французской Второй республики» (Там же).

НЕИСТОВОЕ ВОЗВЕЛИЧИВАНИЕ ПРОШЛОГО

Свой анализ «веймарской ситуации» Маркс начинает удивительной констатацией – «Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса» (Маркс, 1960. С. 376).

А дальше – методологическая пропедевтика историко-материалистического мировоззрения, которую, учитывая состояние отечественного обществознания, не грех воспроизвести полностью: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги,

костюмы, чтобы в этом освящённом древностью наряде, на этом заимствованном языке разыграть новую сцену всемирной истории. Так, Лютер переодевался апостолом Павлом, революция 1789–1814 гг. драпировалась поочередно то в костюм Римской республики, то в костюм Римской империи, а революция 1848 г. не нашла ничего лучшего, как пародировать то 1789 г., то революционные традиции 1793–1795 гг.». Эту изумительную по глубине и ясности мысль Маркс иллюстрирует примером, который так важен для будущих билингвистов – «Так, новичок, изучивший иностранный язык, всегда переводит его мысленно на свой родной язык; дух же нового языка он до тех пор себе не усвоил и до тех пор не владеет им свободно, пока он не может обойтись без мысленного перевода, пока он в новом языке не забывает родной» (Маркс, 1957. С. 119–120).

По прочтении этого фрагмента хочется буквально закричать – ну почему, почему современные авторы не пишут таким ясным языком, а предпочитают разного рода квазинаучные воляпюки?

*

Одним из признаков возникновения «веймарской ситуации» следует считать обращение к прошлым, как бы исконным ценностям; поскольку будущий Наполеон Третий ловко использовал в популистских целях авторитет Наполеона Первого, то это позволило Марксу сделать потрясающее обобщение – «Целый народ, полагавший, что он посредством революции ускорил свое поступательное движение, вдруг оказывается перенесённым назад, в умершую эпоху. А чтобы на этот счет не было никакого сомнения, вновь воскресают старые даты, старое летосчисление, старые имена, старые эдикты, сделавшиеся давно достоянием учёных-антикваров» (Маркс, 1957. С. 121).

И такое, между прочим, повторяется в каждой веймарской ситуации. Удивительно точно эту тягу нового к переодеванию в старое подметил великий Пушкин:

*Там скука, там обман иль бред;
В том совести, в том смысла нет;
На всех различные вериги;
И устарела старина,
И старым бредит новизна...*

Однако, продолжает Маркс, «социальная революция XIX века может черпать свою поэзию только из будущего, а не из прошлого. Она не может начать осуществлять свою собственную задачу прежде, чем она не покончит со всяким суеверным почитанием старины. Прежние революции нуждались в воспоминаниях о всемирно-исторических событиях прошлого, чтобы обмануть себя насчёт своего собственного содержания. Революция XIX века должна предоставить мертвецам хоронить своих мертвых, чтобы уяснить себе собственное содержание. Там фраза была выше содержания, здесь содержание выше фразы» (Маркс, 1957. С. 122).

Это марксово замечание тем более справедливо по отношению к социальным революциям XXI века.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАПАДНЯ ДЛЯ ВЕЙМАРСКОЙ СИСТЕМЫ

Веймар – эпоха слабости, бессилия, бездарных решений и их роковых последствий. Веймарская республика была «республикой без республиканцев», против которой яростно выступали оппоненты и которую недостаточно защищали сторонники (*Медиаспрут, не датировано*).

Из этой ситуации вытекали и способы спасения, о чём великолепно сказал Маркс – «Слабость всегда спасалась верой в чудеса; она считала врага побеждённым, если ей удавалось одолеть его в своем воображении посредством заклинаний» (Маркс, 1957. С. 123). Справедливость этого утверждения доказывается чуть ли не ежедневно.

Но есть более важное испытание: когда фарсовое повторение уже пройденного побеждает и народ оказывается в глупом положении, поскольку его понуждают принимать за будущее давно минувшее прошлое. Причину, по которой это может произойти, великий Маркс объяснил весьма доходчиво – «Нации, как и женщине, не прощается минута оплошности, когда первый встречный авантюрист может совершить над ней насилие» (Маркс, 1957. С. 119). Можно ли сказать лучше?

А веймарская ситуация – о чём свидетельствует вся история – всегда разрешается насилием, совершаемым неприметным авантюристом.

ЭПИКРИЗ «ВЕЙМАРСКОГО СИНДРОМА»

Маркс вскрывает сущность веймарства сравнением Великой французской революции с пародией на неё в виде государственного переворота, совершённого Луи-Наполеоном, племянником императора. Он пишет – в той революции «за господством конституционалистов следует господство

жирондистов, за господством жирондистов следует господство якобинцев. Каждая из этих партий опирается на более передовую. Как только данная партия продвинула революцию настолько далеко, что уже не в состоянии ни следовать за ней, ни тем более возглавлять ее, – эту партию отстраняет стоящий за ней более смелый союзник. Революция движется, таким образом, по восходящей линии.

Обратное происходит в революции 1848 года... Каждая партия лягает напирющую на неё сзади партию и упирается в спину той партии, которая толкает ее назад. Неудивительно, что в этой смешной позе она теряет равновесие и падает, корча неизбежные гримасы и выделявая удивительные курбеты. Революция движется, таким образом, по нисходящей линии» (Маркс, 1957. С. 141).

Социальное движение к реальному демократизму в период веймарского общества накрывается «отливной волной», которая теперь тащит экономику и политику вспять, а для этого требуется и «попятная» идеология. Это *славная ретирада*, как её бы поименовал великий полководец Суворов, и есть сущность веймарства.

В глубокой, специально посвящённой политико-правовой истории Веймарской республики статье А.В. Яхлова делаются фундаментальные выводы относительно опасностей, сопровождающих «веймарский синдром» – «За основу государственного устройства была взята парламентская республика, а институт президентства носил резервный характер. Учитывая возможную дестабилизацию политического строя, авторы попытались создать механизмы, гарантирующие ее стабильность. Поучительно, что они были использованы как раз для ликвидации демократии. Это пример, предостерегающий другие переходные режимы от попытки наделить какой-либо институт власти исключительными полномочиями». Не менее важным представляется вывод о том, что «ключевая проблема республики – наличие антисистемных (при этом легально действующих) партий, – как правого, так и левого спектра. По мере усиления экономического кризиса происходила радикализация настроений избирателей. В конечном итоге это стало основной причиной краха демократического режима, произведенного в полном соответствии с конституционной процедурой». И, наконец, главный вывод – «Демократическая конституция не стала препятствием для становления тоталитарной диктатуры. Парадокс состоял в том, что большинство немцев никогда не голосовало за Гитлера, но при этом ему удалось не только консолидировать нацию, но и стать ее вождем» (Яхлов, 2005).

И вот, горькое возмездие – веймарство всегда и везде завершается «восемнадцатым брюмером»⁸. Поэтому всю свою коротенькую жизнь «веймарцы» маются в ожидании прихода этой даты, как бы по-разному она ни именовалась в местном календаре.

РОССИЯ – МЕЖДУ «ВЕЙМАРОМ» И «БРЮМЕРОМ»?

Ряд характеристик роднит российскую политико-экономическую ситуацию с «веймарской».

Прежде всего, укажем на главную черту, объединяющую веймарскую и современную российскую политико-экономические системы, – ни одна из политических сил не удовлетворена существующим институциональным устройством, каждая собирается его радикально совершенствовать, и потому не только не связывает будущее страны с тем, что есть, а напротив – активно ищет это будущее (или в прошлом, или в ещё не существовавшей модели). Это значит, что все партии осознают временный, переходный характер современной политико-идеологической системы и жаждут её изменения.

Другая черта – какая-то неистово-насильственная идеализация тщательно отобранных духовных ценностей, официально объявленных исконно присущими народному менталитету.

И особо – ожесточённое неприятие мировых, апробированных моделей политического и экономического развития, ставка на некий «особый» путь развития, реализующий неизбывную любовь бюрократии к «мобилизационному вектору» движения общества.

Всё это привело многих исследователей к выводу о том, что мы переживаем «веймарский период»⁹. При этом исторические параллели бывают удивительными – «Случайно родившись, Веймарская республика не произвела каких-то значимых смыслов для реализации республиканской идеи. Она была чужда немецкому населению. И, более того, немецкое население – как обыкновенные граждане, так и интеллектуалы и политические круги – восприняли Веймарскую республику как виновницу всех бед, в которых оказалась Германия после Первой мировой войны: экономиче-

⁸ В веймарской ситуации государство, как удивительно современно подмечает Маркс, «оказывается возвращённым к своей древнейшей форме, к бесстыдно-примитивному господству меча и ржы» (Маркс, 1957. С. 122).

⁹ См.: (Янов, 1995); глубокий анализ общего и особенного между Веймарской республикой и современной Россией – см.: (Люкс, 2008); болгарский вариант веймарства – см.: (Варзеновцев, 2007; Олейник, 2015; Дабкин, 1998; Меерсон, Прокудин, 1995; Magref.ru, 2014).

ский, социальный и политический кризис. Во всем этом обвинили республику, а не предыдущий рейх и кайзеровскую республику» (Женин, 2013). Ну как тут не вспомнить о современной оценке реформаторов 90-х годов?!

При таком подходе абстрактные исследования веймарской коллизии и попытка найти «анти-брюмерный» способ выхода из неё приобретают особую практическую актуальность.

Веймарский период – эпоха политических иллюзий, несбывшихся экономических надежд и идеологических разочарований, под покровом которых таится ожесточённое соперничество разных групп элиты за монопольное обладание ресурсами национальной экономики, за контроль над её доходами, за монополию на власть. И каждый «веймарский» день может обернуться «18-м брюмера», – самым бесперспективным методом лечения «веймарского синдрома».

ЛИТЕРАТУРА

Варзоновцев Д. (2007). Ресентимент «АТАКА» или «Веймарский синдром»: Постановка проблемы // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*, т. 3, № 2, с. 200–207.

Германия и факты (не датировано). 1919–1933: Веймарская республика (<http://www.tatsachen-ueber-deutschland.de/ru/history/main-content-03/1919-1933-the-weimar-republic.html>).

Гущин А.А. (2014). Экономическое развитие Веймарской республики / В: *Компеев А.В., Юрина Т.В. (ред.) Национальная безопасность и государственные интересы России. Материалы VII Всерос. науч.-практ. конф., г. Пенза, 17 декабря 2013 г. Пенза: ГУМНИЦ ПГУ*, с. 29–32.

Драбкин Я.С. (отв. ред.) (1998). Веймар – Бон. Опыт двух германских демократий и современная Россия. Серия: Россия – Германия – Европа, вып. 4. М.: Изд-во МГУ.

Женин И. (2013). Почему Веймарская республика продержалась всего 14 лет? // *ПостНаука*, 17 ноября (<http://postnauka.ru/video/19574>).

Люкс Л. (2008). «Веймарская Россия?» – заметки об одном спорном понятии // *ZN.UA*, 22 августа (http://gazeta.zn.ua/POLITICS/veymarskaya_rossiya_zametki_ob_odnom_spornom_ponyatii.html).

Мамедов О.Ю. (2011). Почему немцы голосовали за Гитлера (из истории экономических преступлений государства) // *Terra Economicus*, т. 9, № 3.

Маркс К. (1957). Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. Декабрь 1851 – март 1852 г. / В кн.: *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*, т. 8. М.: Государственное издательство политической литературы, 705 с., с. 115–217.

Маркс К. (1960). Предисловие ко второму изданию «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» / В кн.: *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*, т. 16. М.: Государственное издательство политической литературы, 839 с., с. 374–376.

Медиаспрут (не датировано). Веймарская республика (текст из справочника: *Kappler A. (ed.) (1998). Facts about Germany. Frankfurt am Main: Societats-Verlag*) (<http://www.mediasprut.ru/germ/story/his006.shtml>).

Меерсон Б., Прокудин Д. (1995). Веймарская республика в Германии: опасности массовизации // *Знание–сила*, № 3.

Олейник А. (2015). Угроза фашизма, или Веймарский сценарий в России // *Ведомости*, 13 февраля (<http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/02/13/ugroza-fashizma>).

Патрушев А.И. (2004). Германия в XX веке. М.: Дрофа.

Энгельс Ф. (1961). Предисловие к третьему немецкому изданию работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» / В кн.: *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*, т. 21. М.: Государственное издательство политической литературы, 745 с., с. 258–259.

Янов А. (1995). После Ельцина. «Веймарская» Россия. М.: КРУК, 320 с.

Яхлов А.В. (2005). Институциональный и электоральный кризисы в период демократического транзита (Веймарская республика, 1919–1933 гг.) // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*, № 2, с. 211–212.

Magref.ru (2014). Веймарское государство (<http://magref.ru/veymarskoe-gosudarstvo/>).

Deutsches Historisches Museum (2014). Weimarer Republik: Industrie und Wirtschaft (<https://www.dhm.de/lemo/kapitel/weimarer-republik/industrie-und-wirtschaft.html>).

Planète-UMP (undated). Le Directoire <http://www.planete-ump.fr/t24968-Le-Directoire-1795-1799.htm>.

World History at KMLA (2004). History of France. France: The Directory, 1795–1799: the Economy (<http://www.zum.de/whkmla/region/france/france17951799ec.html>).

REFERENCES

- Drabkin Ya.S. (resp. ed.) (1998). Weimar – Bon. The experience of two German democracies and modern Russia. Series: Russia – Germany – Europe [Opyt dvukh germanskikh demokratii i sovremennaya Rossiya. Series: Russia – Germany – Europe, issue 4. Moscow: Moscow State University Publ. (In Russian.)
- Engels F. (1961). Preface to the third German edition of the work by K. Marx, «The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte» [Predislovie k tretiemu nemetskomu izdaniyu raboty K. Marksa «Vosemnadtsatoe brumera Lui Bonaparta»] / In: Marx K. and Engels F. Works, vol. 21. Moscow: State publishing house of political literature, 745 p., pp. 258–259. (In Russian.)
- Germany and facts (undated). 1919–1933: The Weimar Republic [Veimarskaya respublika] (<http://www.tatsachen-ueber-deutschland.de/ru/history/main-content-03/1919-1933-the-weimar-republic.html>). (In Russian.)
- Gishchin A.A. (2014). Economic development of the Weimar Republic [Ekonomicheskoe razvitiye Veimarskoi respubliki] / In: Kompleev A.V. and Yurina T.V. (eds.) Russia's national security and state interests [Natsionalnaya bezopasnost i gosudarstvennye interesy Rossii]. Proceedings of the Conference, Penza, December 17, 2013. Penza: Penza State University, Humanities teaching methods and scientific publishing Center, pp. 29–32. (In Russian.)
- Lyuks L. (2008). «Weimar Russia?» – notes about a disputed concept [«Veimarskaya Rossiya?» – zametki ob odnom spornom ponyatii. ZN.UA, August 22 (http://gazeta.zn.ua/POLITICS/veymarskaya_rossiya_zametki_ob_odnom_spornom_ponyatii.html). (In Russian.)
- Magref.ru (2014). The Weimar Republic [Veimarskoe gosudarstvo] (<http://magref.ru/veymarskoe-gosudarstvo/>). (In Russian.)
- Mamedov O.Y. (2011). Why did the Germans voted for Hitler (from the history of economic crimes of the state). *Terra Economicus*, vol. 9, no. 3. (In Russian.)
- Marx K. (1957). The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte. December 1851 – March 1852 [Vosemnadtsatoe brumera Lui Bonaparta. Dekabr 1851 – mart 1852 g.] / In: Marx K. and Engels F. Works, vol. 8. Moscow: State publishing house of political literature, 705 p., pp. 115–217. (In Russian.)
- Marx K. (1960). Preface to the second edition of «The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte» [Predislovie ko vtoromu izdaniyu «Vosemnadtsatoe brumera Lui Bonaparta»] / In: Marx K. and Engels F. Works, vol. 16. Moscow: State publishing house of political literature, 839 p., pp. 374–376. (In Russian.)
- Mediasprut (undated). The Weimar Republic [Veimarskaya respublika] (from Kappler A. (ed.) (1998). Facts about Germany. Frankfurt am Main: Societats-Verlag) (<http://www.mediasprut.ru/germ/story/his006.shtml>). (In Russian.)
- Meerson B. and Prokudin D. (1995). The Weimar Republic in Germany: danger of getting massed [Veimarskaya respublika v Germanii: opasnosti massovizatsii]. *Znanie-sila*, no. 3. (In Russian.)
- Oleynik A. (2015). The threat of fascism, or Weimar scenario in Russia [Ugroza fashizma ili Veimarskiy stseneriy v Rossii. *Vedomosti*, February 13 (<http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/02/13/ugroza-fashizma>). (In Russian.)
- Patrushev A.I. (2004). Germany in XX century [Germaniya v XX veke]. Moscow: Drofa Publ. (In Russian.)
- Varzonovtsev D. (2007). Resentment «ATTACK» or «Weimar syndrome»: Problem statement [Resentiment «ATAKA» ili «Veimarskiy sindrom»: Postanovla problem]. *Political expertise [Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS]*, vol. 3, no. 2, pp. 200–207. (In Russian.)
- Yakhlov A.V. (2005). Institutional and electoral crisis in the period of economic transition (The Weimar Republic, 1919–1933) [Institutsionalnyi i elektoralnyi krizisy v period demokraticeskogo tranzita (Veimarskaya respublika, 1919–1933 gg.)]. *Political expertise [Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS]*, no. 2, pp. 211–212. (In Russian.)
- Yanov A. (1995). After Yeltsin. «Weimar» Russia [Posle Yeltsina. Veimarskaya Rossiya]. Moscow: KRUK Publ, 320 p. (In Russian.)
- Zhenin I. (2013). Why did the Weimar Republic lasted only 14 years? [Pochemu Veimarskaya respublika proderzhalas vsego 14 let? *PostScience [PostNauka]*, November 17 (<http://postnauka.ru/video/19574>). (In Russian.)
- Deutsches Historisches Museum (2014). Weimarer Republik: Industrie und Wirtschaft (<https://www.dhm.de/lemo/kapitel/weimarer-republik/industrie-und-wirtschaft.html>).
- Planète-UMP (undated). Le Directoire <http://www.planete-ump.fr/t24968-Le-Directoire-1795-1799.htm>.
- World History at KMLA (2004). History of France. France: The Directory, 1795–1799: the Economy (<http://www.zum.de/whkmla/region/france/france17951799ec.html>).

ТЕОРИЯ СЛОЖНОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ИНЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ¹

У. БРАЙАН АРТУР²,

Лаборатория интеллектуальных систем Научно-исследовательского
центра компании XEROX в Пало Альто (PARC),
профессор Института Санта-Фе, Санта-Фе, США
Перевод Анны Оганесян и Леонида Шафирова

В данной статье предложены логические основы применения теории сложности в экономической науке – исходя из суждения, что экономика не обязательно находится в состоянии равновесия: экономические агенты (фирмы, потребители, инвесторы) постоянно изменяют свои действия и стратегии в ответ на совместно создаваемый ими результат. Это, в свою очередь, вызывает изменение результата, что требует от экономических агентов изменять своё поведение вновь. Агенты, таким образом, живут в мире, в котором их убеждения и стратегии подвергаются постоянной «проверке» на выживание в пределах определённой «экосреды» – как результата, порождаемого совместно этими убеждениями и стратегиями. В прошлом экономическая наука в основном избегала такого подхода – подхода с точки зрения неравновесия, – однако если мы начнем его использовать, нам откроются паттерны и феномены, невидимые в рамках равновесного анализа. Характер их возникновения вероятностный, они существуют какое-то время, а затем исчезают; и они соотносятся со сложными структурами других областей. Так же мы рассматриваем экономику не как нечто данное и сложившееся, а как формирующуюся на основе постоянно развивающегося комплекса технологических инноваций, институтов и регулирующих механизмов, которые способствуют возникновению инноваций, институтов и регулирующих механизмов.

Теория экономической сложности рассматривает экономику как находящуюся в движении, постоянно саму себя «вычисляющую» – и постоянно заново себя воссоздающую. Там, где теория экономического равновесия делает акцент на существовании порядка, предопределённости, дедукции и статике, теория экономической сложности фокусируется на роли случайных событий, неопределённости, создании смыслов и открытости к переменам. В рамках данного подхода время, в смысле реального исторического времени, приобретает значимость, а нахождение решения уже не рассматривается непременно как система математических условий, но как паттерн, комплекс последовательно возникающих феноменов, ряд изменений, которые могут вызвать дальнейшие изменения, совокупность существующих элементов, создающих новые элементы. Теория экономического равновесия представляет собой частный случай неравновесной экономической теории и, следовательно, теории экономической сложности; поэтому теория экономической сложности обладает более общим характером. Она раскрывает нам экономику, постоянно изобретающую саму себя, создающую новые структуры и возможности использования, экономику, постоянно открытую для ответа.

Ключевые слова: неравновесие; сложность; теория экономической сложности [адаптация теории сложности к экономической науке]; кластеризованная волатильность; сети; экосреда; вычисление; процедурная наука.

¹ Оригинал публикации [Originally published as]: Arthur W.B. (2013). Complexity economics: a different framework for economic thought // *Santa Fe Institute Working paper*: 2013-04-012. В качестве предисловия будущей книги [To appear in the book]: Arthur W.B. (2013). *Complexity Economics*, Oxford Univ. Press.

² Я благодарен Ронану Артуру, Ричарду Бронку, Дэвиду Коландеру, Дойну Фармеру, Магге Фонтана, Дэвиду Рейсману и Уильяму Таббу за ценные комментарии.

COMPLEXITY ECONOMICS: A DIFFERENT FRAMEWORK FOR ECONOMIC THOUGHT

W. BRIAN ARTHUR,

Intelligent Systems Lab, Palo Alto Research Center (PARC),
External Professor, Santa Fe Institute, Santa Fe, USA
Translated by Anna Oganessian and Leonid Shafirov

This paper provides a logical framework for complexity economics. Complexity economics builds from the proposition that the economy is not necessarily in equilibrium: economic agents (firms, consumers, investors) constantly change their actions and strategies in response to the outcome they mutually create. This further changes the outcome, which requires them to adjust afresh. Agents thus live in a world where their beliefs and strategies are constantly being «tested» for survival within an outcome or «ecology» these beliefs and strategies together create. Economics has largely avoided this nonequilibrium view in the past, but if we allow it, we see patterns or phenomena not visible to equilibrium analysis. These emerge probabilistically, last for some time and dissipate, and they correspond to complex structures in other fields. We also see the economy not as something given and existing but forming from a constantly developing set of technological innovations, institutions, and arrangements that draw forth further innovations, institutions and arrangements.

Complexity economics sees the economy as in motion, perpetually «computing» itself – perpetually constructing itself anew. Where equilibrium economics emphasizes order, determinacy, deduction, and stasis, complexity economics emphasizes contingency, indeterminacy, sense-making, and openness to change. In this framework time, in the sense of real historical time, becomes important, and a solution is no longer necessarily a set of mathematical conditions but a pattern, a set of emergent phenomena, a set of changes that may induce further changes, a set of existing entities creating novel entities. Equilibrium economics is a special case of nonequilibrium and hence complexity economics, therefore complexity economics is economics done in a more general way. It shows us an economy perpetually inventing itself, creating novel structures and possibilities for exploitation, and perpetually open to response.

Keywords: nonequilibrium; complexity; complexity economics; clustered volatility; networks; ecologies; computation; procedural science.

JEL classifications: A11, B52, O33, Y20.

На протяжении последних 25 лет постепенно зарождался и набирал силу иной подход к изучению экономики – теория экономической сложности (*complexity economics*). Теория экономической сложности утверждает, что экономика не всегда находится в равновесном состоянии, что вычисления, а также математические расчёты в экономической науке полезны, что экономическая ситуация может характеризоваться как возрастающей, так и убывающей отдачей, и что экономика не является чем-то заданным и сложившимся, но находится в процессе формирования – на основе постоянно развивающихся множеств институтов, регулирующих механизмов (*arrangements*) и технологических инноваций. Данный подход, в целом, зародился в Институте Санта Фе в конце 1980-х годов, но сегодня он применяется на практике³ и фокусирует внимание на ряде актуальных вопросов. Что предлагает этот иной образ мышления экономике? Как именно он работает и в каких областях применим? Заменит ли он неоклассический подход, или войдёт в состав неоклассической экономической теории? И какой логике, если таковая имеется, он подчиняется?

³ См. тома книги «Экономика как эволюционирующая сложная система» под редакцией: Эрроу, Андерсена и Пайнса (Arrow, Anderson and Pines, 1988); Артура, Дюрлауфа и Лейна (Arthur, Durlauf and Lane, 1997); Блюма и Дюрлауфа (Blume and Durlauf, 2005). Истории данных идей посвящены источники: (Fontana, 2010; Arthur, 2010b), а также популярные произведения Уолдроп (Waldrop, 1992) и Бейнхокера (Beinhocker, 2006). Разновидности теории экономической сложности включают генеративный подход в экономической теории, интерактивный подход в экономической теории, агент-ориентированную вычислительную экономику (см.: Epstein 2006a; Miller and Page, 2007; Tesfatsion and Judd, 2006).

Моя задача в рамках данной статьи состоит в том, чтобы ответить на эти вопросы, особенно – на последний, не стремясь при этом предоставить обзор, или экскурс; скорее я хочу изложить основы мышления в рамках этого нового подхода, пояснить его логику. Чтобы проиллюстрировать ключевые положения теории, я буду исходить из базовых принципов, описанных в двух моих более ранних эссе (Arthur, 1999; 2006), а также опираться на работы иных авторов⁴.

Я постараюсь показать, что этот новый подход не является всего лишь расширением стандартного подхода в экономической науке и не сводится к добавлению агент-ориентированных моделей поведения к стандартному набору моделей. Он представляет собой иной способ видения экономики – под иным углом зрения, при котором действия и стратегии постоянно развиваются, время становится важным, структуры постоянно формируются и переформируются, при котором видны феномены, невидимые с позиций стандартного равновесного анализа, и при котором мезоуровень, располагающийся между микро- и макроуровнями, становится важен. Иными словами, такой угол зрения открывает нам мир, который ближе миру политической экономики, чем неоклассической теории, – мир органический, эволюционирующий и исторически обусловленный.

Экономика и сложность

Позвольте мне начать с самой экономики. Экономика представляет собой обширный и сложный комплекс механизмов и действий, где агенты – потребители, фирмы, банки, инвесторы, правительственные учреждения – покупают и продают, занимаются спекуляцией, участвуют в торговле, наблюдают, создают продукты, предлагают услуги, инвестируют в компании, выстраивают стратегии, исследуют, прогнозируют, конкурируют, обучаются, внедряют инновации и адаптируются. Используя современную терминологию, можно охарактеризовать экономику как массивно-параллельную систему, образуемую одновременной деятельностью акторов. В результате этого одновременно осуществляемого поведения формируются рынки, цены, торговые механизмы, институты и отрасли промышленности, а также агрегированные [поведенческие] паттерны.

Одно из самых ранних пониманий экономической науки, восходящее, безусловно, к Смиту, состояло в том, что эти агрегированные паттерны формируются из индивидуального поведения, а индивидуальное поведение, в свою очередь, реагирует на эти агрегированные паттерны, что представляет собой рекурсивный цикл. Именно этот рекурсивный цикл обуславливает существование сложности (*complexity*). Сложность – это не теория, а течение, имеющееся в различных науках, изучающее, как взаимодействующие элементы системы создают всеобщие паттерны, и как эти всеобщие паттерны, в свою очередь, обуславливают изменение или адаптацию элементов. Она может изучать то, как движутся отдельные автомобили, сообщая формируя модели поведения в дорожных пробках, и как эти модели, в свою очередь, приводят к изменению положения автомобилей. Подход с точки зрения сложности объясняет процесс формирования структур, – а также то, как это формирование воздействует на обуславливающие его объекты.

Рассматривать экономику, или сферы экономики, с точки зрения сложности означает задавать вопросы о том, как экономика эволюционно развивается, а это означает детальное исследование того, как поведение индивидуальных агентов совместно формирует некий результат и как последний, в свою очередь, может изменить в итоге поведение агентов. Иными словами, это течение науки задаётся вопросом, как индивидуальное поведение может *ответно реагировать* на сообща создаваемые индивидами паттерны и как эти паттерны будут изменяться в результате. В сущности, мы задаёмся сложным вопросом – как из целенаправленных действий множества агентов формируется процесс. Так, экономическая наука в начале своей истории приняла более простой подход, в большей мере тяготеющий к математическому анализу. Заботило её не то, как поведение агентов будет *ответно реагировать* на порождённые этим поведением агрегированные паттерны, а то, какое поведение (действия, стратегии, ожидания) будет поддерживаться или будет *совместимо* с теми агрегированными паттернами, которые оно породило. Иными словами, исследователи в рамках этого подхода стремились понять, какие паттерны не потребуют изменений поведения на микроуровне и останутся, соответственно, статичны, или в состоянии равновесия. (Общую теорию равновесия, таким образом, интересовало то, какие цены и объёмы произведённых и потреблённых товаров будут согласовываться со всеобщими паттернами цен и объёмов на рынках в рамках определённой экономики, не создавая стимулов для их изменения. Классическую теорию игр занимало

⁴ Другие эссе, посвященные данному подходу: (Axtell, 2007; Colander, 2000; 2012; Epstein, 2006; Farmer, 2012; Judd, 2006; Kirman, 2011; Rosser, 1999; Tesfatsion, 2006). Термин «теория экономической сложности» был впервые использован в работе (Arthur, 1999).

то, какие стратегии, ходы или размещения будут (в соответствии с определённым критерием) согласовываться с заданными стратегиями, перемещениями, размещениями, которые может избрать конкурент – то есть будут представлять наилучшую схему поведения для агента. А экономическую теорию рациональных ожиданий интересовало то, какие ожидания будут согласовываться с результатами, порождаемыми совместно этими ожиданиями, или будут в среднем подтверждены ими.)

Этот упрощённый подход в рамках теории равновесия стал привычным способом изучения паттернов в экономике и сделал их доступными для экономического анализа. Это был вполне понятный – и даже подходящий – способ продвигать экономическую науку. И он многого достиг. Его центральный конструкт, общая теория равновесия, является не просто математически элегантной; моделируя экономику, она воссоздаёт её в нашем разуме, даёт возможность сформировать её образ, осмыслить экономику во всей её целостности. Это чрезвычайно ценно, и то же самое может быть сказано в отношении моделирования равновесия в других сферах: теории фирмы, международной торговли, финансовых рынков.

Однако это изящество равновесия имело свою цену. Экономисты воспротивились неоклассическим построениям, в которых оно выразилось, на тех основаниях, что в основе этих построений – идеализированный, рационализированный мир, который искажает реальность, а их основополагающие предпосылки зачастую подбираются для аналитического удобства (*Blaug, 2003; Bronk, 2009; 2011; Cassidy, 2009; Colander et al., 2009; Davis, 2007; Farmer and Geanakoplos, 2008; Kirman, 2010; Koppl and Luther, 2010; Krugman, 2009; Mirowski, 2002; Simpson, 2002*). Я разделяю эти возражения. Как и многие экономисты, я восхищаюсь красотой неоклассической экономики; но для меня её построения, практически утратившие связь с реальностью, излишне рафинированы (*too pure*), чересчур хрупки. Неоклассическая экономика существует в платоновском мире порядка, статичности, познаваемости и совершенства. В отсутствие порядка, статичности, познаваемости и совершенства мир неоднозначен, беспорядочен, реален.

Хорошие экономисты всегда, конечно, культивировали более полноценное видение экономики (*Colander and Kupers, 2012; Louça, 2010*), поэтому, возможно, мы могли бы опираться на равновесный подход как на основу нашего мышления, допуская, что опыт и интуиция могут восполнить недостающие реалии. Но всё же этим довольствоваться нельзя.

Исходить из предпосылки равновесия – всё равно что смотреть через мощный «фильтр», не позволяющий увидеть в экономике всё то, что можно разглядеть. При равновесном подходе по определению нет пространства для совершенствования или дальнейшего приведения в соответствие с новым состоянием, нет свободы действий для исследования, создания, возникновения краткосрочных феноменов, так что все, что имеет отношение к приведению в соответствие с новым состоянием – адаптация, инновация, структурное изменение, история как таковая, – должно быть отброшено и исключено из теории. Результатом может стать стройная система, которой однако будет не хватать достоверности, живости и творчества.

Что если бы экономическая наука позволила себе более широкие рамки и задалась вопросом, как агенты в экономике могут ответно реагировать на совместно создаваемые паттерны? Будет ли какая-то разница? Что мы увидим в этом случае?

Эндогенно порождаемое неравновесие

Первое, на что следует обратить внимание, это то, что, задавая вопрос «как агенты могут ответно реагировать?», мы неявно допускаем существование неравновесия, поскольку, если возможны новые реакции, то они окажут влияние на результаты, так что по определению равновесия в данной ситуации быть не может. Хорошо подкованный экономист мог бы возразить против этого допущения о существовании неравновесия; согласно стандартной доктрине, неравновесие не является важным для экономики. «Состояния нестабильного равновесия», по Самуэльсону (*Samuelson, 1983*), «даже если таковые существуют, являются преходящими, непостоянными. ... Сколько раз приходилось читателю наблюдать яйцо, стоящее на одном из своих концов?»⁵.

Равновесие, заверяют нас, является естественным состоянием экономики.

Я хочу убедительно показать, что это не так, категорически не так, что неравновесие является естественным состоянием экономики, и, следовательно, экономика всегда открыта для реакции. Это

⁵ Похожую мысль выразил Вальрас в 1909 году в ходе разговора с Шумпетером: «существование, в сущности, пассивно, и лишь приспосабливается к природным и социальным влияниям, которые могут на него воздействовать, так что теория стационарного процесса в действительности образует экономическую теорию целиком...» (*Tabb, 1999; Reisman, 2004*).

происходит не только из-за внешних потрясений и влияний извне, а потому, что неравновесие зарождается в экономике эндогенно. Для этого существуют две основные причины. Одна из них – фундаментальная (или найтианская) неопределённость, другая – технологические инновации. Давайте рассмотрим каждую в отдельности.

Прежде всего, фундаментальная неопределённость. Все проблемы выбора в экономике связаны с чем-то, что затрагивает будущие события, возможно, не сразу (одномоментно), а по прошествии некоторого времени. Таким образом, эти проблемы связаны с некоторой степенью неосведомлённости. В ряде случаев агенты хорошо информированы, или могут реалистично оценить вероятность наступления событий, но в ряде других случаев – фактически в большинстве – у них нет основы для этого, они попросту не знают⁶.

Я выбрал бы венчурные инвестиции и вложил бы капитал в новую технологию, но мой стартап может просто не знать о том, насколько хорошо будет работать технология, как люди получают доступ к ней, как правительство будет осуществлять регулирование или кто появится на рынке с конкурирующим продуктом. Я должен предпринять шаг, но я нахожусь в состоянии подлинного неведения – фундаментальной неопределённости, и оптимального решения здесь не существует. Всё становится ещё хуже, когда в процесс вовлекаются другие агенты; такая неопределённость становится уже самоусиливающейся. Если я точно не знаю, какова ситуация, я могу предложить, что другие агенты также не могут этого знать. Я не просто должен буду сформировать субъективные убеждения, но я должен буду сформировать субъективные убеждения о субъективных убеждениях. И другие агенты должны будут сделать то же самое. Неопределённость порождает всё большую неопределённость⁷.

Это наблюдение, конечно, не ново. Другие экономисты, в частности Шекл (*Shackle, 1955; 1992*), много писали об этом. Но это наблюдение имеет одно важное следствие для теоретизирования. В той степени, в которой результаты непознаваемы, создаваемые ими проблемы, связанные с принятием решений, не являются чётко определёнными. Отсюда также следует, что рациональность – чистая дедуктивная рациональность – также чётко не определяется, по той простой причине, что не может существовать логического решения проблемы, которая логически не определена. Отсюда следует, что в подобных ситуациях дедуктивная рациональность не просто является слабой предпосылкой; её попросту не существует. Может иметь место разумное поведение, благоразумно дальновидное поведение, но, строго говоря, не бывает дедуктивно рационального поведения. Поэтому мы не можем подразумевать его существования.

Сказанное не означает, что люди не могут осуществлять деятельность в экономике или что они не выбирают чем заниматься. Поведенческая экономика говорит нам, что часто контекст предопределяет то, как люди принимают решения, и мы, конечно, можем использовать эти выводы. А когнитивная наука утверждает, что если решение важно, люди могут посмотреть на ситуацию со стороны и попытаться разобраться в ней путём выстраивания предположений, догадок, прибегая к прошлому опыту и накопленным знаниям. Они используют своё воображение, пытаются создать некоторую картину будущего и действовать в соответствии с ней (*Bronk, 2009; 2013*). В самом деле, как говорит об этом Шекл (*Shackle, 1992*), «каждый человек представляет будущее самостоятельно, и эта работа воображения является важной частью процесса принятия решения». Один из способов смоделировать это – предположить, что экономические агенты формируют индивидуальные убеждения (возможно, несколько убеждений) или гипотезы – внутренние модели – относительно ситуации, в которой они находятся, и непрерывно их обновляют, приводя в соответствие с моментом; это означает, что они постоянно адаптируются, отказываясь от тех или иных действий и стратегий и заменяя их другими, обучаясь опытным путём – осуществляя «разведывание» (*explore*)⁸. Иными словами, они действуют, руководствуясь индукцией (*Holland et al., 1986; Sargent, 1993; Arthur, 1994*)⁹.

⁶ Как выразился Кейнс (*Keynes, 1937*), «Перспективы новой европейской войны ..., или цен на медь ..., или ставки процента через двадцать лет... Нет никакой научной основы, которая бы позволила вычислять вероятность такого рода. Мы просто не знаем».

⁷ Сорос (*Soros, 1987*) называет это принципом рефлексивности.

⁸ Стандартное возражение состоит в том, что, допуская, что агенты делают умозаключения, не руководствуясь дедукцией, подразумевает произвольность этих умозаключений. Что не даёт подобным убеждениям или поведению быть избранными *ad-hoc* с целью обеспечить желаемый результат? Конечно это возможно, однако не оправдывает возвращения к нереалистичным «рациональным» моделям поведения. Идея заключается не в том, чтобы упростить анализ путём формулирования предположений о воображаемом поведении, а в том, чтобы взять за основу такое поведение, которое делает модели реалистичными.

⁹ Неверно трактовать это как «ограниченную рациональность». Это подразумевает, что агенты не используют все логические способности, находящиеся в их распоряжении, в полную силу, что в условиях неопределённости зачастую может быть неверно.

Такая постоянная материализация этих «разведывательных» действий – источник постоянного броуновского движения в экономике. Экономика все время находится в беспокойном движении, поскольку агенты проводят разведывание, учатся и адаптируются. Это беспокойство, как мы увидим, может разрастись в некий более масштабный феномен.

Другой источник беспокойства – технологические изменения. Около ста лет назад Шумпетер (*Schumpeter, 1912*) блестяще сформулировал, что существует «источник энергии в пределах экономической системы, который сам по себе возмущает любое равновесие, которое может быть достигнуто». Этим источником он называл «новую комбинацию средств производства». (Сегодня мы бы сказали – новую комбинацию технологий.) Экономическая наука не отрицает положения, включая его однако посредством допущения, что время от времени равновесные состояния должны приспосабливаться к таким внешним изменениям.

Однако упомянутая технологическая сила нарушает равновесие в большей степени, чем допускал Шумпетер. Новые технологии порождают очередные новые технологии: когда появились компьютеры, они «потребовали», или породили, спрос на новые технологии хранения данных, компьютерные языки, вычислительные алгоритмы, полупроводниковые переключатели. Новые технологии делают возможным существование других новых технологий: появление вакуумных трубок сделало возможным, или «обеспечило» существование следующих технологий – радиопередачи и приёма сигналов, трансляции, релейных схем, первых вычислительных операций и радаров. И эти новые технологии, в свою очередь, потребовали и обеспечили, опять-таки, следующие новые технологии. Получается, что новая технология является не просто одноразовым возмутителем равновесия, а постоянным генератором, требующим всё новых и новых технологий, которые сами порождают и требуют очередных следующих технологий (*Arthur, 2009*). Отметим еще раз самоусиливающуюся природу этого процесса. Результатом его является не случайное возмущение, а непрекращающиеся волны возмущения, вызывающие новые возмущения, действующие параллельно во всей экономике, на всех её уровнях. Технологические изменения порождают дальнейшие изменения эндогенно и ежеминутно, ввергая экономику в перманентное состояние беспокойства.

Действие технологических возмущений во временном измерении несколько медленнее, чем броуновское движение, связанное с неопределённостью. Однако всё, вызываемое ими, порождает ещё большие беспорядки. И они сами по себе порождают дальнейшую неопределённость: предприятия и отрасли попросту не знают, какие технологии вторгнутся в их пространство следующими. Как неопределённость, так и технологии в итоге формируют нашу экономику, в которой агенты не имеют детерминированных средств (способов) принятия решений.

Теперь у нас вырисовывается картина экономики, отличающаяся от той, которую рисует нам стандартная теория равновесия. В той степени, в которой неопределённость и технологические изменения присутствуют в экономике, – а они распространены, разумеется, на всех уровнях – агенты должны разведывать свой предстоящий путь, «учиться» принятию решений конкретной проблемы, ответно реагировать на возможности, открывающиеся перед ними. Мы существуем в мире, в котором убеждения, стратегии, действия агентов подвергаются «проверке» на выживание в рамках определённых ситуаций, или исходов, или «экологий» (внешней среды), совместно порождаемых этими убеждениями, стратегиями и действиями. Кроме того, большей тонкости требует понимание того факта, что как таковой процесс разведывания – исследования агентами своего предстоящего пути – изменяет саму экономику и ситуацию, с которой сталкиваются агенты. Так агенты не просто реагируют в ответ на проблему, в которой пытаются разобраться; сами их действия при этом коллективно преобразовывают текущий результат, что заставляет их приспосабливаться заново. Иными словами, мы погружены в мир сложности, – сложности, тесно связанной с неравновесием.

Теоретизируя в рамках представлений о неравновесности

Итак, что мы имеем в итоге? Если экономика масштабна и деятельность кипит постоянно, то, казалось бы, мы имеем дело, выражаясь словами Шумпетера (*Schumpeter, 1954*), с «хаосом, не поддающимся аналитическому контролю». Столкнувшись учёные-экономисты с такой перспективой в прошлом, они бы просто, метафорически выражаясь, развели руками и отступили. Но что если мы не отступим, что если останемся на наших позициях и всерьёз примем идею неравновесия? Как мы поступим? Можем мы сказать что-то ценное? Что мы увидим? И, прежде всего, что это будет означать – создание, исходя из представлений о неравновесности?

Конечно, многие секторы экономики могут по-прежнему рассматриваться как находящиеся в состоянии ближе к равновесному, и стандартная теория будет для них всё так же справедлива. А другие секторы могут рассматриваться как временно отклоняющиеся от искомого равновесного состояния, и здесь мы можем изучать вопрос конвергенции. Однако в таком случае экономика по-прежнему будет рассматриваться как хорошо сбалансированный автомат, временами склонный к выходу из состояния согласованности; а такой подход не приблизит нас к пониманию сути того, как экономика ведёт себя вне равновесного состояния, и не позволит уяснить творческую природу неравновесности.

Лучший способ продвинуться в понимании – наблюдать, что в экономике текущие обстоятельства формируют условия, которые будут предопределять, что последует дальше. Экономика является системой, элементы которой постоянно обновляют своё поведение в соответствии с текущим моментом¹⁰. Иными словами, формально, мы можем говорить о том, что экономическая система представляет собой непрерывающееся *вычисление* (*computation*) – в огромных масштабах рассредоточенное, характеризующееся массовым параллелизмом, стохастическое¹¹. С этой точки зрения экономика становится системой, эволюционно, с учётом особого порядка действий (процедурно), развивающейся как последовательность событий; она становится алгоритмической.

Существует опасность того, что рассматривать экономику с этих позиций значит просто потакать современной моде в науке, однако эта идея даёт возможность отметить один важный момент. Предположим на минуту, что нам – или лучше Лапласу или «Богу» – известен алгоритм¹², стоящий за вычислениями (обширный, но конечный набор детальных механизмов, посредством которых экономика или её сектор, интересующий нас, делает свой следующий шаг). Фундаментальная теорема в теории вычислимости (*Turing, 1936*) гласит, что в целом (если мы выберем случайный алгоритм) нет никакого способа, систематического аналитического метода, который бы указал нам наперёд, остановится ли этот алгоритм, или компьютерная программа (а не будет функционировать вечно, или циклично). Хотя мы можем договориться, что остановка алгоритма производится при достижении на выходе некоторого определённого набора математических условий или при достижении определённого «решения», однако в целом мы не можем утверждать, произойдёт ли это в действительности. Другими словами, не существует аналитического метода, который бы позволил решить наперёд, как будет работать данный алгоритм, каковы будут результаты¹³. Всё, что мы можем, – это проследить вычисления и посмотреть, что они дадут. Конечно, в случае с простыми алгоритмами мы часто можем наблюдать, что их исполнение сводится к конкретному результату. Но алгоритмы не должны очень усложняться прежде, чем мы сможем предопределить их результаты (*Wolfram, 2002*).

Таким образом, нужно проявлять осмотрительность. Для сильно взаимосвязанных систем, равновесие и замкнутые формы решений не являются результатами по умолчанию; если они существуют, то требуют обоснования. И вычисление для таких систем не должно рассматриваться как избежание аналитического мышления; строго говоря, аналитическое мышление в этом случае может быть совершенно необходимым. Часто мы можем осуществлять весьма полезный предварительный анализ качественных свойств неравновесных систем и понимать механизмы, лежащие в их основе; тем не менее, в целом единственный точный способ изучить их результаты – провести сами вычисления.

Конечно, алгоритм, лежащий в основе реальной экономики, не является случайно выбранным, он представляется достаточно хорошо структурированным, так что вполне возможно, что «вычисления» реальной экономики всегда имеют простые результаты. В равной мере вычисления в экономике могут характеризоваться как неупорядоченные и неструктурированные. Обычно в секторах экономики, которые мы изучаем, так не происходит. Зачастую там, где присутствуют противодействующие силы, мы видим крупные структуры – области-аттракторы, которые свободно согласуются с равновесием. И в их пределах (либо в их отсутствие) мы видим также механизмы, порождающие феномены субпаттернов или субструктур, время от времени возникающих и исчезающих

¹⁰ Текущие обстоятельства будут, разумеется, включать и соответствующую прошлую историю или воспоминания о событиях, имевших место в прошлом.

¹¹ Современное вычислительное мышление рассматривает вычисление как непрерывающееся, одновременное (параллельное), рассредоточенное и часто вероятностное. См.: (*ACM Ubiquity Symposium, 2010*). См. также: (*Beinhocker, 2011*).

¹² Ранее я утверждал, что будущее экономики неопределённо, в связи с чем, строго говоря, экономика не является абсолютно алгоритмической. Так что для этого мысленного эксперимента в качестве «Бога» я определил того, кто может заранее предсказать, как каждый агент будет реагировать в обстоятельствах любого рода.

¹³ В том числе сходящийся ли алгоритм (или всегда остаётся в пределах заданной окрестности или некоторой границы).

случайным образом. Проводя физическую аналогию, рассмотрим солнце. Издалека оно кажется большим состоящим из газа шаром, находящимся в едином сферическом равновесии. Однако в границах данного «равновесия» мощные механизмы обуславливают динамические феномены, такие как гигантские магнитные петли и арки, корональные дыры, яркие пятна X-лучей и массовые выбросы плазмы, достигающие скорости 2000 км в секунду. Наполненный газом шар демонстрирует в реальности приблизительно сферическую форму, но он никогда не находится в равновесном состоянии. Скорее он бурлит постоянной деятельностью, которая подрывает возможность равновесного состояния и формируется на основе предшествующих возмущений. Эти феномены локализованы и могут действовать на разных уровнях. Они являются преходящими, или временными – появляясь, исчезая, – и во времени взаимодействуют, по-видимому, случайным образом.

Зачастую мы обнаруживаем похожую ситуацию в экономике. Теоретизирование в рамках представлений о неравновесности будет означать, таким образом, обнаружение масштабных аттракторов в действии (если таковые на самом деле существуют), но также и изучение других субструктур или феноменов, которые могут иметь место в силу их свойств и поведенческих характеристик. Для того чтобы изучить иные субструктуры, иные феномены системы, возможно использовать компьютерное моделирование тщательно сконструированных экспериментов; с целью определения механизмов, которые породили свойства и характеристики вышеупомянутых феноменов и субструктур, часто используются статистические результаты. И во многих случаях мы можем построить простые модели феноменов, которые отражают их основные сущностные черты и позволяют нам использовать математику или теорию стохастичности для их изучения. Следует помнить, что цель при этом не обязательно заключается в том, чтобы сформулировать уравнения или необходимые условия. Цель, как и в случае с любой теорией, – достичь понимания в целом.

Давайте совместим некоторые из этих идей друг с другом, обратившись к фактическому исследованию неравновесия, выполняемого посредством вычислений. Приведём классический пример.

В 1991 году Кристиан Линдгрэн смоделировал на компьютере турнир – соревнование стратегий в случайным образом выбираемых парах, разыгрывающий повторяющуюся игру дилеммы заключённого. (Подробности дилеммы заключённого не должны нас занимать; будем считать, что это просто игра в рамках определённого текущего набора стратегий.) Стратегии состояли из инструкций, как следует поступать в ответ на последние ходы оппонента. Стратегии, показавшие себя успешными, воспроизводились и видоизменялись, а неуспешные – удалялись. Линдгрэн допускал, что эти стратегии могут «расширяться» в результате использования сохранённых в более глубоких отсеках памяти данных о непосредственно предшествовавших ходах оппонента и собственных ходах. Так, на нашем языке мы можем говорить о таких стратегиях как о «разведывающих» стратегическое пространство: если они не успешны, они изменяются и адаптируются. Линдгрэн обнаружил, что в начале этого турнира доминируют простые стратегии, такие как «око за око», однако со временем появляются расширенные стратегии, разрабатываемые на основе более простых. Со временем уже на их основе развивались ещё более расширенные стратегии, отражающие преимущества предшествующих, при этом периоды относительной статичности перемежались динамической нестабильностью (рис. 1).

Динамика достаточно проста, чтобы Линдгрэн смог описать её системой стохастических уравнений, однако итоговая картина всё равно получилась не столь полной, и мы действительно нуждаемся в вычислениях, чтобы посмотреть, что происходит на самом деле. То, что возникает в результате вычислений, представляет собой *экосреду (ecology)* – экосреду стратегий, каждая из которых стремится выжить, используя возможности среды, создаваемой ею самой, а также другими стратегиями, которые тоже стараются выжить и использовать соответствующие возможности. Эта экосреда – миниатюра биосферы, в которой новые виды (стратегии) возникают непрерывно, используют среду, созданную существующими видами, и не выживают в случае, если потерпели неудачу. Отметим, что фактически мы говорим об эволюции, однако не как о привнесённой извне, а как о возникшей из естественной тенденции стратегий конкурировать в процессе выживания. Этот момент носит общий характер для данного типа экономической науки. Что образует «решение», так это, как правило, среда, в которой стратегии, или действия, или убеждения конкурируют; среда, которая может окончательно установиться, которая имеет собственные характерные свойства и может быть изучена с качественной точки зрения и с использованием статистики¹⁴.

¹⁴ В известной проблеме бара El Farol (Arthur, 1994) формируется экосреда постоянно меняющихся индивидуальных прогнозов на фоне общего равновесия как состояния-аттрактора. Метафорически это можно выразить как изменение отдельных деревьев при сохранении формы всего леса.

В исследовании Линдгрена исходы различаются в процессе вычисления от одной итерации к другой. Во многих итерациях появляется эволюционно стабильная стратегия, усложнённая стратегия, основывающаяся на памяти о предшествующих действиях за четыре периода. В других партиях (RUNS) система продолжает эволюционировать. В некоторых партиях прослеживается стремительное усложнение стратегий, в других – они появляются позднее.

И всё же здесь наблюдаются константы: такие феномены, как сосуществование стратегий, эксплуатация, спонтанное возникновение мутуализма, внезапные коллапсы, периоды застоя и нестабильных изменений. Более чем что-либо другое картина напоминает палеозоологию.

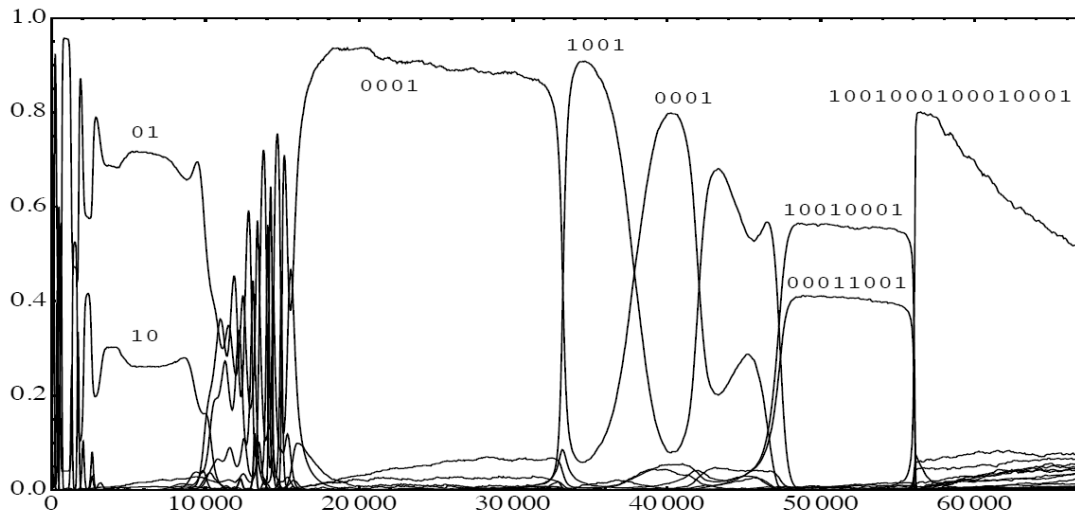

Рис. 1. Стратегии в компьютерном турнире Линдгрена

Примечание: По горизонтальной оси отмечено время, по вертикальной – количество использования конкретной стратегии, кодами маркированы глубины памяти стратегий

Я привёл исследование Линдгрена в качестве примера работы с экономической теорией неравновесия, и читатель может заинтересоваться, каким образом исследование таких основанных на компьютерных вычислениях миров может быть расценено как относящееся к экономической науке, или какое отношение это может иметь к разработке теории. Мой ответ заключается в том, что теория не состоит из математики. Математика является техникой, инструментом, хотя и сложным. Теория – это нечто иное. Теория лежит в плоскости обнаружения, понимания и объяснения феноменов, происходящих в мире. Математика способствует этому – притом в огромной степени – но и вычисление само по себе также способствует этому. В действительности, существует разница. Работа с уравнениями позволяет нам следовать аргументации шаг за шагом и выявляет условия, которым должно соответствовать решение, в то время как вычисление таких возможностей не предоставляет¹⁵. Однако вычисление – более чем компенсируя – позволяет нам видеть феномены, которые математика равновесия не позволяет увидеть. Вычисление позволяет просчитать результаты при различных условиях, исследуя, когда структуры возникают, а когда – нет, выявляя основополагающие механизмы, упрощая снова и снова для того, чтобы добраться до самой сути явления. Другими словами, вычисление помогает мышлению, поддерживая использование в экономической науке прежде применявшихся в ней инструментов – алгебры, калькулирования, статистики, топологии, стохастических процессов, – использованию каждого из которых в своё время сопротивлялись. Компьютер – это «разведочная лаборатория» для экономической науки, а будучи умело используем, – еще и мощный генератор теории¹⁶.

Всё вышеизложенное подталкивает нас двигаться вперёд в использовании неравновесного подхода при изучении экономики. Мы способны представлять экономику в целом, или её отдель-

¹⁵ Отметим, что мы всегда можем переписать любую алгоритмическую модель в форме уравнения (любое вычисление при помощи машины Тьюринга может быть представлено в форме уравнений), так что, строго говоря, анализ, основанный на вычислениях, является столь же математизированным, как и стандартный анализ. См.: (Epstein, 2006).

¹⁶ О роли вычисления при теоретизировании в области математики, физики, биологии и науках о Земле см.: (Robertson, 2003). См. также: (Bailey, 2010; Chaitin, 2006).

ные интересующие нас фрагменты, как постоянно меняющийся результат стратегий агентов, их прогнозов, поведения. И мы можем проводить исследования этих секторов, а также классических проблем в рамках экономики – перераспределения доходов между поколениями, оценки активов, международной торговли, финансовых транзакций, банкинга – посредством конструирования моделей, в которых ответное реагирование определяется не только в равновесных условиях, но во всех обстоятельствах. Иногда наши модели будут предметом математического анализа, иногда – только вычислительного, иногда – и того, и другого. Что мы можем стремиться выяснить, так это не просто условия установления равновесия, но понимание того, как формируются результаты, как они развиваются, как возникают и развиваются любые динамические феномены.

Феномены, и как они возникают

Так какие же динамические феномены возникают в условиях неравновесия? И как они, а также неравновесие, связаны со сложностью? Я рассмотрю эти два вопроса по порядку. Чтобы понять, какие паттерны или структуры могут возникать в экономике в условиях неравновесия, мы можем начать с того, что обратим внимание на разницу, которую «фильтр» равновесного подхода накладывает на паттерны, которые мы наблюдаем. Для того чтобы проиллюстрировать идею, рассмотрим простую модель процесса, протекающего несколько в стороне от экономики, а именно – модель дорожных пробок.

В рамках стандартной модели признаётся, что при приближении впереди едущих машин водители снижают скорость, а при увеличении дистанции – повышают. Дана высокая плотность движения, характеризующаяся N количеством машин на милю, что подразумевает определённую среднюю дистанцию между автомобилями, и автомобили будут замедлять скорость или ускоряться до соответствующей степени. Естественно, установится равновесная скорость, и, если бы мы ограничились в своём поиске решения равновесным решением, – то это всё, что мы бы увидели. Однако на практике при высокой плотности наблюдается феномен неравновесности. Некоторые автомобили могут замедлять скорость – их водители могут потерять концентрацию или отвлечься, в результате чего находящиеся сзади автомобили начнут также замедлять скорость. Это сразу же сделает поток ещё более плотным, что вызовет дальнейшее замедление автомобилей, едущих сзади. Компрессия распространится на задние ряды машин, поток машин вызовет затор, и возникнет дорожная пробка. Со временем пробка рассосётся. Однако обратите внимание на три обстоятельства. Во-первых, возникновение явления протекает спонтанно; и каждый такой пример уникален с точки зрения времени возникновения, масштабов распространения и времени исчезновения. Поэтому суть явлений нелегко понять посредством решений для замкнутых систем, а лучше всего изучать посредством вероятностных или статистических методов. Во-вторых, феномен является *временным*, возникая или случаясь в определённых временных рамках, и не может появиться, если мы настаиваем на равновесном подходе¹⁷. И третье, – явление имеет место не на микроуровне (уровень отдельного автомобиля) и не на макроуровне (весь поток машин на дороге в целом), а на промежуточном – *мезоуровне*.

А что же насчёт экономики в целом? Если мы желаем отказаться рассматривать феномены сквозь призму равновесия, какие феномены мы можем там обнаружить, и как они будут функционировать? Я укажу три из них.

Первый – *самоусиливающиеся изменения цен на активы*, или, в просторечии, – «мыльные пузыри» и крахи. Чтобы посмотреть, как генерируются эти изменения, рассмотрим пример Института Санта Фе с искусственным фондовым рынком (*Palmer et al., 1994; Arthur et al., 1997*). В данной компьютерной модели «инвестором» выступает искусственный разум – компьютерные программы, которые в силу причин, обозначенных ранее, не могут просто выдвигать предположения или дедуктивным путём выводить заданную модель «рациональных» прогнозов, а должны индивидуально обнаруживать ожидания (прогнозные модели), которые хорошо работают. Инвесторы случайным образом генерируют (или обнаруживают опытным путём) собственные прогнозные методы, опро-

¹⁷ Конечно, мы можем смоделировать стационарный стохастический процесс, включающий пробки, и искусственно назвать его «равновесным». Некоторые неоклассические модели так и строятся (см., например, *Angeles and La'O, 2011*). Казалось бы, это сводит на нет моё заявление о том, что стандартная теория не имеет дела с неравновесием. Однако более пристальный взгляд открывает нам, что такое неравновесное поведение всегда «обёрнуто» состоянием общего равновесия, и, как правило, рассматривается в рамках какого-то стохастического процесса, который остаётся стационарным (и, следовательно, «равновесным»). Такие модели «растягивают» неоклассическую парадигму за счёт того, что изображаются как «равновесные», будучи в сущности неравновесными процессами, так что в рамках приводимой здесь аргументации я также включаю данные модели.

буют на практике самые многообещающие из них, отбрасывают те, которые не работают, и периодически генерируют новые, чтобы заменить существующие. Цены на акции формируются на основе заявок инвесторов на покупку и продажу в конечном итоге – на основе прогнозов агентов. Наш рынок становится экосредой прогнозных методов, которые либо показывают свою эффективность, позволяя преуспеть, либо отсеиваются; то есть рынок становится экосредой, непрерывно изменяющейся в данном процессе¹⁸. Таким образом, мы наблюдаем несколько феноменов, главный из которых – спонтанное возникновение «мыльных пузырей» и крахов.

Чтобы понять, как последние возникают, мы можем представить на основе нашего эксперимента упрощённую версию этого механизма. Предположим, некоторые из наших инвесторов «обнаруживают» такой класс торговых прогнозов, который, в сущности, говорит: «Если цена выросла на протяжении k последних периодов, можно ожидать, что в следующем периоде она повысится на $x\%$ ». Предположим также, что некие инвесторы (может быть, даже прежние инвесторы) «обнаруживают» прогноз следующего типа: «Если текущая цена более чем в u раз превышает величину базовой прибыли (или дивидендов), следует ожидать её падения на $z\%$ ». Первый из приведённых прогнозов ведёт к поведению, вызывающему возникновение пузыря: если цена поднимается на некоторое время, инвесторы будут скупать акции, подтверждая таким образом прогноз, что может привести к дальнейшему росту. В конечном счёте это толкает цену вверх, до значения, достаточного для того, чтобы запустить прогноз второго типа. Владеющие этими акциями инвесторы продают их, цена падает, что отменяет повышательный прогноз, мотивируя других инвесторов также продавать, а в результате следует обвал котировок. Масштабы и продолжительность таких сбоев различны, они происходят во времени случайным образом, так что не могут быть предсказаны. Что может быть предсказано, так это то, что этот феномен будет иметь место и будет характеризоваться определённым распределением вероятностей с точки зрения размеров и масштаба.

Вторым временным феноменом является *кластеризованная волатильность*. Она подразумевает появление случайных периодов низкой активности, за которыми следуют периоды высокой активности. В случае с нашим искусственным рынком – это периоды низкой и высокой ценовой волатильности. Низкая волатильность преобладает тогда, когда прогнозы агентов работают достаточно хорошо и в одном направлении; таким образом, низкие стимулы как изменять эти прогнозы, так и отказываться от тех результатов, которые они приносят. Высокая волатильность возникает тогда, когда некоторые агенты или группы агентов «обнаруживают» лучшие способы прогноза. Это привносит возмущение в общую картину, так что другие инвесторы должны менять свои методы прогнозирования для того, чтобы заново адаптироваться, вызывая дальнейшее возмущение и необходимость адаптироваться в очередной раз. (Эта модель поведения отчётливо прослеживается в исследовании Линдгрена, рис. 1.) Результатом является период интенсивной перестройки, или волатильности. Такие случайные периоды низкой волатильности, перемежающиеся периодами высокой волатильности, обнаруживаются в данных реального финансового рынка; соответствующая модель получила название GARCH-поведения.

Третий феномен, который имеет больше отношения к параметру пространства, чем времени, мы можем назвать *внезапной перколяцией*. Когда где-то в пределах сети происходят изменения, которые могут распространяться далее, если сеть является слабосвязанной, то изменения рано или поздно будут сведены на нет ввиду отсутствия развития связей. Если сеть является полностью связанной, изменения распространятся и будут продолжать распространяться. В случае сети банков, отдельный частный банк может обнаружить, что он владеет проблемными активами. Соответственно, он будет вынужден повышать свою ликвидность и призвёт к этому своих контрагентов из числа прочих банков. Последние, в свою очередь, вынуждены будут повышать свою ликвидность и призывать к этому своих контрагентов, и так изменения распространятся каскадом по сети (Haldane, 2009). Подобные события могут обусловить серьёзные проблемы. Они затухают в слабосвязанной сети, но распространяются – или проникают (*percolate*) – в течение длительных периодов по мере того, как степень связи растёт, пройдя определённую точку (Watts, 2002)¹⁹.

¹⁸ Ср.: наблюдение Сороса (Soros, 1987), что «фондовые рынки являются местом, где тестируются различные предположения».

¹⁹ Литература в области изучения сетей обширна: см., например, (Albert et al., 2002; Allen and Gale, 2000; May et al., 2008; Newman et al., 2006). Сети могут быть взаимно стабилизирующими (например, банки, предоставляющие услуги страхования другим банкам), равно как и взаимно дестабилизирующими (как в случае с убытками, которые каскадом распространяются на все финансовые институты). А топология сети определяет скорость распространения изменений равно как и то, повышается ли стабильность сети с ростом её связности или нет (Scheffer et al., 2012).

Этот последний пример подводит нас к свойству общего характера. В целом в сложных системах феномен не возникает прежде чем некоторый основополагающий параметр модели, отражающий интенсивность приспособливания или степень связи, не пройдет некоторую точку и не достигнет некоторого критического уровня. Тогда совокупное поведение совершает *фазовый переход*. В случае с нашим искусственным фондовым рынком, при низких темпах «разведывания» инвесторами новых прогнозов, поведение рынка свернется до состояния равновесия, формируемого рациональными ожиданиями (агенты делают идентичные прогнозы, которые являются источником изменения цен, в среднем оправдывая эти прогнозы): воцаряется простое поведение. Однако если наши инвесторы «разведывают» более быстрыми, более реалистичными темпами, у рынка развивается «многоаспектная психология» различающихся убеждений агентов, образующих основу прогнозирования, и появляется временный феномен: преобладает сложное поведение. Если же темпы «разведывания» настроены на более высокий уровень, то индивиды не могут успешно приспособливать своё поведение к стремительно изменяющемуся поведению других людей, и будет преобладать хаотическое поведение. Другие исследования (например, *Hommes, 2009; Kopel, 2009; LeBaronet al., 1999*) выявили похожие переходы режима от равновесия к сложности и хаосу или от равновесия к сложности и множественному равновесию (*Galla and Farmer, 2012*). Подобные переходы, я полагаю, будут общими для неравновесных моделей.

Теперь мы можем приступить к рассмотрению того, как подобные феномены, или порядок, или, если угодно, структуры связаны со сложностью. Теория сложности, как я уже говорил, это изучение последствий взаимодействий; она изучает паттерны, или структуры, или феномены, возникающие из взаимодействий между элементами – частицами, клетками, диполями, агентами, фирмами. Очевидно, что в нашем примере сети имеет место взаимодействие, однако на нашем фондовом рынке взаимодействие является менее явным. Если один из наших инвесторов покупает или продаёт, это оказывает влияние на цену, пусть незначительное, и другие могут реагировать на это изменение. Во всех трёх вышеприведённых примерах изменения могут распространиться в пределах систем.

Теория сложности изучает, как происходят такие изменения. Другими словами, теория сложности изучает распространение изменений через взаимосвязанное поведение. Когда банк попадает в стрессовую ситуацию, он может передать соответствующее изменение связанным с ним соседям, которые могут транслировать его своим соседям, а последние, в свою очередь, передадут *своим*. Событие, возникшее в одной точке, вызовет каскад событий: часто этот каскад, или лавина, распространяется только с тем, чтобы повлиять лишь на один-два других элемента, иногда он затрагивает большее количество элементов, и совсем редко – их множество. Математическая теория таких процессов, которая составляет очень большую часть теории сложности, показывает, что распространение событий, вызывающих появление последующих событий, демонстрирует такие характерные свойства, как степенные зависимости (обусловливаемые множеством частых незначительных распространений и несколькими редкими значимыми распространениями), «тяжёлые хвосты» распределения вероятностей (длительные, хотя более редкие распространения, имеют место чаще, чем предсказывает закон нормального распределения)²⁰, и длинная корреляция (события могут распространяться и распространяются на большие расстояния и длительные временные промежутки). Эти свойства обнаруживаются во всех видах систем – физической, химической, биологической, геологической, в которых распространяются события, так что неудивительно, что они присутствуют в наших примерах из области экономики, где распространение играет главную роль²¹. Фактические экономические данные также убедительно их демонстрируют (*Brock et al. 1992; LeBaron et al., 1999*).

Можно увидеть и кое-что ещё. Если степень взаимодействия в такой системе изменяется «извне» (скажем, вероятность событий, вызывающих последующие события, повышается, или добавляется больше связей), то число последствий для системы будет расти – переходя от незначительного их количества (либо их отсутствия) к их множеству, а затем – к бесчисленному множеству последствий. Система пройдет через фазовый переход. Все эти свойства являются отличительными признаками сложности.

²⁰ Их вероятности пропорциональны $\exp(-|распространение-длина|)$, а не $\exp(-распространение-длина)$ обширных нормальных отклонений.

²¹ Причина, по которой эти свойства не фигурируют в стандартной экономической теории, заключается в том, что последняя предполагает, что агенты реагируют на *заданную* равновесную цену, а не на ту, которая колеблется в результате поведения других агентов; таким образом, случайные изменения, которые совершают индивидуальные агенты, являются независимыми и могут быть суммированы. Следовательно, их результатом являются нормальные распределения.

Теперь мы можем сказать, почему неравновесие связано со сложностью. Неравновесие в экономике принуждает нас изучать распространение изменений, вызываемых им; а сложность тесно связана с изучением такого распространения. Отсюда следует, что такой взгляд на экономику относится как раз к компетенции теории сложности²².

И ещё один комментарий. Проиллюстрированные мною феномены возникают и исчезают как раз в различные исторические времена или в определённом пространстве, так что мы не увидим их, если будем настаивать на подходе с точки зрения равновесия. И они являются локализованными: возникают в одной части сети или фондового рынка, возможно для того, чтобы распространяться оттуда. Как правило, они действуют во всех масштабах – сетевые события могут включать лишь незначительное число отдельных «узловых» точек или могут быть ощутимы по всей экономике. Однако обычно они имеют место на промежуточном уровне между микро- и макро-, так что мы справедливо можем называть их *мезофеноменами*²³. Они являются свойствами *мезоэкономики*.

Всё же на это можно возразить, что такие феномены мало на что влияют. Основу образует, в конечном счёте, стандартное равновесное решение, которое по-прежнему обладает валидностью первого порядка. Это, конечно, справедливо в случае с нашей моделью фондового рынка; никакая капитализация эмитента, на протяжении долгого периода времени, не будет равна стократной прибыли эмитента²⁴. Но – и это важное «но» – интересные вещи происходят на рынках в связи с тем, что на них возникают феномены, имеющие временный характер, и эти феномены происходят при отклонении от равновесного состояния. Это, в конце концов, – те процессы, результат которых имеет финансовый характер. Мы могли бы подобным образом сказать, что в океане под действием силы тяжести, которую нельзя отрицать, приблизительно равновесный уровень моря обладает валидностью первого порядка. Это – безусловная истина. Но, как и в случае с рынками, интересные вещи происходят в океане не на уровне равновесия моря, которое редко осуществимо, они происходят на поверхности, там, где каждое имеющееся нарушение равновесия вызывает дальнейшее нарушение равновесия. Это как раз тот уровень моря, на котором находятся лодки.

В данном разделе я использовал в качестве иллюстрации три довольно хорошо известных феномена. Были отмечены и другие феномены, и, несомненно, остаётся множество тех, которые предстоит обнаружить. Что именно к ним относится, каковы их характеристики, как они могут взаимодействовать, – всё эти вопросы важны для будущих исследований. Однако наиболее важный вопрос, на который, согласно нашей аргументации, необходимо обратить внимание, – новый в экономике уровень – мезоуровень, на котором события могут вызывать другие события любого масштаба. В экономике есть промежуточный мезоуровень, и именно на этом уровне явления наступают, продолжают какое-то время, а затем прекращаются.

Позитивная обратная связь

Я хотел бы указать ещё на один момент относительно механизмов, рассмотренных нами. Они возникают из самоусиливающегося характера поведения в процессе взаимодействий. Агенты покупают акции, или незначительно возмущают рынок, или распространяют некоторые изменения, и это вызывает дальнейшее вовлечение в процесс купли, или дальнейшее возмущение, или дальнейшее распространение изменений. Или, как мы видели ранее, агенты демонстрируют неопределённость в выборе, и это порождает дальнейшую неопределённость; или привносят некую новую технологию, и она влечёт за собой дальнейшие новые технологии. Такая положительная обратная связь нарушает статус-кво, порождая неравновесие. А также обуславливает возникновение новых структур. Незначительный затор в дорожном потоке вызывает дальнейший затор и соответствующую структурную форму, в данном случае – дорожную пробку. Именно здесь начинается упомянутое мною броуновское движение; оно привносит возмущение, становясь очагом для незначительных перемещений элементов в пространстве; положительная обратная связь усиливает эти движения, и они «закрепляются», чтобы в конечном итоге через некоторое время прекратиться.

В действительности положительная обратная связь является свойством, в большой степени характеризующим сложные системы, или, скажу точнее, таковым свойством сложных систем является одновременное наличие положительной и отрицательной обратной связи. Система, демонстрирующая только отрицательную обратную связь (в экономике это убывающая отдача), быстро сходится

²² Таким образом, эту разновидность экономической теории справедливо называть теорией экономической сложности.

²³ О более ранних использованиях терминов с приставкой «мезо» в экономике см.: (Dopfer, 2007; Elsner and Heinrich, 2009).

²⁴ Однако это неверно в целом: многие экономические ситуации не имеют сил, ведущих к какому-либо из равновесных аттракторов.

к равновесию и демонстрирует «застой». Если система демонстрирует только положительную обратную связь, то она выходит из-под контроля, при этом её поведение становится подобным взрыву. Смещение же обоих видов обратной связи даёт «интересное», или «сложное», поведение. При положительной обратной связи взаимодействия дополняют друг друга и порождают структуру, на которую со временем будут влиять противоположные силы, и такая структура исчезнет. Так структуры появляются и исчезают, некоторые продолжают существовать, а некоторые порождают новые структуры. Система «живёт».

Это наблюдение является вкладом в более ранние исследования в области экономики по положительной обратной связи или возрастающей отдаче. При этом, если фирма (или продукт, технология, географический регион) опережает другие, возможно, в результате незначительных случайных событий, в условиях возрастающей отдачи она получит дальнейшее преимущество и будет развиваться далее; возрастающая отдача может и в последующем продолжать доминировать в своём влиянии на результат (Arthur, 1989; 1994). Если N фирм конкурирует, то существует и N возможных результатов конкуренции, но N не должно быть малым числом. В конце 1800-х годов раскладки клавиатур пишущей машинки «сорежновались» за использование, и только одна из них – та, которой мы пользуемся сегодня, стала стандартом. Однако простой расчёт показывает, что существовало более 10 возможных результатов этой конкуренции. А это, по любым меркам, немалая величина.

Процессы возникновения возрастающей отдачи в настоящее время хорошо известны. Что бы я добавил, так это то, что положительная обратная связь представлена в экономике в более широких масштабах, чем мы прежде считали: она обнаруживается не только в случае с фирмами или продуктами, но и с малыми и крупными механизмами, в поведении, связанном с принятием решений, рыночном, финансовом поведении и сетевой динамике. Она действует на всех уровнях, дестабилизируя экономику, даже в макромасштабе (теория Кейнса может быть рассмотрена как сфера позитивной обратной связи, временами замыкающаяся на одном из двух возможных состояний: полной занятости или безработицы). Положительная обратная связь обуславливает набор характерных свойств: множество состояний-аттракторов, непредсказуемость, эффект блокировки, возможную неэффективность и зависимость от предшествующего пути развития. Их аналогами в физике являются множественные метастабильные состояния, непредсказуемость, синхронизация фаз или мод, высокая энергия основных состояний и неэргодичность. Опять же, эти свойства мы связываем с формальной сложностью.

Экономика в процессе формирования

Я хотел бы обратиться сейчас к совершенно иной теме – теме, основ которой мы коснулись в затронутом нами ранее вопросе возмущения, привносимого технологиями. До сих пор мы рассматривали только *данные* элементы, составляющие экономику, реагирующие на паттерны, порождаемые ими, и формирующие неизменно новые паттерны. И всё же это не отражает в полной мере одной фундаментальной характеристики экономики. Экономика постоянно создаёт и воссоздаёт саму себя, и происходит это посредством создания *новых* элементов – новых технологий и институтов, которые производят новые структуры по мере эволюционного развития экономики. Как именно это происходит? Как экономика формирует саму себя и изменяется структурно? Шумпетер (Schumpeter, 1908) охарактеризовал этот вопрос как «наиболее важное из всех явлений, которые мы стремимся объяснить». Помочь здесь призвана теория сложности, тесно связанная с процессами создания и воссоздания структуры.

Давайте начнём с того наблюдения, что если мы хотим посмотреть, как экономика конструирует саму себя и изменяется, мы должны обратиться к технологии и к тому, как *она* конструирует саму себя и изменяется с течением времени. Технология является не единственным агентом изменений в экономике, но, безусловно, – основным (Solow, 1957). При рассмотрении экономических изменений принято отождествлять технологические и производственные функции, рассматривать экономику как их вместилище. По мере появления новых промышленных технологий производственные функции изменяются, растёт выпуск, а труд и прочие ресурсы высвобождаются; это обеспечивает появление новых средств, которые можно инвестировать в дальнейшее развитие технологий. Экономика плавно перемещается от одного равновесного состояния к другому, демонстрируя эндогенный рост. Эта стройная картина хорошо сочетается с экономикой равновесия. Однако основная движущая сила – технология – оказывается отодвинута на задний план, а на передний план выходят цены и количества. Технологии при этом рассматриваются как бесформенные, они просто каким-то образом возникают, поодиночке и случайно, в отсутствие представлений о структуре процесса их влияния на экономику, изменения её характера с течением времени.

Подход с точки зрения теории сложности поместил бы технологии на передний план, а цены и количества – на задний план²⁵. Он признал бы существование структурного процесса возникновения технологий и их внедрения в экономику (Arthur, 2009), сосредоточиваясь при этом непосредственно на составе (наборе) технологий, существующих в любой данный момент времени, и задаваясь вопросом, как этот набор развивается эволюционно: как его составляющие рождаются, как они создают и воссоздают взаимоподдерживающие комплексы, и как со временем это изменяет структуру экономики.

Для начала мы можем определить индивидуальные технологии как средства достижения целей людей. В таком случае к технологиям можно отнести промышленные процессы, оборудование, медицинские процедуры, алгоритмы и бизнес-процессы, а также организации, законы и институты – ведь это тоже средства достижения целей. Важным моментом относительно технологий является то, что они конструируются, сочетаются, объединяются всегда из частей, фрагментов, а также их составляющих. Последние, в свою очередь, также служат средствами достижения целей, так что новые технологии формируются на основе сочетания существующих технологий²⁶. Лазерный принтер был сконструирован на основе лазера, цифрового процессора и ксерографии (процессор направляет высокосфокусированный лазерный луч, чтобы «нарисовать» картинку на копировальном барабане). Теперь у нас есть система, в которой новые элементы (технологии) постоянно формируются на основе существующих элементов, способных породить другие элементы.

Теперь давайте определим экономику как совокупность регулирующих механизмов (*arrangements*) и направлений деятельности, посредством которых общество удовлетворяет свои потребности. Разумеется, механизмы, о которых идёт речь, – технологии в экономике. Такой взгляд на экономику нетрадиционен, но он вполне согласуется с позицией экономистов-классиков, которые исходят из роли средств производства в экономике. Можно сказать, что экономика *происходит* (*emerges*) из своих механизмов, своих технологий: она является выражением своих технологий. Рассматриваемая таким образом, экономика немедленно превращается в экосреду собственных средств производства (своих технологий), и в этой среде используемые технологии должны взаимно поддерживаться и быть экономически совместимы.

Можно добавить ещё одно наблюдение. Технологии рождаются только если существует «спрос» на них. Большей частью этот спрос обеспечивается потребностью в самих технологиях. Автомобиль «требует» или «вызывает появление» новых технологий разведки нефти, нефтяного бурения, переработки нефти, массового производства, продажи бензина и техобслуживания автомобиля, порождая спрос на них. В любой момент времени, таким образом, существует открытая сеть возможностей вовлечения очередных технологий и механизмов.

Теперь у нас есть представление о «базовых настройках». Чтобы привести их в движение, мы можем задаться вопросом, как создаётся набор технологий. Соответствующие этапы отражены в следующем алгоритме формирования экономики.

1. Возникает новая технология. Она создаётся на основе определённых существующих технологий и включается в их активный действующий набор как новый элемент.
2. Новый элемент становится пригоден для того, чтобы заменить существующие технологии и компоненты существующих технологий.
3. Новый элемент устанавливает дальнейшие «потребности» или нишевые возможности для поддерживающих технологий и организационных механизмов (условий).
4. Если старые технологии, оказавшиеся замещёнными, исчезают из набора, связанные с ними потребности снижаются. Нишевые возможности, предоставлявшиеся старыми технологиями, исчезают вместе с ними, а элементы, которые, в свою очередь, наполняли их, могут потерять активность.
5. Новый элемент становится годен в качестве потенциального компонента последующих технологий – последующих элементов.
6. Экономика – модель товаров и услуг, производимых и потребляемых – подстраивается под эти этапы. Издержки и цены (и, следовательно, стимулы для новых технологий) изменяются соответствующим образом.

Так, железнодорожный локомотив был сконструирован на основе уже существовавшего парового двигателя, бойлера, коленчатого рычага и железных колёс. Он начал широко использоваться примерно с 1829 года (шаг 1); заменил существовавшие поезда на конной тяге (шаг 2); сформиро-

²⁵ Другие подходы к процессу становления с точки зрения сложности см. в: (Hildago and Hausmann, 2009; Lane et al., 2009). По теме структурных изменений см.: (North, 1981).

²⁶ Шумпетер (Schumpeter, 1912) называет эту комбинацию ключевой движущей силой процесса формирования (или «развития», как он его называл).

вал потребности в изготовлении железных рельсов и организации железных дорог (шаг 3); обусловил сокращение перевозок по воде и лошадьми (шаг 4); стал ключевым звеном в транспортировке товаров (шаг 5); и со временем вызвал изменения цен и стимулов в масштабе всей экономики (шаг 6). Такие события могут развиваться параллельно: к примеру, новые возможности появляются почти сразу, как только возникает новая технология.

Проиграв этот алгоритм в уме, вы обнаружите много интересного. Он может привести в движение последовательность событий, которые никогда не заканчиваются, поскольку каждое из них может инициировать каскад последующих событий. Новая технология может вызвать появление других технологий, которые будут добавлены на этапах 3 и 5; последующее замещение старых технологий в соответствии с этапом 4, а также дальнейшее приспособливание («настройку») на этапе 6. А эти новые технологии, в свою очередь, могут привести к дополнительным возможностям, дополнительным технологиям, последующим заменам одних технологий другими. Алгоритм может быть прост, однако, будучи однажды запущен, он порождает многообразное, сложное, бесконечно новое поведение.

Такова картина основных механизмов формирования экономики. В то же время существует и второй пласт механизмов, которые составляют последующую структуру. Новые технологии часто вступают в игру группами (Perez, 2002; Arthur, 2009): так было на протяжении десятилетий с семействами технологий – паровых, электрических, химических, цифровых. Они основаны на определённой основной технологии, скажем, на паровом двигателе или на семействах феноменов – химических, электрических, генетических, которые связаны и становятся доступными. И они нестройно формируются на основе одной-двух прежних центральных технологий, впоследствии восполняя существование требуемых субтехнологий. Эти массивы технологий не адаптированы в рамках экономики; скорее они *опробуются* (encountered) в промышленности, в сочетании с бизнес-процессами, которые уже существуют и вызывают новые направления деятельности, новые стимулы, новые доступные процессы и небольшие иррупции в виде маленьких фирм, немногие из которых идут дальше, чтобы стать крупными фирмами.

Экономика – совокупность механизмов и видов деятельности, которые удовлетворяют наши потребности, выстраивается как результат всего этого. В действительности экономика является результатом всего описанного.

Я обрисовал лишь самую суть процессов, посредством которых экономика заново формирует саму себя, и каждый механизм имеет субмеханизмы, которые здесь опущены (см.: Arthur, 2009). Но обратите внимание на общую тему: несколько простых свойств технологии порождают систему изменяющихся элементов (технологий), и каждый новый элемент, созданный на основе предыдущих элементов, вызывает замену, и все они вызывают постоянно меняющуюся совокупность требований – спрос на другие элементы, что в целом направляется и структурируется свойствами и возможностями доминирующих семейств актуальных для своего времени явлений.

Весь этот процесс создаёт сам себя. Новые технологии формируются на основе существующих технологий, так что общность технологий является самопроизводящей, или *аутопоэтической*. Равно как и экономика, будучи формируема на основании своих технологий и опосредуя создание последующих технологий, она таким образом, формирует саму себя. И здесь мы снова оказываемся на территории теории сложности.

Теперь мы можем понять, как экономика изменяется структурно. Как только внедряются новые физические технологии, возникают соответствующие потребности, и появляются новые формы организации и новые институты, а это, в свою очередь, требует очередных новых технологий – очередных методов, организаций и институтов. Возникает структура. В более длительном временном масштабе крупные массивы технологий определяют основообразующий способ, посредством которого осуществляются операции в экономике – итак, у нас есть эпоха пара, эра железных дорог, цифровая эра. Они также представляют характерные или основообразующие вызовы, которые стимулируют появление новых решений; экономика изменяется структурно. Паровой двигатель и первое текстильное оборудование сделали возможным появление экономики, основанной на фабрично-заводской промышленности, в Викторианскую эпоху, а их стремительное распространение вызвало возникновение новых регулирующих механизмов: законов, касающихся обеспечения безопасности детей, норм по улучшению условий труда, а также профсоюзов в их сегодняшней форме²⁷. По мере того как экономика изменяется дальше, изменяется её организация и институты,

²⁷ Политэконом Уильям Табб (Tabb, 1999) определил структурные изменения следующим образом: «Технологические революции и политические перевороты обуславливают экономические возможности, которые затем становятся данностью в течение продолжительных периодов кажущейся стабильности, в течение которых нормативно-правовые режимы, разрабатываемые для условий социальной структуры накопления определённой эпохи, создают

и это вызывает появление новых регулирующих механизмов – новых технологий – и новых изменений. Происходит структурная трансформация экономики. Мы можем вычленивать механизмы, посредством которых экономика возобновляется, однако мы не можем предсказать с точностью, как они вступят в игру. В целом процесс (или, если желаете, вычисление) не является детерминированным, будучи кроме того преимущественно неравновесным.

Заметьте, что обрисованная мной теория является алгоритмической: она выражается совокупностью процессов, запускаемых другими процессами, а не набором уравнений. Читатель может, опять-таки, задаться вопросом, каким образом это может называться теорией? Проведём параллель с биологией. Даже сегодня, 150 лет спустя после выхода книги «Происхождения видов» Дарвина, ещё никому не удалось свести процессы, посредством которых создаются новые виды живых организмов, формируется экология и зарождаются целые эпохи, характеризующиеся доминированием определённых видов, к системе, основанной на уравнениях. Причина состоит в том, что эволюционный процесс основывается на механизмах, которые происходят пошагово, приводят в действие друг друга (запускают друг друга) и непрерывно выявляют новые категории – новые виды. Уравнения хорошо справляются в случае изменений в числах или количествах в пределах *данных* категорий, но не в случае появления самих новых категорий. Вместе с тем надо признать, что главные механизмы эволюции хорошо изучены и образуют единую систему общих положений, согласующихся с наблюдениями явлений реального мира, так что соответствующие представления действительно образуют теорию²⁸. Биология, таким образом, является теоретичной, однако не математизированной областью; она основана на процессах, но не на количествах. Одним словом, она является *процедурной* (*procedural*). То же самое справедливо и в отношении детальной экономической теории формирования и изменения²⁹, которая нацелена на достижение глубокого понимания механизмов, направляющих формирование экономики и необязательно стремящихся свести их к уравнениям. Процедурная теория, описанная мной, не отрицает традиционную теорию, а представляет собой альтернативу, которая делает акцент на самом драйвере изменений – на технологиях.

Как мы можем всё это углублённо изучать? Базовые процессы являются алгоритмическими, так что мы с уверенностью можем конструировать их ключевые механизмы при помощи компьютерного моделирования³⁰. Исследования в этой области находятся ещё в начальной стадии. Цельная картина, которую мы получим в итоге, будет отражать созидательное формирование новых элементов, формирующихся на основе существующих элементов; новых структур, формирующихся на основе существующих структур; самого процесса формирования, происходящего на основе ранее сформированного. Таков в полной мере подход в рамках теории сложности.

Дискуссия

К этому моменту должно стать ясно, что у нас есть иная основа для размышления об экономике, такая, которая акцентирует внимание не на физических товарах и услугах, а на процессах изменения и создания. Однако, как читатель мог догадаться, этот взгляд не является чем-то совершенно новым применительно к экономическому мышлению. Он связан с более ранними размышлениями, а именно образом мышления, который я хотел бы сейчас прокомментировать.

В экономике существуют две главные проблемы. Одна касается *размещения* (*allocation*) в пределах экономики: как на различных рынках устанавливаются количества товаров и услуг и их цены. Представлена она великими теориями общего равновесия, международной торговли и аналитическим аппаратом теории игр. Вторая проблема относится к процессу *формирования* (*formation*) в рамках экономики: в первую очередь, как экономика возникает, а затем как она расширяется и

видимость последовательного прогресса. Эти институциональные формы, соответствующие одной стадии развития, становятся бременем, препятствующим развитию новых сил и зарождающихся производственных отношений. Динамика рыночных сил порождает социальные проблемы, которые, по мере того как они становятся всё более серьёзными, необходимо решать посредством идейной борьбы, из которой формируются новые правила, нормы и институты».

²⁸ Похожее наблюдение может быть сделано и в отношении теорий эмбриологического развития, биохимических путей, молекулярной генетики и клеточной биологии. Процесс митоза (деления клеток) не описывается математическим языком, однако серии описывающих его фаз, или этапов, хорошо понятны, пусть и сложны.

²⁹ У читателя может возникнуть соблазн сделать обратный перевод знакомых терминов, таких как капитал, труд, рост и т. д. Это осуществимо, однако я предпочитаю иной способ «представления» или понимания изменений в экономике, подобно тому, как магнитно-резонансная томография даёт иное изображение органов, чем привычный рентген.

³⁰ В 2006 году мы с Вольфгангом Полаком успешно смоделировали на компьютере процесс создания (*creation*) более сложных технологий (цифровых логических схем), возникших в результате случайной комбинации предшествующих комбинаций (более простых схем).

структурно изменяется с течением времени. Эта проблема представлена концепциями инноваций, экономического развития, структурных изменений и роли истории, институтов и правительства в экономике. Проблема размещения очень хорошо изучена и в высшей степени математизирована, проблема формирования изучена в меньшей степени и едва ли подлежит математизации³¹.

Как это произошло? Примерно до 1870 года обе проблемы были одинаково важны для великих экономистов-теоретиков. Смит, Милль и Маркс – все они способствовали созданию рациональной науки, исходя из проблемы размещения, однако в равной мере они делали вклад и в разрешение вопроса формирования, управления и истории. Затем в Викторианскую эпоху произошла маржиналистская революция и возникла теория общего равновесия, опутавшая проблему размещения алгеброй и математическими вычислениями (исходившими из строгих предпосылок рациональности и равновесия). Однако невозможно было таким же способом интерпретировать проблему формирования. В силу природы последней, её невозможно было свести ни к статике, ни к рациональности, и в результате математизация экономикса – взятого в XX веке в качестве «теории» экономики – миновала её. Процессы формирования по-прежнему изучались Маршаллом, Вебленом, Шумпетером, Хайеком и Шекклом, а также многими последующими институционалистами и историками. Однако эти размышления относились в основном к конкретному историческому периоду, к изучению частных случаев, носили частный и интуитивный – словом, литературный – характер, в силу чего считались не подлежащими генерализации. Так что со временем то, что стали называть политической экономией, оказалось отброшено в сторону, и хотя признавалось практичным и полезным, но не всегда значимым.

Теперь экономистам понятно, что математический анализ проблемы размещения далёк от того, чтобы охватить всю экономическую науку и плохо справляется с вопросами формирования, разведывания, адаптации и качественных изменений (*Tabb, 1999*). Теория экономической сложности, напротив, тесно связана с этими вопросами создания и формирования структуры, с изучением механизмов, посредством которых это происходит. В этом смысле теория сложности встречается с политической экономией и возрождает её великую традицию, и им обеим – к моему большому удовольствию – есть что сказать друг другу. Теория экономической сложности позволяет нам исследовать – разведывать – мир формирования теоретически и систематично; политическая экономия позволяет нам исследовать его интуитивно и эмпирически. Такой новый подход поможет обеспечить теоретическую основу политической экономии. Он не вытеснит, да ему и не следует этого делать, исторический анализ частных случаев, а углубит и поможет развить эту важную ветвь мысли. А политическая экономия углубит и поможет развить теорию экономической сложности.

Одна из сильных сторон политической экономии – её ощущение истории, исторического времени, которое имеет реальную важность, непреложную ценность и которое непрерывно создаёт новые структуры. Неоклассическая экономическая теория, напротив, слабо принимает время в расчёт (*Smolin, 2009; 2012*). В состоянии равновесия результат достигается просто, и время, по большому счёту, перестаёт существовать; либо в динамических моделях оно становится параметром, который можно обращать назад или прокручивать вперёд, для того чтобы отметить наличие определённого результата. Это доставляло беспокойство многим мыслителям-экономистам. Как блестяще выразилась Джоан Робинсон (*Robinson, 1980*): «Как только мы признали, что экономика существует во времени, что история движется в одном направлении, от невозвратимого прошлого к неизвестному будущему, концепция равновесия ... стала несостоятельной. Вся традиционная экономическая наука нуждается в том, чтобы её переосмыслили заново».

Конечно, в том что касается переосмысления этого вопроса о времени, теория экономической сложности созвучна политэкономии. В «вычислении», которым является экономика, события с большей и меньшей вероятностью их наступления в определённые неповторяющиеся моменты определяют аттракторы, прекратившие существовать, временные структуры, которые формируются и отмирают, рождающиеся технологии, экономические структуры и институты, которые возникают в итоге, технологии и структуры, которые, в свою очередь, строятся на их основе; в действительности будущая форма экономики – это альтернативный будущий путь. Экономика на всех уровнях и во все времена является зависимой от предшествующего пути развития. История вновь становится важной. И время появляется вновь.

Естественно возникает вопрос, имеет ли этот подход политическое применение? Конечно, теория сложности учит нас, что рынки, предоставленные сами себе, демонстрируют тенденцию к раздуванию пузырей, подвержены краху, порождают множество локальных состояний-аттракторов,

³¹ См. превосходную дискуссию об этих двух ветвях экономической науки: (*Tabb, 1999*). См. также (*Bronk, 2009*).

репродуцируют события через финансовые сети и порождают цепочку технологических решений и вызовов, что открывает дверь для различного рода ограничительной политики, подталкивающей в направлении желаемого результата и рассудительно способствующей созданию благоприятных условий для инноваций. Коландер и Куперс (*Colander and Kupers, 2012*) лаконично назвали это становлением правильных метасловий.

Это, конечно, справедливо. Но я полагаю, что мы можем сформулировать и более сильное утверждение. Провалы экономической науки в практическом мире происходят в основном из-за того, что экономика рассматривается в равновесном состоянии. Если мы обратимся к экономическим кризисам последних 25 лет – фиаско, последовавшим после того, как в России в 1990-годах рынки отпустили в свободное плавание; масштабным играм на энергетическом рынке Калифорнии после снятия ограничений в 2000 году; краху банков Исландии в 2008 году; продолжающемуся кризису Еврозоны; обвалу на Уолл-стрит в 2008 году – всё это было вызвано в немалой степени эксплуатацией системы несколькими игроками, занявшими удачную позицию, или рынками, вырвавшимися из-под контроля (*Arthur, 2010a*). Мышление в рамках равновесного подхода не может «распознать» такую эксплуатацию заблаговременно, в силу скрытой причины: по определению, равновесие является состоянием, в котором ни у одного из агентов нет никаких стимулов отклоняться от своей нынешней линии поведения, поэтому эксплуататорское поведение возникнуть не может. Нелегко, следуя такому подходу, распознать и экстремальное поведение рынка: отклонения быстро корректируются противодействующими силами. В соответствии со своими базовыми допущениями, экономическая теория равновесия просто не может претендовать на роль приоритетного инструмента ни для выявления эксплуатации в отдельных секторах экономики, ни для предвидения её системных поломок.

Теория экономической сложности, напротив, учит нас, что экономика постоянно открыта для ответа, и что каждая её часть открыта для нового поведения – получения выигрыша либо резкого изменения в структуре. Применение теории сложности в экономике подразумевает тщательный контроль на местах, подобно тому, как власти вводят строительные нормы в сейсмоопасных регионах. Но не менее важно то, что этот подход приблизит нас к более реалистичному пониманию. Экономика не является совокупностью действий индивидов, лишённых мотивации изменять поведение и коллективно обуславливать приближение оптимальности; экономика представляет собой сеть стимулов, которые всегда вызывают возникновение дальнейшего поведения, развитие новых стратегий, обеспечивают «коллективно-разумные» результаты на этом пути, и постоянно побуждают систему изменяться.

Заключение

Теория экономической сложности не является дополнением к стандартной экономической теории (см. *Фонтана, 2010*), равно как и не сводится к добавлению агент-ориентированного поведения к стандартным моделям. Это иной способ экономического мышления, при котором экономика рассматривается не как система, находящаяся в состоянии равновесия, а как система, находящаяся в движении, постоянно «вычисляющая» саму себя и постоянно заново себя конструирующая. Там, где экономическая теория равновесия делает акцент на существовании порядка, предопределённости, дедукции и статике, теория экономической сложности фокусируется на роли случайных событий, отсутствии предопределённости, создании смыслов и открытости к переменам. Существует и другой способ сказать об этом. До настоящего времени экономическая наука основывалась больше на существительных, чем на глаголах. Она запечатлевала изменения, происходящие во времени с экономической функцией, как изменения в уровнях фиксированных сущностей, обозначаемых существительными – занятости, производства, потребления, цен. Теперь происходит смещение к тому, чтобы рассматривать эти изменения как серии отглагольных действий – прогнозировать, ответно реагировать, внедрять инновации, замещать, которые выступают причиной, вызывают последующие действия.

Такой сдвиг выявляет важную промежуточную прослойку в экономике – *мезоуровень*, переопределяя то, что представляет собой решение в области экономической науки. Решение уже не предполагает обязательного наличия набора математических условий, но выявляет паттерны, множество возникающих феноменов, множество изменений, которые могут вызвать дальнейшие изменения, множество существующих элементов, создающих новые элементы. Теория, в свою очередь, направлена не на открытие безусловно и бесконечно генерализуемых теорем, а на глубокое понимание механизмов, создающих эти паттерны и позволяющих изменениям распространяться.

Эти изменения в экономической теории во многом являются частью более масштабных изменений в самой науке. Все науки приобретают процедурный характер, становясь более алгоритмическими, более «тюринговскими»; и в меньшей степени – основывающимися на уравнениях, непрерывности и ньютоновской механике, чем раньше. Происходит это благодаря как развитию биологии в качестве строгой науки, так и в результате расцвета вычислительной и компьютерной науки. Даже математика движется в этом направлении. Грегори Хайтин (*Chaitin, 2012*) отмечает, что математика переходит из области непрерывных функций, дифференциальных уравнений и статических результатов в область дискретных функций, комбинаторной логики и алгоритмического мышления. «Компьютер», – говорит он, «это не просто чрезвычайно полезная технология, это – революционно новый вид математики с глубокими философскими последствиями. Он открывает целый новый мир». Наука и математика освобождаются от своих непреложных истин, становясь открытыми процедурному мышлению, и нет никаких оснований ожидать, что в экономической науке будет иначе.

Теория экономической сложности не является частным случаем неоклассической теории. Напротив, экономическая теория равновесия представляет собой особый случай экономической теории неравновесия и, следовательно, теории экономической сложности. Можно сказать, что теория экономической сложности – это экономическая теория в её более общем виде. Равновесный подход, конечно, будет оставаться полезным при первом приближении, в частности при изучении ситуаций в экономике, которые являются чётко определёнными, поддаются рационализации и достаточно статичны. Однако этот подход больше не может претендовать на центральное место в экономической теории. Уверенно движется в этом направлении³² экономическая теория, которая может рассматривать взаимодействия в более широком контексте, распознавать неравновесные феномены, изучать новизну, процессы формирования и изменения.

Теория экономической сложности все ещё находится на начальной стадии развития, и многие экономисты стремятся расширить её границы. Это подход, который показывает нам экономику, постоянно саму себя изобретающую, создающую возможности для использования возможностей, постоянно открытую для ответа. Не та экономика, которая мертва, статична, неподвластна времени и совершенна, а та, которая жива и органична, постоянно меняется и кипит беспорядочной энергией.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- ACM Ubiquity Symposium (2010). What is Computation?
- Angeletos G.-M. and La'O J. (2011). Decentralization, Communication, and the Origins of Fluctuations // *NBER Working Paper* no. 17060. Cambridge, Ma.: NBER.
- Albert R., Jeong H. and Barabasi A.-L. (2000). Attack and Error Tolerance of Complex Networks // *Nature*, vol. 406, pp. 379–382.
- Allen F. and Gale D. (2000). Financial Contagion // *Journal of Political Economy*, vol. 108, no. 1, pp. 1–33.
- Arrow K., Anderson P. and Pines D. (1988). The Economy as an Evolving Complex System. Reading, MA, Addison-Wesley.
- Arthur W.B. (1989). Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // *Economic Journal*, vol. 99, pp. 116–131.
- Arthur W.B. (1994). Bounded Rationality and Inductive Behavior (the El Farol problem) // *American Economic Review Papers and Proceedings*, vol. 84, pp. 406–411.
- Arthur W.B. (1994). Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Arthur W.B., Durlauf S. and Lane D. (eds.) (1997). The Economy as an Evolving Complex System II. Reading, MA, Addison-Wesley.
- Arthur W.B., Holland J.H., LeBaron B., Palmer R. and Tayler P. (1997). Asset Pricing under Endogenous Expectations in an Artificial Stock Market / In: Arthur W.B., Durlauf S. and Lane D., *op. cit.*
- Arthur W.B. (1999). Complexity and the Economy // *Science*, vol. 284, pp. 107–109.
- Arthur W.B. (2006). Out-of-equilibrium Economics and Agent-based Modeling / In: *Tesfatsion L. and Judd K., op. cit.* below.
- Arthur W.B. and Polak W. (2006). The Evolution of Technology in a Simple Computer Model // *Complexity*, vol. 11, no. 5.
- Arthur W.B. (2009). The Nature of Technology: What it Is and How it Evolves. New York: Free Press.

³² См.: (Holt et al., 2010; Davis, 2007).

- Arthur W.B. (2010a). Exploitive Behavior in Policy Systems. Mss., IBM Almaden.
- Arthur W.B. (2010b). Complexity, the Santa Fe Approach, and Nonequilibrium Economics // *Hist. Econ. Ideas*, vol. 18, no. 2, pp. 149–166.
- Axtell R. (2007). What Economic Agents Do: How Cognition and Interaction Lead to Emergence and Complexity // *Rev. Austrian Econ.*, vol. 20, pp. 105–122.
- Bailey J. (2010). *Emerge: The Data-Rich Mathematical Infinitesimals of Life*. MAPematics.
- Beinhocker E. (2006). *The Origin of Wealth: Evolution, Complexity, and the Radical Remaking of Economics*, Cambridge, Ma.: Harvard Business School Press.
- Beinhocker E. (2011). Evolution as Computation: Integrating Self-Organization with Generalized Darwinism // *J. Inst. Econ.*, vol. 7, no. 3, pp. 393–423.
- Blaug M. (2003). The Formalist Revolution of the 1950s // *J. History of Economic Thought*, vol. 25, no. 2, pp. 145–156.
- Blume L. and Durlauf S. (2006). *The Economy as an Evolving Complex System III*. NY: Oxford U. Press.
- Brock W.A., Lakonishok J. and LeBaron B. (1992). Simple Technical Trading Rules and the Stochastic Properties of Stock Returns // *Journal of Finance*, vol. 47, pp. 1731–1764.
- Bronk R. (2009). *The Romantic Economist: Imagination in Economics*. UK, Cambridge: Cambridge U. Press.
- Bronk R. (2013). Epistemological Difficulties with Neoclassical Economics // *Rev. Austrian Economics*, forthcoming.
- Cassidy J. (2009). *How Markets Fail: the Logic of Economic Calamities*. NY: Farrar, Straus and Giroux.
- Chaitin G. (2006). *Meta Math! The Quest for Omega*. NY: Vintage Books.
- Chaitin G. (2012). *Proving Darwin: Making Biology Mathematical*. NY: Pantheon Books.
- Colander D. and Kupers R. (2012). *Laissez-Faire Activism: The Complexity Frame for Policy*. Princeton.
- Colander D. (ed.) (2000). *The Complexity Vision and the Teaching of Economics*, UK, Cheltenham: E. Elgar.
- Colander D., Goldberg M., Haas A., Juselius K., Lux T., Föllmer H., Kirman A. and Sloth B. (2009). The Financial Crisis and the Systemic Failure of the Economics Profession // *Critical Rev.*, vol. 21, no. 2.
- Davis J. (2008). The Turn in Recent Economics and Return of Orthodoxy // *Cambridge J. Econ.*, vol. 32, pp. 349–366.
- Dopfer K. (2007). The Pillars of Schumpeter's Economics: Micro, Meso, Macro / In: *Hanusch H. and Pyka A. (eds.) Elgar Companion to Neo-Schumpeterian Economics*. UK, Cheltenham: E. Elgar.
- Elsner W. and Heinrich T. (2009). A Simple Theory of «Meso»: on the Co-evolution of Institutions and Platform Size // *Journal of Socio-Economics*, vol. 38, pp. 843–858.
- Epstein J. (2006a). *Generative Social Science*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Epstein J. (2006b). Remarks on the Foundations of Agent-based Generative Social Science / In: *Tesfatsion and Judd, op. cit.* (below).
- Farmer J.D. and Geanakoplos J. (2008). The Virtues and Vices of Equilibrium and the Future of Financial Economics // *Complexity*, vol. 14, no. 8, pp. 11–38.
- Farmer J.D. (2012). Economics Needs to Treat the Economy as a Complex System. Mss.
- Fontana M. (2010). Can Neoclassical Economics handle Complexity? The Fallacy of the Oil Spot Dynamic // *J. Economic Behavior & Organization*, vol. 76, pp. 584–596.
- Fontana M. (2010). The Santa Fe Perspective on Economics // *Hist. Econ. Ideas*, vol. 18, no. 2, pp. 167–196.
- Galla T. and Farmer J.D. (2012). Complex Dynamics in Learning Complicated Games. Mss.
- Haldane A.G. (2009). Rethinking the Financial Network // *Speech at Financial Student Assoc.*, Amsterdam. Bank of England.
- Harris D.J. (2003). Joan Robinson on «History versus Equilibrium» // *J. Robinson Centennial Conference*, Burlington, Vt.
- Hildago C.A. and Hausmann R. (2009). The Building Blocks of Economic Complexity // *Proc. Nat. Acad. Sci.*, vol. 106, no. 26, pp. 10570–10575.
- Holland J., Holyoak K., Nisbett R. and Thagard P. (1986). *Induction*. Cambridge, Ma.: MIT Press.
- Holt R., Rosser J. and Colander D. (2010). *The Complexity Era in Economics*. Middlebury College.
- Hommes C.H. (2009). Bounded Rationality and Learning in Complex Markets / In: *Rosser J.B., op. cit.* below.
- Judd K. (2006). Computationally Intensive Analyses in Economics / In: *Tesfatsion and Judd, op. cit.* below.

- Keynes J.M. (1937). The General Theory of Employment // *Quarterly Journal of Economics*, vol. 51, pp. 209–233.
- Kirman A. (2011). Complex Economics. NY: Routledge.
- Kirman A. (2010). The Economic Crisis is a Crisis for Economic Theory // *CESifo Economic Studies*, vol. 56, no. 4, pp. 498–535.
- Kopel M. (2009). Oligopoly Dynamics / In: Rosser, J.B., *op. cit.* below.
- Koppl R. and Luther W. (2010). BRACE for a new Interventionist Economics. Fairleigh Dickinson U.
- Krugman P. (2009). How did Economists Get it so Wrong? // *NY Times*, September 6.
- Lane D., Pumain D., Leeuw S., van der and West G. (eds.) (2009). Complexity Perspectives in Innovation and Social Change. Berlin: Springer.
- LeBaron B., Arthur W.B., and Palmer R. (1999). Time Series Properties of an Artificial Stock Market // *Journal of Econ. Dynamics and Control*, vol. 23, pp. 1487–1516.
- Lindgren K. (1991). Evolutionary Phenomena in Simple Dynamics / In: Langton C., Taylor C., Farmer J.D. and Rasmussen S. (eds.) *Artificial Life II*. Reading, MA, Addison-Wesley.
- Louça F. (2010). Bounded Heresies. Early Intuitions of Complexity in Economics // *Hist. Econ. Ideas*, vol. 18, no. 2, pp. 77–113.
- May R., Levin S. and Sugihara G. (2008). Complex Systems: Ecology for Bankers // *Nature*, vol. 451, pp. 893–895.
- Miller J. and Page S. (2007). Complex Adaptive Systems: An Introduction to Computational Models of Social Life. Princeton, NJ: Princeton U. Press.
- Mirowski P. (2002). Machine Dreams: Economics Becomes a Cyborg Science. UK: Cambridge U. Press.
- Newman M., Barabasi A-L. and Watts D. (eds.) (2006). The Structure and Dynamics of Networks. Princeton.
- North D. (1981). Structure and Change in Economic Theory. NY: Norton.
- Palmer R.G., Arthur W.B., Holland J., LeBaron B. and Tayler P. (1994). Artificial Economic Life: A Simple Model of a Stock market // *Physica D*, vol. 75, pp. 264–274.
- Perez C. (2002). Technological Revolutions and Financial Capital. UK, Cheltenham: E. Elgar.
- Reisman D. (2004). Schumpeter's Market: Enterprise and Evolution. UK, Cheltenham: E. Elgar.
- Robinson J. (1980). Time in Economic Theory // *Kyklos*, vol. 33, no. 2, pp. 219–29.
- Robinson J. (1973). What has Become of the Keynesian Revolution? / In: Robinson J. (ed.) *After Keynes*. Oxford: Basil Blackwell.
- Robertson D.S. (2003). Phase Change: the Computer Revolution in Science and Mathematics. NY: Oxford.
- Rosser J.B. (1999). On the Complexities of Complex Economic Dynamics // *J. Econ Perspectives*, vol. 13, no. 4.
- Rosser J.B. (ed.) (2009). Handbook of Research on Complexity. UK, Cheltenham: E. Elgar.
- Samuelson P.A. (1983). Foundations of Economic Analysis. Cambridge, MA, Harvard (originally 1947).
- Sargent T.J. (1993). Bounded Rationality in Macroeconomics. Oxford: Clarendon Press.
- Scheffer M., Carpenter S., Lenton T., Bascompte J., Brock W., Dakos V., Koppel J., van de, Leemput I., van de, Levin S., Nes E., van, Pascual M. and Vandermeer J. (2012). Anticipating Critical Transitions // *Science*, vol. 338, 19 Oct.
- Schumpeter J.A. (1908). Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie. Leipzig: Dunker & Humbolt.
- Schumpeter J.A. (1961). The Theory of Economic Development (1912). London: Oxford Univ. Press.
- Schumpeter J.A. (1954). History of Economic Analysis. London: Allen and Unwin.
- Shackle G.L.S. (1955). Uncertainty in Economics. UK: Cambridge, Cambridge U. Press.
- Shackle G.L.S. (1992). Epistemics and Economics. Transaction Publishers.
- Simpson D. (2002). Rethinking Economic Behaviour. NY: St. Martin's Press.
- Smolin L. (2009). Time and Symmetry in Models of Economic Markets (<http://arxiv.org/abs/0902.4274>).
- Smolin L. (2013). Time Reborn. NY: Houghton Mifflin Harcourt.
- Solow R. (1957). Technical Change and the Aggregate Production Function // *Rev. Economics and Statistics*, vol. 39, pp. 312–320.
- Soros G. (1987). The Alchemy of Finance. NY: Simon & Schuster.
- Tabb W. (1999). Reconstructing Political Economy. NY: Routledge.

Tesfatsion L. and Judd K.L. (eds.) (2006). Handbook of Computational Economics: Vol. 2. Agent-based Computational Economics. NY: North-Holland Elsevier.

Tesfatsion L. (2006). Agent-Based Computational Economics: A Constructive Approach to Economic Theory / In: Tesfatsion and Judd, op. cit., 2006.

Turing A.M. (1936). On Computable Numbers, with an Application to the Entscheidungsproblem // Proc. London Math. Society, Series 2, vol. 42, pp. 230–265.

Waldrop M. (1992). Complexity. NY: Simon & Schuster.

Watts D. (2002). A Simple Model of Global Cascades on Random Networks // PNAS, vol. 9, pp. 5766–5771.

Wolfram S. (2002). A New Kind of Science. Champaign, IL.: Wolfram Media.

ЕЩЕ РАЗ О ПРЕПОДАВАНИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

В.Л. ТАМБОВЦЕВ,

доктор экономических наук, главный научный сотрудник,
экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия,
e-mail: tambovtsev@econ.msu.ru

Статья посвящена критическому анализу двух тем, часто упоминаемых в учебно-методических материалах по институциональной экономике: характеристике институтов как общественных благ и содержанию принципа методологического индивидуализма. Показана неточность ряда трактовок, встречающихся в учебно-методических материалах, обосновываются корректные понимания обоих названных понятий. Институты не являются общественными благами, поскольку для них не выполняются оба признака последних: доступ к действию по правилу может быть легко ограничен (например, лица, не являющиеся гражданами страны, не могут участвовать в выборах); институты конкурентны в использовании в силу ограниченной пропускной способности их гарантов. Таким образом, корректно характеризовать институты как клубные блага с насыщением. Методологический индивидуализм часто путают с предпосылкой эгоизма экономических агентов и с их «атомизацией», т. е. независимостью агентов от социальной среды. Прямые цитаты из М. Вебера, Л. фон Мизеса, Дж. Бьюкенена и др. показывают, что такие отождествления некорректны. Методологический индивидуализм – это принцип, согласно которому единственным актором в экономике является индивид, только он может иметь цели и интересы, а также совершать действия.

Ключевые слова: институциональная экономика; институты; общественные блага; методологический индивидуализм.

ONCE AGAIN ON THE INSTITUTIONAL ECONOMICS' TEACHING

V.L. TAMBOVTSEV,

Doctor of Economics, Senior Staff Scientist,
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics, Moscow, Russia,
e-mail: tambovtsev@econ.msu.ru

The paper is devoted to the critical analysis of two topics that are often noticed in the teaching and learning aids on institutional economics: qualification of institutions as public goods, and principle of methodological individualism content. It is shown that some part of teaching and learning aids includes irrelevant representations of these topics. Accordingly the correct treatments of the named topics are suggested. Institutions are not public goods because both attributes of the last one are violated: institutions are excludable since the access to the actions that institution presumes can be easily restricted (for example, persons that are not citizens of a country cannot participate in elections); institutions are rivalrous since the limited capacity of the enforcer. So strictly speaking institutions are congested club goods. Methodological individualism is frequently confused with selfishness and «atomization», i.e. agents' independency from social environment. Direct citation of M. Weber, L. von Mises, J. Buchanan et al. clearly shows that it is not the case. Methodological individualism is the principle that asserts that only actor in economy is individual; only individual can have goals and interests, and be subject of action.

Keywords: institutional economics; institutions; public goods; methodological individualism.

JEL classifications: A23, B52, D02, H41.

Введение

Более десяти лет назад я имел честь быть опубликованным на страницах журнала *TERRA ECONOMICUS* со статьей, посвященной проблемам преподавания институциональной экономики в российских вузах (*Тамбовцев, 2004*). За прошедшие годы в организационном плане ситуация существенно изменилась к лучшему. Если в начале 2000-х гг. такие курсы читались лишь в некоторых вузах, то в настоящее время они вошли в состав обязательных, отражены в различных стандартах и т. п., возникли типовые программы, учебники, учебные пособия, методические комплексы – в общем, все то, что сопровождает вполне устоявшиеся учебные дисциплины.

Однако на этом фоне успешного развития преподавания институциональной экономики ряд содержательных моментов продолжает оставаться весьма проблемным. При этом я вовсе не имею в виду несоответствие исследовательских позиций авторов читаемых курсов, скажем, сторонников традиционной и новой институциональной экономической теорий: все теоретические направления внутри институциональной экономики, если они помогают изучать окружающую нас реальность, имеют право на существование, рост и процветание. Я имею в виду нечто иное: наличие в целом ряде методических материалов повторяющихся утверждений, которые по сути своей неверны, причем эта их особенность, по-видимому, не осознается значительным числом преподавателей, продолжающих включать эти неверные утверждения в свои программы, планы и лекции.

Отнюдь не претендуя на сколько-нибудь полный анализ содержания методических материалов, – я провел лишь выборочный анализ текстов, представленных в интернете, – остановлюсь только на двух сюжетах, которые представляются значимыми для корректного обеспечения у учащихся требуемых компетенций. Первый касается трактовки институтов как общественных благ, второй – содержания принципа методологического индивидуализма, являющегося важным компонентом оснований новой институциональной экономической теории (НИЭТ).

Являются ли институты общественными благами?

Квалификацию институтов как общественных благ можно встретить в нескольких учебно-методических материалах, например, в программе НИУ ВШЭ по институциональной экономике для социологов (*Полищук, Борисова, 2012. Тема 1.3*), в методических материалах Е.А. Смирновой (*Смирнова, 2012. С. 5*) и Е.П. Даниловой (*Данилова, 2013. С. 12*), в учебном пособии Т.А. Завьяловой (*Завьялова, 2010. С. 21*) и др.

Для того, чтобы определить, кому принадлежит пальма первенства в трактовке институтов как общественных благ, необходимо специальное библиографическое исследование. Отнюдь не претендуя на проведение такового, отмечу, что с большой вероятностью впервые институты (и законы) были охарактеризованы как общественные блага Дж. Бьюкененом, назвавшим их предпосылками рыночной координации, которые должны быть установлены посредством политического действия (*Buchanan, 1976. P. 277* [Ор. cit.: *Elsner, 1989. P. 191*]). Развернутая характеристика институтов и культур как общественных благ была дана С. Корнеллом и Дж. Колтом в начале 1990-х гг. (*Cornell and Kalt, 1990; 1992*). Позже с аналогичными положениями выступили А.Е. Шаститко (*Шаститко, 1996; 1997. С. 70–73*), Т. Коуэн (*Cowen, 2002*) и многие другие авторы.

Наиболее известной среди этих публикаций является статья Р. Познера и Э. Расмусена, которые утверждают: «Норма – это общественное благо. Хотя можно представить себе и исключения, но обычно нормы неконкурентны, поскольку с ростом числа использующих норму издержки не растут; они также неисключаемы, поскольку люди, не участвующие в принуждении их к исполнению, не могут быть исключены из [получателей] выгод [от их существования]. Нормы, следовательно, пребывают в опасности быть недопроизведенными. По той же причине, однажды установленную норму трудно изменить, изменение нормы – это тоже общественное благо» (*Posner and Rasmusen, 1999. P. 377*). Приведенные положения дополняет Т. Коуэн: «Принуждение многих норм к исполнению – это общественное благо. Успешное принуждение обеспечивает выгоды многим членам общества, хотя включает частные издержки гаранта (*norm enforcer*). Почему тогда нормы соблюдаются? Почему каждый возможный гарант не надеется на усилия других, ведя себя как фрирайдер, и не участвует в принуждении нормы к исполнению?» (*Cowen, 2002. P. 211*).

По нашему мнению, приведенные суждения, правильно отражая содержание некоторых проблем, используют при этом не только некорректную терминологию, но и неточные аргументы. Например, Р. Познер и Э. Расмусен ссылаются на отсутствие роста издержек с ростом числа адресатов нормы, причем речь, вероятно, идет об издержках принуждения к исполнению. Это верно, если иметь в виду только неформальные институты, однако неверно для формальных институтов, поскольку

«пропускная способность» специализированного механизма принуждения соответствующих правил к исполнению *ограничена*, и рост числа адресатов ведет либо к снижению уровня защиты правила, либо к росту издержек на функционирование такого механизма. Об этом ясно писал Дж. Марголис более полувека назад: Самуэльсон «утверждает, что коллективные блага не рационализируются, – что использование блага [индивидом] А не налагает какие-либо издержки на [индивида] В. Ясно, что это не выполняется в случае таких общих услуг, предоставляемых государством, как образование, госпитали, скоростные автодороги, чьи ограниченные мощности – это темы ежедневной прессы. Верно ли это для более суверенных [для государства] функций правосудия и полиции? Напряженный календарь судебных заседаний определенно говорит о том, что использование этой функции А делает ее менее доступной для В...» (Margolis, 1955. P. 347). Что касается неисключаемости норм из использования, то существование тайных обрядов, к которым не допускаются непосвященные, является простым доказательством обратного. О том же свидетельствует и массовая практика ограничений следования некоторым правилам неграждан того или иного государства.

Обратимся теперь к риторическим вопросам Т. Коуэна, полагающего, что общественным благом является принуждение нормы к исполнению. Анализ современной литературы, посвященной проблематике так называемого «альтруистического наказания» (altruistic punishment, или costly punishment), дает все основания заключить, что участие в нем представляет собой *частное благо* добровольного гаранта, наказывающего нарушителя.

Убедительные свидетельства того, что «спусковым крючком» альтруистического наказания является *гнев*, испытываемый индивидом, сталкивающимся с нарушением какой-либо нормы, представлены в статье Э. Сайпа и др. (Seip et al., 2009). В ней не только дан обстоятельный обзор публикаций по данной теме, но и представлены результаты собственных экспериментов авторов с кооперативными играми, которые показали, что «в альтруистическом наказании важно не то, насколько другие нарушают норму или насколько нечестными воспринимаются такие нарушения, а то, насколько люди испытывают гнев по поводу этих нарушений» (Ibid. P. 194).

Если по поводу внутренних эмоциональных мотиваций, «запускающих» реакцию наказания, исследователи в целом согласны, что это гнев и боль, то относительно внешних стимулов (кроме прямого физического и нефизического ущерба) такого согласия нет. Здесь основными «конкурентами» выступают *желание избежать неравенства*, с одной стороны, и *стремление к взаимности* (как выгод, так и ущербов), с другой стороны. В этой связи интересны данные, представленные Н. Райхани и К. Маколифф (Raihani and McAuliffe, 2012), которые экспериментально показали, что люди наказывают нечестность, только когда она порождает *ощутимое неравенство*, а не из желания отплатить взаимностью: принимая решение о наказании, жертвы *сравнивают* собственные доходы с доходами нечестных партнеров. С нашей точки зрения, из этих наблюдений нельзя сделать однозначных выводов, поскольку важна еще и различимость ущерба от нечестности: если ущерб невелик, т. е. неразличим на фоне общих доходов, то издержки наказания могут лишь еще увеличить его, поэтому вполне рационально его просто *забыть*. Если же причиненный ущерб велик, то наказание вполне может оказаться следствием стремления к взаимности.

В этой связи не вызывают удивления выводы А. Лайббрандта и Р. Лопес-Переса о том, что в проведенных ими экспериментах наибольшая доля игроков в своих решениях о наказании и вознаграждении руководствовалась *смесью* стимулов избегания неравенства и стремления к взаимности, и лишь небольшая часть – каким-то одним из них (Leibbrandt and López-Pérez, 2011).

Неточно трактуя институты как общественные блага, некоторые авторы говорят о существовании феномена «недопроизводства институтов» (см., например, (Шаститко, 1997. С. 79–81)). Как представляется, такая постановка является, – если воспользоваться биологической терминологией, – *химерой*, т. е. объектом с сочетанием свойств, принадлежащих различным «видам», – в нашем случае, разным теоретическим подходам. Представления о недопроизводстве общественных благ связаны с предпосылкой существования некоторого идеального оптимума их поставки, с которым сравнивается фактический объем общественных благ. В рамках же (новой) институциональной экономической теории существование такого идеала не предполагается, в ней сравниваются реально осуществимые варианты (дискретные институциональные альтернативы). Поэтому вопрос о том, каков идеальный «объем» институтов, по отношению к которому они «недопроизводятся», в этой теории просто не ставится, и более того, *не может быть поставлен*, если не нарушать ее собственные предпосылки.

Подводя итог, можно заключить, что *корректной* трактовкой институтов была бы квалификация их как *клубных благ с насыщением* (congested club goods), а принуждения к исполнению

неформальных институтов – как *социально-значимого блага* (merit good), т. е. частного блага со значительными внешними эффектами.

Почему я считаю, что эти уточнения являются не чистым буквоедством, а необходимым элементом корректного преподавания институциональной экономики? Если преподаватель считает, что институциональная экономика как часть современной экономической теории – это строгая наука, а не *story-telling* (М. Алле), не требующее четкости и однозначности определений, то предлагаемое уточнение позволяет это наглядно продемонстрировать. Если же преподаватель полагает, что под именем институциональной экономики скрывается набор неясных представлений, лишенных достаточной научной обоснованности, полный приблизительных метафор и не требующий при его изложении учащимся какой-либо строгости, он, разумеется, может продолжать произносить в аудитории неверные утверждения.

Что такое принцип методологического индивидуализма?

Принцип методологического индивидуализма упоминается и обсуждается в большом числе различных учебно-методических материалов по институциональной экономике, доступных в интернете. Если в ряде из них предлагается его вполне корректная трактовка¹, то в других читатель может познакомиться с достаточно фантастическими версиями. Так, в глоссарии рабочей учебной программы дисциплины «Институциональная экономика» можно прочесть следующее определение: **«Методологический индивидуализм (methodological individualism)** – аналитический прием, использующийся в современной экономической теории, определяющий экономических агентов как рациональных, автономных и равноправных» (Суворова, не датировано. С. 8). В учебно-методическом пособии по институциональной экономике в разделе «Самостоятельная работа студента (контрольные тесты)» предполагается, что верный ответ на вопрос «19. Методология анализа неоклассиков» должен звучать так: «Методологический индивидуализм – объяснение институтов через потребность индивидов в существовании рамок, структурирующих их взаимодействия в различных сферах» (Головенкин, 2013. С. 9). Дословно это же утверждение, но уже как определение, дается в Учебно-методическом комплексе дисциплины ГСЭ.Р.03. Институциональная экономика (Долматова, 2013. С. 27). По мнению Е.В. Рошупкиной, методологический индивидуализм – это прием экономического анализа, восходящий к А.Смиту, предполагающий единственным мотивом «экономического человека» стремление к богатству (Рошупкина, 2010. С. 40).

Своеобычная логика прослеживается в изложении данной проблематики в курсе лекций по институциональной экономике Я.И. Кузьмина и М.М. Юдкевич. На с. 16 авторы представляют «Поведенческие предпосылки неоклассической модели общего равновесия», в числе которых называют «Б) ИНДИВИДУАЛИЗМ. Индивид всегда преследует свою собственную, а не чью-то иную выгоду, свои собственные, а не навязанные ему извне цели. В теории игр эта модель называется моделью «простого рационального некооперативного поведения». Изначально люди некооперативны, они не стараются заботиться друг о друге или об общественном благе, им это не присуще. Необходимость заботы друг о друге им надо доказать, и тогда они будут делать это сознательно». На с. 18 авторы начинают критиковать эти предпосылки, причем на с. 21 «индивидуализм» загадочно трансформируется в «методологический индивидуализм», критику которого авторы проводят следующим образом: «В принципе, методологический индивидуализм отрицается историей. Существует огромная литература, неопровержимо доказывающая, что большинство людей на протяжении истории очень часто заботилось не о своих собственных интересах, а о процветании своего города, благосостоянии своей общины, своего сеньора, иногда даже жертвуя жизнью» (Кузьминов, Юдкевич, 2002. С. 21). Какое это имеет отношение к методологическому индивидуализму – можно лишь гадать...

Еще более нетривиальная контаминация имеет место в учебном пособии по институциональной экономике Т.А. Завьяловой: «**Методологический индивидуализм** – прием, который говорит о том, что все анализируемые вещи складываются под действием индивидов (экономические агенты, фирмы).

В принципе, методологический индивидуализм отрицается историей. Существует множество трудов, неопровержимо доказывающих, что большинство людей на протяжении истории очень часто заботилось не о своих собственных интересах, а о процветании своего города, благосостоянии своей общины, своего сеньора, иногда даже жертвуя жизнью» (Завьялова, 2010. С. 7). Как очевид-

¹ Например: «Методологический индивидуализм – базовый экономический принцип современной неоклассической теории: все действия и влияния в экономике представляют собой прерогативу индивидуального выбора» (Устюжанина и др., 2014. С. 29).

ный факт заботы многих людей не только о себе, но и о других, может отрицать то, что экономические феномены «складываются под действием индивидов», понять может, вероятно, только автор приведенной цитаты...

Что же собой в действительности представляет принцип методологического индивидуализма (далее для краткости – ПМИ)? Для того чтобы понять это, достаточно обратиться «к истокам» – работам М. Вебера, сформулировавшего этот принцип².

Суть ПМИ раскрывается М. Вебером следующим образом: обсуждая социальные феномены, мы часто говорим о различных «социальных общностях, таких как государства, ассоциации, корпорации и фонды, как если бы они были индивидуальными личностями» (Weber, 1968. Р. 13), утверждая, что они строят планы, осуществляют действия, страдают от потерь и т. п. С точки зрения ПМИ все подобные выражения – не более чем метафоры, и «в социологических исследованиях все такого рода общности должны трактоваться исключительно как результаты и способы организации частных действий индивидуальных личностей, поскольку только последние могут трактоваться как агенты в плане субъективно понимаемого действия» (Там же). Таким образом, кратко говоря, ПМИ – принцип, в соответствии с которым единственным субъектом действий, создателем целей, носителем потребностей и интересов является индивид.

При этом вопрос о том, каковы эти цели, интересы и потребности, имеют ли они чисто эгоистический характер, или включают в себя альтруистические устремления, ориентированы они на кооперацию или на конфликт, имеют чисто материальный или сугубо духовный характер, – это содержательный, а не методологический вопрос. Как показывает жизнь, все люди очень разные, и рядом с эгоистами живут альтруисты, а рядом с потребителями и стяжателями «материальных благ» – аскетические творцы благ духовных, и т. д.

Методологический индивидуализм – не об этом, он предполагает, что следующий этому принципу исследователь будет изучать именно людей и их действия, не заменяя человека на надличностные структуры и системы. Последние также, конечно, должны исследоваться, но как результаты предшествующих и текущих индивидуальных действий, а не как нечто, не зависящее от людей, как самодовлеющие сущности, имеющие к тому же, по мнению ряда авторов, свои собственные, – внечеловеческие, – цели, интересы и потребности.

Критики ПМИ зачастую объявляют его «редукционизмом» (или «атомизмом»), якобы отрицающим само существование надличностных структур и систем, не учитывающим их влияния на индивидуальные действия и предшествующие им решения. Для того чтобы понять полную надуманность таких обвинений, достаточно привести несколько положений сторонников ПМИ. Так, Л. фон Мизес писал: «Прежде всего, мы должны осознать, что все действия производятся индивидами. Коллективное всегда проявляется через одного или нескольких индивидов, чьи действия относятся к коллективному как ко вторичному источнику. Характер действия определяется смыслом, который придают ему действующие индивиды и все те, кого затрагивают их действия» (Мизес, 2005. С. 43). Согласно Дж. Бьюкенену, методологический индивидуализм – такой подход к анализу, при котором «люди рассматриваются... как единственные субъекты, принимающие окончательные решения по поводу как коллективных, так и индивидуальных действий» (Бьюкенен, 1997. С. 39). Достаточно ясно формулирует ту же позицию и К. Поппер: «Институты не действуют; действуют только отдельные личности в институтах или через институты. Общая ситуационная логика этих действий будет теорией квазидействий институтов» (Поппер, 2000. С. 312–313). С точки зрения Р. Будона, «принципы, разработанные школой немецкой классической социологии (Вебер, Зиммель), в целом обозначаются определением «методологический индивидуализм»... Они не исключают использования и не несут в себе никакой отдельной «микросоциологической модели»... В соответствии с этими принципами цель заключается в объяснении поведения субъекта в его собственной ситуации, в объяснении его действий или, говоря точнее, адаптивной ценности последних. С другой стороны, данные принципы ни в коей мере не предполагают атомизации, поскольку они никоим образом не исключают анализа таких феноменов, как влияние и авторитет, а также поскольку они требуют объяснять поведение актора лишь в конкретной ситуации, которая частично определяется макросоциологическими переменными» (Будон, 1998. С. 71).

² Как свидетельствует Л. Уден, термин «*methodische Individualismus*» был впервые введен студентом М. Вебера Й. Шумпетером в его работе 1908 г. «Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie» («Сущность и основное содержание теоретической национальной экономики») (Udehn, 2001. Р. 214). Первое использование англоязычного термина «*methodological individualism*» опять-таки принадлежит Шумпетеру (Schumpeter, 1909). Тем не менее теоретическая разработка этого принципа составляет заслугу Вебера (Weber, 1968), и Шумпетер, вводя и используя этот термин, ссылается именно на воззрения Вебера.

Казалось бы, приведенные положения не оставляют места для произвольных трактовок ПМИ: это и не предпосылка «всеобщего эгоизма», и не «атомизм». Тем не менее и критика, и поиски «третьего пути» – между ПМИ и методологическим холизмом (коллективизмом) – упорно продолжают-ся. При этом создается впечатление, что критики и искатели не просто не читали того, что пишут упомянутые (и многие другие) сторонники ПМИ, но специально создают себе *собственные образы* ПМИ, с одной стороны, *далекие от реальности*, но с другой – *удобные для критики*. Очевидно, такой подход в научной полемике – создание не существующего в реальности «образа врага», которого легко оборотить, – не делает чести его сторонникам. Если же такая логика переносится в учебный процесс, возникает и дополнительная негативная экстерналиа: учащимся, которые только знакомятся с содержанием ПМИ, прививается не только ложное представление о нем самом, но также косвенно демонстрируется *допустимость некорректной критики*.

Завершая анализ, хочу выразить надежду на то, что эти заметки окажутся полезными преподавателям, читающим курсы институциональной экономики и готовящим их учебно-методическое обеспечение в вузах нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

- Будон Р. (1998). Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М.: Аспект Пресс.
- Бьюкенен Д. (1997). Избранные труды. М.
- Головенкин Д.А. (2013). Институциональная экономика: учебно-методическое пособие. Киров: ПРИП ФГБОУ ВПО «ВятГУ» (www.vyatsu.ru/uploads/file/1306/institucionalnaya_ekonomika.doc).
- Данилова Е.П. (2013). Институциональная экономика. Учебно-методический комплекс. Тюмень (<https://www.umk.utmn.ru/files/0000040374.doc>).
- Долматова Е.В. (2013). Институциональная экономика. Учебно-методический комплекс. Мурманск: ФГБОУ ВПО «МГГУ» (<http://www.100-edu.ru/doc/6822/index.html>).
- Завьялова Т.А. (2010). Институциональная экономика: учебное пособие. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ (http://www.lib.susu.ac.ru/ftd?base=SUSU_METHOD&key=000448568&dtype=F&type=.pdf).
- Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. (2002). Институциональная экономика: Курс лекций. М.: МФТИ (<http://window.edu.ru/resource/070/39070/files/mipt017.pdf>).
- Мизес Л. фон. (2005). Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. Челябинск: Социум.
- Полищук Л.И., Борисова Е.И. (2012). Программа дисциплины «Институциональная экономика» для направления 040100.62 «Социология» подготовки бакалавра. М.: ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Факультет социологии (<http://5fan.info/jgemernnaotrbeowotr.html>).
- Поппер К.Р. (2000). Логика социальных наук / В кн.: Садовский В.Н. (общ. ред.) Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 464 с.
- Рощупкина Е.В. (2010). История экономической мысли: взгляд через века. Учебно-методический комплекс. Иркутск: Изд-во БГУЭП (<http://mo.isea.ru/Studentam/Uchebnye-posobija>).
- Смирнова Е.А. (2012). Институциональная экономика: программа курса и учебно-методические рекомендации. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 44 с.
- Суворова Т.В. (Не датировано). Институциональная экономика: учебная программа. Дубна: Университет Российской академии образования (www.dubna-urao.ru/images/data/gallery/14_6577_ekonomika.doc).
- Тамбовцев В.Л. (2004). Новая институциональная экономическая теория: проблемы преподавания // *Terra Economicus*, т. 2, вып. 2, с. 27–39.
- Устюжанина Е.В., Дементьев В.Е., Евсюков С.Г., Петров А.Г. (2014). Институциональная экономика. Рабочая программа учебной дисциплины. М.: ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова» ([old.rea.ru/.../ПП%20Институциональная%20экономика%20\(8\).docx](http://old.rea.ru/.../ПП%20Институциональная%20экономика%20(8).docx)).
- Шаститко А. (1996). Институты как общественные блага // *Вестник МГУ*, Серия 6. «Экономика», № 5, с. 37–43.
- Шаститко А. (1997). Условия и результаты формирования институтов // *Вопросы экономики*, № 3, с. 76–81.
- Buchanan J.M. (1976). Public Goods and Natural Liberty / In: Wilson T. and Skinner A.S. (eds.) *The Market and the State. Essays in Honour of Adam Smith*. Oxford: Clarendon Press, pp. 271–286.

Cornell S. and Kalt J.P. (1990). Pathways from Poverty: Economic Development and Institution-Building on American Indian Reservations // *American Indian Culture and Research Journal*, vol. 14, no. 1, pp. 89–125.

Cornell S. and Kalt J.P. (1992). Culture and Institutions as Public Goods: American Indian Economic Development as a Problem of Collective Action / In: *Anderson T.L. (ed.) Property Rights and Indian Economies*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, pp. 215–252.

Cowen T. (2002). The esteem theory of norms // *Public Choice*, vol. 113, pp. 211–224.

Elsner W. (1989). Adam Smith's Model of the Origins and Emergence of Institutions: The Modern Findings of the Classical Approach // *Journal of Economic Issues*, vol. 23, no. 1, pp. 189–213.

Leibbrandt A. and López-Pérez R. (2011). Individual Heterogeneity in Punishment and Reward // *Working Papers in Economic Theory* no. 2011/01. Spain, Madrid: Universidad Autónoma de Madrid, Department of Economic Analysis.

Margolis J. (1955). A Comment on the Pure Theory of Public Expenditure // *Review of Economics and Statistics*, vol. 37, no. 4, pp. 347–349.

Posner R.A. and Rasmusen E.B. (1999). Creating and Enforcing Norms, with Special Reference to Sanctions // *International Review of Law and Economics*, vol. 19, is. 3, pp. 369–382.

Raihani N.J. and McAuliffe K. (2012). Human punishment is motivated by inequity aversion, not a desire for reciprocity // *Biology Letters* (doi:10.1098/rsbl.2012.0470).

Schumpeter J. (1909). On the Concept of Social Value // *Quarterly Journal of Economics*, vol. 23, no. 2, pp. 213–232.

Seip E.C., van Dijk W.W. and Rotteveel M. (2009). On Hotheads and Dirty Harries: The Primacy of Anger in Altruistic Punishment // *Annals of the New York Academy of Sciences*, vol. 1167, pp. 190–196.

Udehn L. (2001). Methodological Individualism: Background, History and Meaning. London: Routledge.

Weber M. (1968). *Economy and Society*. Berkeley: University of California Press (<http://anthropos-lab.net/wp/wp-content/uploads/2011/12/Weber-Basic-Sociological-Terms.pdf>).

REFERENCES

Boudon R. (1998). Place of Disorder. Critics of Social Change Theories [Mesto besporyadka. Kritika teorii sotsialnogo izmeenniya]. Moscow: Aspect-Press. (In Russian.)

Buchanan J. (1997). Selectas [Izbrannye trudy]. Moscow. (In Russian.)

Danilova E.P. (2013). Institutional economics: Manual. Tumen (<https://www.umk.utmn.ru/files/0000040374.doc>). (In Russian.)

Dolmatova E.V. (2013). Institutional economics: Manual [Institutsionalnaya ekonomika: uchebno-metodicheskiy kompleks]. Murmansk: Murmansk State Pedagogical University Publ. (<http://www.100-edu.ru/doc/6822/index.html>). (In Russian.)

Golovenkin D.A. (2013). Institutional economics: Manual [Institutsionalnaya ekonomika: uchebno-metodicheskoe posobie]. Kirov: Vyatka State University (VyatSU) Publ. (www.vyatsu.ru/uploads/file/1306/institutsionalnaya_ekonomika.doc). (In Russian.)

Kuzminov Ya.I. and Yudkevich M.M. (2002). Institutional economics: Lectures Course [Institutsionalnaya ekonomika: kurs lektsiy]. Moscow: Moscow Institute of Physics and Technology State University (MIPT) Publ. (<http://window.edu.ru/resource/070/39070/files/mipt017.pdf>). (In Russian.)

Mises L., von. (2005). Human Action. Chelyabinsk: Socium. (In Russian.)

Polischuk L.I. and Borisova E.I. (2012). Institutional Economics: Syllabus [Programma distsipliny «Institutsionalnaya ekonomika»]. Moscow: National Research University «Higher School of Economics» Publ. (<http://5fan.info/jgemerrnaotrbewotr.html>). (In Russian.)

Popper K.R. (2000). Logic of Social Sciences [Logika sotsialnykh nauk] / In: *Sadovskiy V.N. (ed.) Evolutional Epistemology and Logic of Social Sciences: Karl Popper and his Critics [Evolutsionnaya epistemologiya i logika sotsialnykh nauk. Karl Popper i ego kritiki]*. Moscow: Editorial URSS Publ., 464 p. (In Russian.)

Roschupkina E.V. (2010). History of Economic Thought: Look down the Ages [Istoriya ekonomicheskoi mysli: vzglyad cherez veka]. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law Publ. (<http://mo.isea.ru/Studentam/Uchebnye-posobija>). (In Russian.)

Shastitko A. (1996). Institutions as public goods [Instituty kak obshchestvennye blaga]. Moscow State University Bulletin: Economics, is. 5, pp. 37–43. (In Russian.)

Shastitko A. (1997). Conditions and results of institutions formation [Usloviya i rezultaty formirovaniya institutov]. Voprosy Ekonomiki, is. 3, pp. 76–81. (In Russian.)

Smirnova E.A. (2012). Institutional economics: Syllabus and learning aids [Institutsionalnaya ekonomika: programma kursa i uchebno-metodicheskie rekomendatsii]. Ryazan: Ryazan State University named after S.A. Esenin Publ., 44 p. (In Russian.)

Suvorova T.V. (Undated). Institutional Economics: Syllabus [Institutsionalnaya ekonomika: uchebnaya programma]. Dubna: University of the Russian Academy of Education Publ. (www.dubna-urao.ru/images/data/gallery/14_6577__ekonomika.doc). (In Russian.)

Tambovtsev V.L. (2004). New institutional economics: problems of teaching // *Terra Economicus*, vol. 2, no. 2, pp. 27–39. (In Russian.)

Ustyuzhanina E.V., Dementev V.E., Evsyukov S.G. and Petrov A.G. (2014). Institutional Economics: Syllabus [Institutsionalnaya ekonomika. Rabochaya programma uchebnoy distsipliny]. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics Publ. ([old.rea.ru/.../ПП%20Институциональная%20экономика%20\(8\).docx](http://old.rea.ru/.../ПП%20Институциональная%20экономика%20(8).docx)). (In Russian.)

Zavyalova T.A. (2010). Institutional economics: Manual. Chelyabinsk: National Research South Ural State University Publishing Center (http://www.lib.susu.ac.ru/ftd?base=SUSU_METHOD&key=000448568&dtype=F&etype=.pdf). (In Russian.)

Buchanan J.M. (1976). Public Goods and Natural Liberty / In: *Wilson T. and Skinner A.S. (eds.) The Market and the State. Essays in Honour of Adam Smith*. Oxford: Clarendon Press, pp. 271–286.

Cornell S. and Kalt J.P. (1990). Pathways from Poverty: Economic Development and Institution-Building on American Indian Reservations // *American Indian Culture and Research Journal*, vol. 14, no. 1, pp. 89–125.

Cornell S. and Kalt J.P. (1992). Culture and Institutions as Public Goods: American Indian Economic Development as a Problem of Collective Action / In: *Anderson T.L. (ed.) Property Rights and Indian Economies*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, pp. 215–252.

Cowen T. (2002). The esteem theory of norms // *Public Choice*, vol. 113, pp. 211–224.

Elsner W. (1989). Adam Smith's Model of the Origins and Emergence of Institutions: The Modern Findings of the Classical Approach // *Journal of Economic Issues*, vol. 23, no. 1, pp. 189–213.

Leibbrandt A. and López-Pérez R. (2011). Individual Heterogeneity in Punishment and Reward // *Working Papers in Economic Theory* no. 2011/01. Spain, Madrid: Universidad Autónoma de Madrid, Department of Economic Analysis.

Margolis J. (1955). A Comment on the Pure Theory of Public Expenditure // *Review of Economics and Statistics*, vol. 37, no. 4, pp. 347–349.

Posner R.A. and Rasmusen E.B. (1999). Creating and Enforcing Norms, with Special Reference to Sanctions // *International Review of Law and Economics*, vol. 19, is. 3, pp. 369–382.

Raihani N.J. and McAuliffe K. (2012). Human punishment is motivated by inequity aversion, not a desire for reciprocity // *Biology Letters* (doi:10.1098/rsbl.2012.0470).

Schumpeter J. (1909). On the Concept of Social Value // *Quarterly Journal of Economics*, vol. 23, no. 2, pp. 213–232.

Seip E.C., van Dijk W.W. and Rotteveel M. (2009). On Hotheads and Dirty Harries: The Primacy of Anger in Altruistic Punishment // *Annals of the New York Academy of Sciences*, vol. 1167, pp. 190–196.

Udehn L. (2001). Methodological Individualism: Background, History and Meaning. London: Routledge.

Weber M. (1968). *Economy and Society*. Berkeley: University of California Press (<http://anthropos-lab.net/wp/wp-content/uploads/2011/12/Weber-Basic-Sociological-Terms.pdf>. Accessed June 8, 2015).

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 2010-Х ГГ.: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Г.И. ХАНИН,

доктор экономических наук, профессор,
Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и Государственной службы при Президенте РФ,
Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, Россия,
e-mail: khaning@academ.org

На основе альтернативных макроэкономических оценок анализируется развитие российской экономики в постсоветский период. Прогнозируется, что экономический кризис 2013–2014 гг. при неизменной экономической политике будет длительным и иметь значительные социально-политические последствия. Подробно анализируются умеренно-либеральный вариант изменения колеи российской истории и модернизации российского общества, его сильные и слабые стороны.

Ключевые слова: русская власть; макросоциология; история России; экономика современной России; реформы в России; альтернативные макроэкономические оценки российской экономики.

THE ECONOMIC CRISIS OF 2010S: THE SOCIAL AND POLITICAL ORIGINS AND CONSEQUENCES

G.I. KHANIN,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Siberian Institute of Management,
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia,
e-mail: khaning@academ.org

On the basis of alternative macroeconomic estimations, the development of the Russian economy in the post-Soviet period is analyzed. It is argued that, if the existing economic policy remains unchanged, the economic crisis of 2013–2014 is expected to be deep and lasting, and would have far-reaching social and political implications. The article contains an in-depth analysis of the moderate liberal course of action to change the route of the history of Russia, as well as the way of Russia's modernization, revealing their advantages and disadvantages.

Keywords: political authorities in Russia; macrosociology; Russian history; modern Russian economy; reforms in Russia; alternative macroeconomic estimations for the Russian economy.

JEL classifications: E01, E02, O11.

1. Экономический кризис

Характеристика нынешнего периода как поворотного в послесталинской истории России стала уже общим местом. Но ему не хватает убедительности, без опоры на объективную оценку состо-

яния и перспектив экономики России. Социологи и историки, не владея методами экономической статистики, вынуждены опираться на официальную статистику. Хотя и им было бы полезно поискать альтернативную оценку. Менее простительна позиция российских экономистов. Они просто обязаны были проверить обоснованность официальных оценок: Слепое следование официальной оценке является очень серьезным свидетельством непрофессионализма.

Я занимался альтернативной оценкой макроэкономической статистики СССР начиная с 1973 г. Многолетние исследования разными методами позволили выявить колоссальные искажения макроэкономических данных в СССР¹. Достаточно сказать, что национальный доход СССР за 1928–1987 гг., по моим подсчётам, вырос не в 90 раз, как показывало ЦСУ, а лишь в 6,9 раза, в 13 раз меньше.

Альтернативные оценки макроэкономических показателей продолжались мною, вместе с моими коллегами, и применительно к экономике РФ. При этом использовались, в связи с изменением характера экономической информации, наряду со старыми и новые подходы. Проведенные расчеты позволили установить, что серьезные искажения в макроэкономической информации продолжались и в постсоветский период. В одних областях и в отдельные периоды они могли сокращаться, в других областях и в другие периоды – росли. Важно то, что, в отличие от советского периода, речь уже часто не только о количественных расхождениях с официальными данными, но о других, качественных, тенденциях. Очевидно, российские статистические органы все ещё не сбросили сталинской шинели макроэкономических фальсификаций.

Наши расчеты за 1987–2007 гг. (Ханин, Фомин, 2008) с учётом последующих досчётов показали, что ВВП РФ до сих не достиг уровня 1987 года (86%), а в сфере производства товаров отставание еще больше. В то же время Росстат показывает превышение этого уровня. При этом, если в 1990-е гг. официальная динамика ВВП даже завышала снижение ВВП, то в 2000-е произошло значительное завышение его роста: вместо официального прироста за 2001–2007 гг. в 82% он составил 48%. Но наибольшее отклонение от данных Росстата обнаруживается в динамике важнейшего для определения будущего российской экономики показателя – динамике основных фондов. В то время как Росстат показывает их рост около 45% за 1987–2011 гг., наши расчеты фиксируют их падение на 35–40% за тот же период (в сфере производства товаров – еще больше). Это падение значительнее, чем во время Великой Отечественной войны. При этом в 2000-е гг. произошло лишь замедление их проедания. Рост ВВП в 2000-е обеспечивался лишь благодаря тому, что к началу периода в результате кризиса 1990-х гг. имелись огромные резервы производственных мощностей и незанятой рабочей силы. Благодаря наличию огромных резервов производственных мощностей в советский период и изменению структуры экономики в пользу малофондовых отраслей сферы услуг за весь период и, особенно, в 2000-е гг., произошло значительное снижение фондоемкости ВВП. Вместе с тем производительность труда в экономике еще не достигла уровня 1987 г., что объясняется ухудшением качества трудовых ресурсов. Это компенсировалось привлечением в экономику огромного количества гастарбайтеров, что привело к значительному росту занятости. Помогла и исключительно благоприятная внешняя конъюнктура (она в любой момент может измениться). Все эти временные факторы экономического роста иссякли к 2008 г. Отсюда – сначала застой 2008–2012 гг., а затем и начало кризиса в 2013-м, когда ВВП снизился на 2–3%, вместо объявленного Росстатом роста на 1,3% (Ханин, Фомин, 2013). Это падение продолжилось примерно в том же размере и в первые месяцы 2014 г.² (Ханин, Фомин, 2014).

С точки зрения динамики экономических показателей нынешний период очень напоминает начало и конец 1980-х гг., канун перестройки и крушения СССР. И он хуже, чем в конце 1920-х, в канун перехода к командной экономике. Это и определяет поворотный пункт текущего этапа российской истории.

Есть все основания предполагать, что при сложившейся социально-экономической системе этот кризис растянется на долгие годы. При нынешней норме накопления основных фондов в ВВП в размере лишь 12%, по оценкам программы международных сопоставлений ВВП ООН, объем основных фондов, по нашим расчетам сокращается на 1% в год. В то же время ожидается значительное сокращение трудовых ресурсов. Это сокращение не компенсируется улучшением качества трудовых ресурсов или ростом фондовооруженности. Напротив, в постсоветский период происходило падение их качества в связи со значительным ухудшением качества обучения в средней школе, средней профессиональной и высшей школе. Что касается последней, то ее низкий уровень характеризуется лишь незначительным числом российских вузов в общем количестве лучших вузов мира. Гастарбайтеры имеют крайне низкий профессиональный уровень. Огромный урон был нанесен естественной науке. Произошла огромная утечка мозгов. Размер этой утечки характеризуется не столько общим количеством уехавших ученых, сколько их качественным составом. Достаточно

¹ Результаты этих исследований изложены в кн.: (Ханин, 1991).

² Статья поступила в редакцию в мае 2014 года, в связи с чем приводимые статистические данные относятся к началу этого года.

сказать, что из четырёх ныне здравствующих лауреатов Нобелевской премии наших соотечественников, проживает в России лишь один (Жорес Алферов); из восьми лауреатов приравняваемой к ней премии Филдса по математике – тоже только один (Григорий Перельман).

Сложившаяся в постсоветский период экономическая система носит застойный характер. Крупный капитал, за редкими исключениями, малоинициативен и своекорыстен, в ущерб развитию производства. Он образовался преимущественно в результате грабительской приватизации. Средний капитал несколько эффективнее вследствие лучшего происхождения, но сосредоточен преимущественно в сфере наиболее рентабельных услуг. Мелкий капитал малочислен и маломощен³. Государственная собственность плохо контролируется и управляется часто малокомпетентными людьми, оказавшимися там в результате приятельских связей с высшими сферами управления и использующими эту собственность в целях личного обогащения.

В 2000-е гг. российское руководство пыталось сочетать рыночную экономику и государственное управление экономикой, усиливая роль государственного сектора. Поскольку оба сектора оказались крайне неэффективными, в результате получился уродик. Еще худшими уродиками оказались органы власти и общество. При таком состоянии институтов бессмысленно пытаться предотвратить экономический и социально-политические кризисы в России. Дело усугубляется огромными потерями российского человеческого капитала в XX и начале XXI вв., от чего в конечном счете зависит и состояние институтов.

Нет необходимости доказывать, что события вокруг Украины еще больше осложнили положение и перспективы российской экономики.

Возникает сомнение, имеется ли вообще выход, или Россия обречена. Любой врач знает, что есть безнадежные больные. Однако против такой пессимистической оценки говорит тысячелетняя история России, которая переживала еще большие кризисы и выжила. Что вовсе не гарантирует спасения от краха в будущем, если сидеть сложа руки.

Смелую попытку обрисовать выход предпринял выдающийся, по моему мнению, российский макросоциолог Николай Розов. Отталкиваясь от его книги «Колея и перевал. Макросоциологические основания стратегий России в XXI веке», вышедшей в 2011 г. (Розов, 2011), я попробую рассудить, насколько этот выход реален, оставляя в стороне многие другие стороны содержания.

Розов в своей книге подробно рассматривает особенности русской системы власти, сложившейся давно и сохраняющейся в главных чертах веками, несмотря на отдельные изменения. Он называет это колеей русской истории. Полагая эту колею губительной для России, Розов предлагает оригинальный план выхода из этой колеи, преодолевая перевал на путях демократизации и модернизации российского общества. Оригинальна в этой книге не цель, а средства ее достижения.

2. Концептуальное снаряжение подъема на перевал

Исходная предпосылка стратегии подъема на перевал (из колеи циклов – к новой логике исторического развития) состоит в том, что это «будет долгий ступенчатый процесс» (Розов, 2011. С. 408). В этой связи автор сочувственно цитирует мнение Ю. Левады, что процесс займет не менее 40–50 лет. Если вспомнить, как долго шла к демократии классическая страна демократии Англия с момента возникновения политических партий в конце XVII в., до введения всеобщего избирательного права в 1918 г., этот срок не покажется чрезмерным. Верно, что исторический процесс ускорился, что вырос образовательный уровень населения. Но и при этом, как показывает опыт даже самых успешных стран, процесс демократизации – дело не одного десятилетия, и он может прерываться (как в Германии во времена фашизма). Н.С. Розов тщательно и вдумчиво анализирует все развилки и сложности на выделенных им трех этапах постепенной демократизации и показывает условия, а нередко и методы преодоления возникающих на каждом этапе сложностей и возможностей попятного движения. Отмечу только некоторые из высказанных автором в этой связи соображений. Обращает на себя внимание и вызывает сомнение утверждение, что в начале 1990-х гг. реформаторские силы сами проводили трансформационные реформы (Розов, 2011. С. 412). Они это делали в союзе и даже преобладании во власти прежней номенклатуры, на что, кстати, указывал в других местах сам автор. Но многие его соображения в этой части являются оригинальными и хорошо продуманными.

Н.С. Розов тщательно анализирует состав политических сил и идеологических течений современной России для выявления возможности создания коалиции сил демократизации и приходит к пессимистическому выводу (Розов, 2011. С. 432), хотя шанс не исключает. Заслуживает поддержки

³ См. более подробно в: (Ханин, 2013).

редчайшее в устах российского либерала утверждение: «первое, что должно заботить членов коалиции при мирной полиархии – это новые структуры ответственности (политической, административной, экономической, финансовой, правовой, моральной), которые должны «подхватить» социальное целое при демонтаже прежних авторитарных и коррупционных структур» (Розов, 2011. С. 439). Слово «ответственность», особенно применительно к себе, нечасто звучит у российских либералов, которые удивляются, почему вновь и вновь терпят поражение.

Н.С. Розов, тоже в отличие от традиционных российских либералов, положительно относится к национальной идее. Это не удивительно, если вспомнить о значении, которое он придает эмоциональной энергии (следуя за арабским философом VII в. Ибн-Халдуном). С этой идеей он связывает новую трактовку «величия России» как высокого геоэкономического и геокультурного престижа (Розов, 2011. С. 456). Вопрос заключается в способах достижения этого престижа, в его институциональных и человеческих предпосылках, во взаимосвязи текущих и долгосрочных факторов престижа, которые могут влиять на движение в разных направлениях. Я об этом скажу подробнее ниже, а сейчас отмечу, что достижение этого престижа требует огромных средств, которые надо взять у населения или, как минимум, у его части. Этот вопрос автор обходит, возможно, из-за недостатка экономического материала. Данный момент очень нелегко совместить с поддержкой рекомендуемых автором преобразований различными слоями населения, имеющими различные и часто противоположные интересы.

Н.С. Розов подробно анализирует такие необычные (или лучше сказать, пока мало распространенные в России), но необходимые для реализации постепенного демократического перехода практики политического поведения, как приоритет отчуждения насилия, политического компромисса, оппортунистического поведения, преодоления самодержавного комплекса. Автор не только провозглашает эти принципы, но подробно показывает, как их претворить в жизнь (Розов, 2011. С. 467–473). При всей их очевидности для демократического общества, данные принципы плохо приживаются в российском обществе, хотя прогресс по сравнению с советским периодом здесь очевиден.

Размышляя об институциональных предпосылках демократического перехода, автор, к сожалению, почти вскользь упоминает о селекторате, фактор которого обсуждался в предыдущей части книги (Розов, 2011. С. 372). Селекторат понимается им как теневая группа, не реализующая административную власть в государстве, но определяющая, кто во власти находится (Розов, 2011. С. 372). Здесь же я рассмотрю более общую тему правящих и интеллектуальных элит.

Ленин и Сталин безуспешно пытались создать интеллектуальную элиту коммунизма, открывая привилегированные высшие партийные школы с привлечением для преподавания лучших, даже не марксистских, сил, но в удушающей атмосфере репрессий и преследования инакомыслящих из этого мало что могло получиться. Вместо элиты получились клики. Не было условий для формирования полноценной элиты и у демократической оппозиции в СССР. Не нужно удивляться, что с таким правящим слоем провалился в СССР и авторитаризм, и демократический транзит.

Над проблемой формирования в России эффективного правящего слоя много размышляют и современные российские идеологи авторитаризма. Назову очень популярную сейчас среди них идею современной опричнины (Михаил Юрьев, Андрей Фурсов) или размышления Максима Калашникова и Сергея Кугушева над значением тайных организаций в формировании западного общества (Калашников, Кугушев, 2006. С. 668–693). И кто не знает роли университетов Лиги плюща или Токийского университета, Кембриджа и Оксфорда в формировании современных эффективных государственных и общественных структур США, Великобритании и Японии!

3. Дорожная карта модернизации и демократизации

Наиболее общей чертой предлагаемой дорожной карты является смещение центра тяжести борьбы с кавалерийской атаки на «русскую власть» на ее медленную осаду и постепенное преобразование.

Н.С. Розов, насколько я его понял, видит причину поражения демократических сил в России не только в проигрыше номенклатуре, но и в том, что они не сумели показать населению свою полезность для него и благодаря этому завоевать у него авторитет. В то же самое время они не сумели вовлечь население в демократический процесс, сделать его соучастником этого процесса. Дорожная карта «колеи и перевала» как раз и направлена на устранение этих недостатков предыдущего этапа. Демократический процесс должен пойти как кристаллизация новых привлекательных центров авторитета и силы, что включает не только переориентацию части элиты, организационные

усилия этих центров, но и движение снизу вверх. А не только сверху вниз, как было до сих пор. Такая последовательность позволит придать процессу надежную основу, выдвинуть достойных, завоевавших авторитет у местного населения лидеров. Нынешние так называемые демократические партии могут остаться от этого процесса в стороне. С новым поколением политиков возникнут и новые организационные структуры.

Предлагается начать с образования малых инициативных групп. В них должны войти прежде всего «реформаторы» из гнезда «недовольных», которые «устали только говорить и готовы что-то делать» (Розов, 2011. С. 496). Но также – и честных «службистов», куда автор включает не только активных деятелей из различных профессиональных групп, но и служащих из органов государственного управления, обороны и охраны правопорядка (Розов, 2011. С. 496). Можно полагать, что последние, чтобы не нарушать своих должностных обязанностей, будут выступать исключительно в качестве обычных активных граждан. Следующий этап – «естественно-искусственный». «Все начинается с того, что «естественно» появляются инициативные группы (кружки), они регулярно собираются вместе, задумывают свои будущие стратегии, программы деятельности, они же «искусственно» формируют пункты встречи, каналы коммуникации, организационные основы, переговорные площадки для облегчения формирования новых групп, для связи с ними и их поддержки» (Розов, 2011. С. 497). Пока что здесь описывается обычный процесс формирования нового политического сообщества. Мне он напомнил процесс формирования РСДРП в конце 1890-х гг. Различие начинается с определения целей. Они теперь включают защиту личности, прав, свобод и собственности, профилактику насилия, особенно в столкновениях между силами правопорядка и протестными выступлениями (Розов, 2011. С. 498). Иными словами, в центр внимания помещается защита либеральных и демократических ценностей, нарушаемых на местном уровне. Но сюда добавляется институциональное решение локальных и частных проблем» (Розов, 2011. С. 499). Таково важное уточнение, расширяющее, пусть и в «перспективе», круг решаемых проблем, не ограниченных только «малыми делами». Однако на начальном этапе предлагается сосредоточиться на «деполитизированном обсуждении» местных социальных проблем, вопросов экономического развития, улучшения условий для бизнеса и инноваций, на проработке проектов институциональных реформ и т. д. (Розов, 2011. С. 501). Такая последовательность представляется совершенно правильной, если иметь в виду настроения населения, озабоченного, прежде всего, социальными и экономическими проблемами; именно через их решение можно и нужно завоевывать доверие граждан. В этой связи «проработка институциональных реформ» выглядит излишней и преждевременной. Автор и сам полагает, что «новые ритуалы эффективны только тогда, когда выстраиваются вокруг общественной деятельности, приносящей зримую пользу рядовым участникам» (Розов, 2011. С. 502).

Н.С. Розов задается важным вопросом, почему люди будут тратить время на такие встречи. Его ответ: «главной наградой является престиж участия в общественно-полезном деле, престиж общения со значимыми, известными фигурами, наконец, общественный резонанс – «паблисити» (Розов, 2011. С. 500). Он исходит из того, что «надеяться только на подвижнические мотивы было бы наивным прекраснотушием» (Розов, 2011. С. 500).

Оценивая свой план в контексте преодоления «перевала», автор пишет, что «до наступления острого политического кризиса, чреватого эскалацией насилия, уже силы перевала должны продвинуться в данных направлениях (консолидация инициативных групп, выработка стратегий и успешные ритуалы с вовлечением новых участников, формирование переговорных площадок, сети консолидации и т. д.)» (Розов, 2011. С. 503). В рамках данного этапа предполагается расширение круга честного бизнеса, что «означает формирование новой идентичности, новых символов» (Розов, 2011. С. 506). В данном отношении программа напоминает мне план Александра Богданова по переходу к социализму, начиная с формирования пролетарской культуры. Или, если угодно, с формирования протестантской религии при переходе к капитализму. Но уже этот этап, по мнению Н.С. Розова, способен повернуть контур социального капитала от деградации к развитию (Розов, 2011. С. 503–505), что будет реальным достижением для общества, а не только средством консолидации реформаторских сил. Автор надеется, что на следующем этапе, благодаря институциональным реформам и переделу ресурсных потоков из центра на места, удастся преодолеть системную коррупцию и обновить государственную службу новым поколением честных и компетентных чиновников (Розов, 2011. С. 508–510).

Констатируя господство апатии и цинизма в современной России, Н.С. Розов видит в предлагаемых им мерах помимо прямого эффекта способ повышения эмоциональной энергии граждан, в которой он справедливо усматривает важнейший фактор успешного развития общества (Розов,

2011. С. 518–520). Успехи демократических реформ и модернизации позволят постепенно заменить высшие ценности и символы: вместо традиционных для российского населения («царь», «порядок», «сильная рука») – либеральные, основанные на правах и свободах личности, собственности, уважении к таланту, образованности и т. д. (Розов, 2011. С. 522). Смена высших ценностей и символов, смена соответствующих идентичностей, повседневных практик и стратегий успеха в условиях институциональной трансформации – все это в комплексе и будет означать, что перевал пройден. Такая задача смены символов многократно ставилась либеральными идеологами в перестройку и постсоветский период. Но, помимо прочности традиционных ценностей, распространению новых провозглашаемых символов решающим образом мешал вопиющий разрыв между ними и повседневной действительностью, что дискредитировало либеральные ценности. Предлагаемая в книге «дорожная карта» призвана преодолеть этот разрыв. Даже если это займет целую эпоху.

4. Место геоэкономики и геополитики в обеспечении демократизации и модернизации российского общества

Н.С. Розов полностью отдает себе отчет в том, что преодолеть перевал только через внутренние общественно-политические процессы не удастся. Данный вывод опирается на трезвый учет реальных сил России в настоящее время, а также на особенности современного глобализованного мира. Этим определяется большая роль, которая отводится в книге геоэкономике и геополитике (Розов, 2011. Гл. 18–21). Не имея возможности подробно изложить эту часть книги, обрисую ее общий смысл.

Автор исходит из того, что главной тенденцией современного мира является преобладание в нем (неолиберальной, мондиалистской) Мегатенденции I, которую олицетворяют развитые модернизированные – капиталистические и демократические – страны. Отчасти в оппозиции, отчасти в союзе с ней выступает альтерглобалистская, гуманистическая, эгалитаристская Мегатенденция III. Для России встроиться в русло этой широкой коалиции означает приобщиться к так необходимым ей демократии, принципам правового общества и модернизации. Поэтому союз с Западом – это вопрос не только обретения необходимых России ценностей, но и трезвого расчета. В этом плане автор отвергает взгляды сторонников «особого пути» России, которые представляются ему тупиковыми. Вместе с тем, очевидно, следует ответить на вопрос: почему следование Россией этому курсу в постсоветский период не привело ее ни к процветанию, ни к подлинной демократии.

При этом Н.С. Розов не закрывает глаза на негативные тенденции развития капиталистических стран, особенно сильно проявившиеся в ходе финансового кризиса 2008–2009-х гг. Он достаточно квалифицированно для неэкономиста анализирует эти негативные явления. Предлагаемые им методы устранения выявившихся в ходе этого кризиса негативных явлений являются весьма оригинальными (Розов, 2011. С. 531–538), заслуживающими внимания и обсуждения.

Начиная обсуждение вопроса о неудаче России в постсоветский период поднять свой миросистемный статус (фактически он значительно снизился) автор, прежде всего, отвергает «параноидальные идеи» Проханова, Кургиняна, М. Леонтьева о том, что «враждебные силы (Запад) намеренно вытесняют Россию, пытаются ее ослабить и проч.» (Розов, 2011. С. 550). Эта проблема заслуживает, по моему мнению, более взвешенного подхода и анализа. Защитники идеи враждебности Запада – весьма талантливые и авторитетные люди, не заслуживающие столь пренебрежительной оценки. Даже видные западные либеральные экономисты (Сакс, Ослунд) признают, что в самый трудный первый постсоветский период западные страны оказали совершенно недостаточную экономическую помощь России (в отличие от стран Центральной Европы), но, я добавлю, очень охотно принимали бегущие из России капиталы и талантливых людей, охотно мирились с прогнившим и насквозь коррумпированным ельцинским режимом. Избавиться от сильного конкурента – это вполне в духе лидеров рыночной экономики. Хотя часто такая политика бывает недальновидной даже для победителей.

Верно и то, что сама Россия, на чем настаивает автор «Колени и перевала», упустила многие возможности. Он подчеркивает, что «повышение миросистемного статуса даже в рамках полупериферии, не говоря уже о прорыве в ядро, может быть только результатом сочетания эффективной геоэкономической стратегии, адекватной состоянию мировых рынков, прочного альянса, консенсуса государства и бизнеса, конкурентоспособности производимой продукции, весьма напряженного труда большей части населения, которое нужно еще для этого мотивировать. Ничего этого в России нет и в помине» (Розов, 2011. С. 550). В этой части книги речь идет преимущественно о геоэкономической стратегии. Примечательно, однако, что в качестве первой российской предпосылки миро-

системного роста Розов считает необходимость учитывать черту российского менталитета – служения во имя высших целей. «...С этой точки зрения только те геоэкономические принципы будут приняты и успешны в России, в которых будут фигурировать некие высшие ценности, достойные служения. «Величие России», понятое как высокий геоэкономический и геокультурный престиж, входит в число этих ценностей, но отнюдь не исчерпывает ее. В российском менталитете достойно не только «величие», но и «правда» – высшее нравственное начало» (Розов, 2011. С. 552). Под этим охотно подписались бы Проханов, Кургинян и М. Леонтьев, хотя под правдой они понимают, скорее, нечто «духовное» – религиозно-государственническое, а вовсе не общегуманистическое, гражданское и правовое.

При взаимодействии с партнерами в рамках Мегатенденций I и III автор настаивает на принципах справедливости и партнерства, коалиций с автономией участников, учета чужих интересов и привлечения качеством, демонополизации геоэкономической сферы (Розов, 2011. С. 553). Именно этих принципов не хватало России и миру в 1990-е гг., в немалой степени потому, что не доставало геоэкономического и геокультурного престижа и влияния. За эти принципы надо бороться.

Среди условий повышения миросистемного статуса применительно к современной России Н.С. Розов называет и способность мобилизовать (не любимое либералами слово) ресурсы, но не в прежних, изживших себя формах, а с помощью сочетания стимулов социального престижа, экономического вознаграждения и традиций служения (Розов, 2011. С. 557).

При всей приверженности автора идеям геоэкономического и геокультурного престижа России, он не видит в нынешнем раскладе мировых сил и в реальном положении России другого выхода на ближайшие десятилетия, как искать миросистемного патрона. «Перепрыгнуть» из периферии в ядро мировой экономики никому никогда не удавалось, и нам не удастся. Значит, перспектива на ближайшие десятилетия (как минимум) – поиск ниши и укрепление России в срединном статусе «полупериферии» (Розов, 2011. С. 559). Может показаться, что здесь автор перехватил через край, указав для России место в полупериферии как видимую стратегическую цель. Периферией Россия все-таки не была, судя по большинству показателей, начиная с XVIII в. (хотя по некоторым из них – была и тогда, и сейчас). Но по мне, лучше даже несколько сгустить краски, чем лакировать действительность. Тем более что России легко скатиться на позицию мировой периферии при неблагоприятных внешних и внутренних условиях.

В качестве предпочтительного миросистемного патрона для России автор видит Объединенную Европу. В ней он усматривает противовес уже начавшемуся давлению на Дальний Восток и Сибирь со стороны Китая, Японии и США (Розов, 2011. С. 559). Можно было бы привести и другие доводы в пользу выбора именно этого патрона, раз без патрона не обойтись. Они хорошо известны, не стану повторять. Наибольшие опасения у автора вызывает сложность убеждения Европы стать патроном России, поскольку это связано с немалыми издержками. Аргументом для Европы может, по мнению Н.С. Розова, стать необходимость освобождения от «тяжелых» производств, для чего Россия в силу относительной географической близости может оказаться предпочтительней других вариантов (Розов, 2011. С. 559–560). Можно найти и дополнительные аргументы для Европы в пользу патронажа России, не менее важные, например, безусловное усиление геополитических и геоэкономических позиций ЕС в конкуренции с США и Китаем. Еще де Голль мечтал о Европе от Лиссабона до Урала. Н.С. Розов видит огромные трудности на этом пути, прежде всего, в слабости нынешней Европы, которую он справедливо называет рыхлой, слабоуправляемой и вовсе не единой (Розов, 2011. С. 558). Видя колоссальные трудности, которые испытывает ЕС со своими южными и восточными членами, можно усомниться в его готовности взвалить на себя еще бремя патрона колоссальной России. Так что надо быть готовым к поискам другого патрона, например, Китая. Конечно, автор «Колеи и перевала» от такого патрона откажется, поскольку он уж точно не поведет Россию по намеченному пути из колеи циклов.

В качестве клиентов России он рассматривает ее слабо развитые собственные периферии-провинции, особенно Сибирь и Дальний Восток, а также страны СНГ. И то и другое требует огромных финансовых, трудовых и интеллектуальных ресурсов, которых России пока остро не хватает.

Большое внимание автор уделяет обоснованию разнообразных возможностей центрального географического положения России по отношению к соседям. В этой связи им обсуждаются многочисленные проекты прокладки по территории России трансконтинентальных транспортных коридоров (Розов, 2011. С. 574). Эта идея многократно высказывалась в постсоветский период. Ее уязвимым местом я считаю относительную дороговизну сухопутного транспорта по сравнению с

морским. Возможно, какие-то новые технологии (например, струнный транспорт) позволят когда-то преодолеть этот недостаток.

Н.С. Розов далек от весьма распространенного среди его единомышленников благодушного отношения к геополитическим угрозам России, рассматриваемым ими лишь как пропагандистское обеспечение растущих военных расходов для ублажения «силовики». В этой части работы (Розов, 2011. Гл. 20–21) наибольшее впечатление на меня произвел анализ угроз со стороны Китая. Автор убедительно (на мой, возможно, мало просвещенный в этой области взгляд) анализирует военную стратегию Китая и показывает, что она имеет цель создать предпосылки для геополитической экспансии в богатые ресурсами и малонаселенные регионы российского востока (Розов, 2011. С. 578). В этой связи мне вспоминается, что кумир нынешних китайских коммунистов Дэн Сяопин вслед за Мао Цзэдуном подтвердил в беседе с Михаилом Горбачевым в 1989 г. претензии Китая на огромные территории Восточной Сибири и Дальнего Востока. Самостоятельно отбить эти угрозы Россия вряд ли сможет, и ей останется либо мирно капитулировать, либо искать патронажа Запада, который не заинтересован в чрезмерном усилении Китая.

Значительный интерес представляют пять обширных приложений к основному тексту книги.

В первом приложении, красноречиво названном «Апрельские тезисы 2.0», теоретические положения конкретизируются в практическом ключе политической стратегии. Здесь обращает на себя внимание обоснование перехода от (фактически) суперпрезидентской к парламентско-президентской системе правления и финансовой децентрализации.

Второе приложение представляет собой «Памятку гражданскому и политическому активисту», в которой содержится практическая инструкция активистам по последовательному развертыванию общественной и политической работы. Такая инструкция – редчайший случай в философской работе. Видно, что автор не настроен ограничиваться функцией мудрого советчика, а хочет увидеть воплощение своих взглядов как можно скорее. В обоих приложениях отчетливо видно влияние Ленина – величайшего революционного стратега и тактика, хотя автор и выразил недвусмысленно крайне негативную оценку его политических и моральных позиций.

5. Слабые места книги и сомнения по поводу

После того как я дал очень высокую оценку книге, ее научному и общественно-политическому значению, поделюсь своими концептуальными (частные уже высказаны по мере изложения) возражениями и сомнениями в отношении ее содержания.

5.1. Причины русской власти

Н.С. Розов, как и другие цитируемые им либеральные критики русской власти, избегают анализировать причины ее возникновения. Тем самым они облегчают себе задачу ее критики и возможности ее преодоления. Гораздо более убедительны западные либеральные историки, которые ищут объективные причины такой власти. Так, Ричард Пайпс, подробно анализируя географические условия России и отмечая вызванную преимущественно ими низкую урожайность зерновых, отмечает, что в таких условиях «невозможна высокоразвитая политическая жизнь» (Пайпс, 1993. С. 19). Сомнения в возможностях «иной власти» в России усиливаются благодаря тому, что ее альтернативы в виде Новгорода и Литовского княжества оказывались менее жизнеспособными, чем Московское государство.

На меня огромное впечатление произвели рассуждения маркиза де Кюстина по этому поводу. Его знаменитое произведение «Россия в 1839 году» знают в России преимущественно по первому тому, в котором он гневно обличает русскую власть (этот том преимущественно и переводили). Но во втором томе, относительно недавно полностью переведенном, Кюстин, наблюдая сельскую Россию, отходит от обличительности первого тома. Он находит русскую власть, к его сожалению, наиболее естественной для России, учитывая ее почвенно-климатические условия.

Обращаясь к истории уже СССР, более мне знакомой, отмечу печальную закономерность отказа от нэпа и перехода к командной экономике и мобилизационному обществу в конце 1920-х гг. Либеральный нэп оказался не в состоянии решить проблемы модернизации советской экономики⁴. В сущности, СССР конца 1920-х в военном, образовательном и экономическом отношении был конченой страной. Вырваться из этого состояния, не становясь колонией или полукolonией, можно было лишь ценой колоссальных усилий и огромных жертв, что и было проделано в 1930–40-е гг. Следует отметить, что почти в аналогичном положении, с учетом новой мировой обстановки, находится и современная Россия. Здесь тоже требуются колоссальные ресурсы для модернизации российской

⁴ Впервые об этом, опираясь на исчисленные мною альтернативные оценки советской экономики, я поделился еще в 1989 г. в статье «Почему и когда погиб нэп» (Ханин, 1989).

экономики (Ханин, Фомин, 2011). Как их извлечь у населения, опираясь на его добровольное согласие, требуемое в демократическом обществе, учитывая, что речь идет о сокращении личного потребления в 2 раза?

Огромные сложности создают для политического и экономического развития России такие факторы, как нахождение 60% ее территории, где размещаются многие богатые природные ресурсы, за Полярным кругом с экстремальными климатическими условиями, наличие около 150 наций и национальностей, нескольких мировых религий. С трудом представляю себе возможность удержать такую территорию без очень сильной власти.

5.2. Запоздалость концепции

Трудно возражать против желания сойти со старой колеи русской власти, принесшей много горя российским народам. Такие попытки делались неоднократно, и все они, как правильно пишет Н.С. Розов, заканчивались неудачей. Последний раз в перестройку и в постсоветский период. В немалой степени это происходило из-за поверхностной стратегии и тактики реформ. Предложенный Розовым план намного более реалистичен и продуман, чем предыдущие. Автор «Колее и перевала» сделал выводы из предыдущих попыток. К сожалению, как мне представляется, этот план запоздал для реализации. Так уже не раз бывало в истории России.

Для более или менее успешного перехода к демократии требуются определенные предпосылки. Помимо уже набившей оскомину (но справедливой) роли среднего класса, для демократизации требуется согласие большинства населения с демократической властью. Этого можно добиться, если она обеспечивает повышение уровня жизни большей части населения, как минимум, его сохранение. Такое было возможно в период перестройки на основе сокращения огромных военных расходов, излишних капитальных вложений, субсидий убыточным отраслям, размеров экономической помощи другим странам. Этот шанс был бездарно упущен. Теперь его нет. Напротив, для обеспечения даже скромного экономического роста требуется колоссальное сокращение личного потребления.

Даже при условии, что удастся добиться (а это очень непросто) перенесения основной части жертв на состоятельные слои населения (речь идет о сокращении их доходов в 6 раз), немалые жертвы придется перенести и остальной части населения, кроме самой бедной. И это не на один-два года, а как минимум и при наилучших условиях – лет на десять. Представьте себе президентские и парламентские выборы, где либеральный претендент или партия обещают сократить доходы основной части населения на 20–30% на долгие десять лет. Много они соберут голосов?

Не придется ли переходить к демократии, предварительно пройдя путь жесткого авторитаризма до выхода на магистраль устойчивого экономического роста, в общем, по старой колее? Н.С. Розов считает этот путь тупиковым и даже безнадежным. Но он в нынешних условиях, к сожалению, выглядит безальтернативным.

5.3. Перераспределение доходов

Автор неоднократно в тексте осуждал чрезмерное расслоение населения и рассматривал его как причину кризисов многих предыдущих цивилизаций и режимов, в том числе и в истории России. Можно было ожидать, что в его «дорожной карте» найдет значительное место вопрос: как лучше привлечь симпатии населения – только пообещав ему сокращение огромных доходов богатейшей части. А о том, что они огромны, говорят расчеты ряда экономистов (в том числе и мои), согласно которым реальный децильный коэффициент в России составляет 25–30 раз вместо «около 15 раз» по данным Росстата и является одним из самых больших в мире. К сожалению, эта ключевая проблема в книге не получила отражения.

5.4. Анализ социальной структуры общества

Рискуя прослыть ретроградом, отмечу, что в книге мне не хватает тщательного анализа социальной структуры современного российского общества. Такой анализ был сильной стороной марксистских социальных исследований. Какую долю отдельные классы и социальные слои занимают в производстве ВВП, общественном богатстве, доходах населения, какова их эффективность и жизнеспособность? Приведу только в качестве примера вопрос о российской буржуазии. Автор к ней относится в целом положительно, видит в частной собственности основу цивилизованного общества. Вместе с тем в книге содержатся и довольно скептические оценки потенциала современной российской буржуазии. Судя по результатам экономического развития России в постсоветский период, они достаточно обоснованны. Возможно, это объясняется молодостью буржуазного класса, препятствиями со стороны бюрократии. Данный вопрос заслуживал более тщательного рассмотрения.

5.5. Отношение к советскому наследию

Этот период рассматривается в книге как один из тупиковых в российской истории и исчерпавший себя. Объективная обусловленность предыдущим развитием рассматривается преимущественно как продолжение российской «колеи» циклов. Но можно ли отрицать, что в этот период впервые за всю российскую историю, пусть и очень дорогой ценой, удалось в кратчайший срок осуществить технологическую, образовательную и бытовую модернизацию, превратить Россию в одну из двух сверхдержав мира? Колоссальная цена является, во многом, платой за предыдущее многовековое отставание. В этом вопросе есть и еще один очень важный аспект. Можно ли, в принципе, выскочить из советской цивилизации? Впервые этот вопрос среди противников коммунизма (сторонники давно говорили, что социализм в СССР победил полностью и окончательно) поставил еще в 1990-м г. Лех Валенса. Тогда, напомню, говоря о переходе от социализма к капитализму, он сравнил это с попыткой из ухи сделать аквариум. Возможно, неудачи России в постсоветский период связаны с этим.

6. Заключение

Н.С. Розов предлагает весьма изобретательный и намного более реалистичный, чем у других российских либералов, путь перехода к демократическому и модернизированному обществу. Его план учитывает огромный мировой опыт демократизации и модернизации, а также исторические особенности России и ментальности ее населения. Он говорит (вопреки названию) не только о стратегии, но и о тактике этого перехода. При всей содержательности и изобретательности этого плана (лучшего, какой я знаю в этом течении политической мысли), он, на мой взгляд, в ближайшей (10–15 лет) исторической перспективе мало реалистичен. Что не лишает его ценности на более длительный период. Но не менее утопичны и другие известные мне планы модернизации России, выдвигаемые государственниками. Среди их авторов тоже есть талантливые мыслители (Сергей Кургинян, Сергей Кара-Мурза, Максим Калашников и Сергей Кугушев, Михаил Юрьев, Сергей Глазьев). Их проекты тоже изобретательны и отнюдь не сводятся к повторению прежних образцов российской власти и истории, к которым они относятся с уважением, как к вынужденным. В то же время эти проекты мне представляются оторванными от реального состояния современного российского общества, поведения его граждан. Я уже не говорю о слабом понимании ими реального состояния российской экономики и ее научно-образовательного обеспечения, их реальных возможностей. Я веду здесь речь не о слабом знании их авторами, преимущественно неэкономистами, макроэкономической статистики либо недооценке ими упадка российской экономики или научно-образовательного комплекса, которые они страстно обличают, а о недооценке ими колоссальных трудностей преодоления этого состояния. Они склонны надеяться либо на технологические чудеса (Калашников, Глазьев), без учета отсутствующих их предпосылок, либо на проведение социальной мобилизации по образцу Ивана Грозного, Петра I и Иосифа Сталина, без достаточного учета огромных потерь человеческого потенциала в XX и начале XXI вв. и потерей им пассионарности.

Говорит ли это об обреченности России? Не обязательно. Может неожиданно появиться гений, который укажет новый путь. Впрочем, политики будут, как и до сих пор, действовать больше из соображений текущей политической целесообразности и конъюнктуры. Иногда им может улыбнуться и удача. Пусть не надолго.

ЛИТЕРАТУРА

- Калашников М., Кугушев С. (2006). Третий проект. Спецназ всевышнего. М.: АСТ-Астрель.
 Лайпс Р. (1993). Россия при старом режиме. М.: Независимая газета.
 Розов Н.С. (2011). Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН.
 Ханин Г.И. (1989). Почему и когда погиб нэп // *ЭКО*, № 10, с. 66–83.
 Ханин Г.И. (1991). Динамика экономического развития СССР. Новосибирск: «Наука».
 Ханин Г.И. (2013). Современная российская буржуазия (опыт экономического эскиза) // *Terra economicus*, т. 11, № 1.
 Ханин Г.И., Фомин Д.А. (2008). Экономические реформы в России: макроэкономический анализ // *ЭКО*, № 5.
 Ханин Г.И., Фомин Д.А. (2011). Деньги для модернизации: сколько их нужно и где их взять // *Свободная мысль*, № 1, с. 45–60.
 Ханин Г.И., Фомин Д.А. (2013). В России начался экономический кризис и, скорее всего, он будет долгим // *Terra Economicus*, т. 11, № 2.

Ханин Г.И., Фомин Д.А. (2014). Второй год очередного кризиса в России: экономические итоги января 2014 года // *HRazvedka*, 26 февраля (<http://hrazvedka.ru/guru/xanin-g-i-fomin-d-a-vtoroj-god-ocherednogo-krizisa-v-rossii-ekonomicheskie-itogi-yanvary-2014-goda.html>).

REFERENCES

Kalashnikov M. and Kugushev S. (2006). The third project. Almighty's special forces [Tretii proekt. Spetsnaz Vsevyshnego]. Moscow: AST-Astrel Publ. (In Russian.)

Khanin G.I. (1991). The dynamics of economic development of the USSR. Novosibirsk: Nauka Publ. (In Russian.)

Khanin G.I. (2013). Contemporary Russian bourgeoisie (the trial economic sketch). *Terra Economicus*, no. 1, pp. 9–28 (http://te.sfedu.ru/evjur/data/2013/journal11_1_1.pdf). (In Russian.)

Khanin G.I. and Fomin D.A. (2008). Economic reforms in Russia: macroeconomic analysis. *ECO*, no. 5. (In Russian.)

Khanin G.I. and Fomin D.A. (2011). Money for modernization: how much is it needed and where to get it. *Svobodnaya mysl*, no. 1 (1620), pp. 45–60. (In Russian.)

Khanin G.I. and Fomin D.A. (2013). The economic crisis has emerged in Russia – most likely, for a long time.... *Terra Economicus*, vol. 11, no. 2, pp. 6–13 (http://te.sfedu.ru/evjur/data/2013/journal11_2_1.pdf). (In Russian.)

Khanin G.I. and Fomin D.A. (2014). The second year of another crisis in Russia: economic results of January 2014. *HRazvedka*, February 26 (<http://hrazvedka.ru/guru/xanin-g-i-fomin-d-a-vtoroj-god-ocherednogo-krizisa-v-rossii-ekonomicheskie-itogi-yanvary-2014-goda.html>). (In Russian.)

Pipes R. (1993). Russia under the old regime. Moscow: Nezavisimaya gazeta Publ., 424 p. (In Russian.)

Rozov N.S. (2011). Track and Pass: Macrosociological Fundament for Strategies in Russia in 21st Century. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian.)

Khanin G.I. (1990). Why and When Did NEP Die?: An Economist's Reflections. *Problems in Economics*, vol. 33, Issue 4, pp. 6–26. DOI: 10.2753/PET1061-199133046. Published online: 08 Dec 2014.

МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Е.В. МИХАЛКИНА,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: mikhalkina_e@mail.ru;

Н.А. КОСОЛАПОВА,

кандидат технических наук, доцент,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: natkos@aanet.ru;

О.Я. СЕНЬКИВ,

аспирант, Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: senkivolga@rambler.ru

В статье методами регрессионного анализа описана модель и осуществлена оценка влияния факторов социально-экономического развития регионов России на формирование человеческого потенциала. Согласно модели наиболее значимыми факторами формирования человеческого потенциала являются: численность обучающихся по программам начального профессионального образования на 10 000 человек, расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на образование, ожидаемая продолжительность жизни, библиотечный фонд на 1000 человек, общая площадь жилых помещений, приходящаяся на 1 жителя, расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на социальную политику. Оценка факторов подтверждает то, что для достижения конкурентных преимуществ необходимо инвестировать во все компоненты человеческого капитала. Разработка комплексной стратегии формирования и развития человеческого потенциала позволит обеспечить эффективность инвестиций в человеческий капитал.

Ключевые слова: капитал здоровья; капитал культуры; капитал образования; социально-экономическое положение регионов России; человеческий капитал; человеческий потенциал; методы регрессионного анализа.

ASSESSMENT MODEL FOR THE RUSSIAN REGIONS' SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT FACTORS IMPACT ON THE HUMAN POTENTIAL BUILDING

E.V. MIKHALKINA,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: mikhalkina_e@mail.ru;

N.A. KOSOLAPOVA,

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: natkos@aanet.ru;

O.Y. SENKIV,

Post-graduate Student,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: senkivolga@rambler.ru

In the article, regression analysis is used to describe the model and provide an assessment of factors of the socio-economic development of Russian regions in 2012 that are most influential in building human potential. According to the model, among the most important factors are: the number of students enrolled in the programs in initial vocational education per 10 000 population, the expenses of consolidated budgets of subjects of the Russian Federation for education, life expectancy, library stock per 1000 population, the total living area per 1 inhabitant, the expenses of consolidated budgets of subjects of the Russian Federation for social policy. Assessment of the factors confirms that to achieve the competitive advantage, investments are required in all the components of human capital. Development of an integrated strategy to build human potential will ensure the efficiency of investment in human capital.

Keywords: health capital; culture capital; education capital; social and economic situation in the Russian regions; human capital; human potential; methods of regression analysis.

JEL classifications: I31, C35, C38, O15.

Актуальность

В современном мире человеческие ресурсы стали определяющим фактором для достижения конкурентных преимуществ экономики страны: технологические изменения, от которых зависит экономический рост, не привносятся извне, а возникают преимущественно внутри самой макроэкономической системы как результат накопления человеческого капитала. Президент РФ В.В. Путин, выступая на расширенном заседании Государственного Совета РФ с докладом «О стратегии развития России до 2020 года», отметил: «Переход на инновационный путь развития связан, прежде всего, с масштабными инвестициями в человеческий капитал. Развитие человека – основная цель и необходимое условие прогресса современного общества. Это и сегодня, и в долгосрочной перспективе наш абсолютный национальный приоритет. Будущее России, наши успехи зависят от образования и здоровья людей, от их стремления к самосовершенствованию и использованию своих навыков и талантов. От мотивации к инновационному поведению граждан и от отдачи, которую приносит труд каждого человека, будет зависеть будущее России. Без образованного специалиста, без человека с хорошим здоровьем, живущих в хороших условиях, решать инновационные проблемы развития просто нереально, невозможно. Это наша стратегическая задача» (*Официальный сайт Президента России, 2008*). Оценить то, насколько эффективно формируется и развивается человеческий потенциал, можно по масштабам инвестиций, осуществляемых в образование, здравоохранение, развитие отраслей экономики. Так, согласно ранее проведенным исследованиям, отмечается снижение экономического роста (*Михалкина, Скачкова, 2014*). Экономический рост в России основывался не на росте производительности труда, а обеспечивался преимущественно за счет поддержания определенного уровня потребления, в том числе – роста потребительских кредитов и роста заработной платы. В целом, благодаря социально-ориентированной политике государства, при которой расходы на социальные программы по отношению к ВВП не снижаются, обеспечивается в том числе и развитие человеческого потенциала (табл. 1).

Таблица 1

Динамика расходов на социально-культурные мероприятия в расходной части консолидированного бюджета РФ в 2010–2013 гг.*

Период	Расходы на социально-культурные мероприятия, в млрд руб.	Расходы на социально-культурные мероприятия, в % от совокупной величины расходов	Расходы на социальную сферу в % к ВВП
2010	10133,8	57,5	22,5
2011	11245,9	56,2	20,6
2012	13215,2	57,0	21,1
2013	14318,1	57,4	21,4

*Составлено по: (Федеральная служба государственной статистики РФ, 2010; 2011; 2012; 2013).

Так, если в 2010 г. Россия, согласно Докладу о человеческом развитии, занимала 65 место среди 187 стран мира по ИРЧП (0,719), то к 2014 г. показатели развития человеческого потенциала улучшились. Об этом свидетельствует положительная динамика, отмеченная в Докладе 2014 г. (57 место, ИРЧП = 0,778) (ПРООН, 2010; 2014).

Эволюция теоретических взглядов на сущность человеческого потенциала и его оценку в истории экономической мысли

Первые фундаментальные исследования в области качественной и количественной оценки производительных способностей человека и их значения в экономическом развитии были сделаны представителями английской классической политической экономии, увидевшими ведущую роль образования, квалификации, здоровья нации в то время, когда она не была еще столь очевидной.

Еще в XVII в. У. Петти в качестве главного богатства страны обосновывал население, людей, обладающих живыми действующими силами: «представляется разумным, чтобы то, что мы называем богатством, имуществом или запасом страны и что является результатом прежнего или прошлого труда, не считалось бы чем-то отличным от живых действующих сил, а оценивалось бы одинаково» (Петти, 1940. С. 58). Он предпринял попытку оценить денежную стоимость производительных качеств человеческой личности, предложил метод подсчета ценности каждого человека и потерь, которые имеет страна от гибели людей во время войны, эпидемий, от ссылки их за границу, на службу другим государствам. При этом У. Петти исследовал категории «стоимость» и «ценность» не созидательных качеств человека как таковых, а самого человека в целом.

В XVIII в. А. Смит разработал фундаментальные понятия экономики – «производительность труда», «производительные силы рабочих», «простой и сложный труд» и т. д. В своем труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» А. Смит показал, что решающая роль в производстве богатства принадлежит работнику, его навыкам и способностям. А. Смит полагал, что «приобретение... способностей, считая также содержание их обладателя в течение его воспитания или ученичества, всегда требует действительных издержек, которые представляют собою основной капитал, который как бы реализуется в его личности. Эти способности, являясь частью состояния такого лица, вместе с тем становятся частью богатства всего общества, к которому оно принадлежит. Большую ловкость и умение рабочего можно рассматривать с той же точки зрения, как и машины и орудия производства, которые сокращают или облегчают труд и которые, хотя и требуют известных расходов, но возмещают эти расходы вместе с прибылью» (Смит, 2008. С. 21). В силу этого расходы, связанные с производительными вложениями в человека, способствуют росту его производительности труда и возмещаются вместе с прибылью.

А. Смит подчеркивал высокое значение образования для увеличения богатства страны. По его мнению, «чтобы предотвратить едва ли не всеобщую дегенерацию людей, образованию бедноты должно уделяться внимание всего общества» (Смит, 2008. С. 85). Расходы на обучение А. Смит рассматривал как инвестиции.

Роль образования населения связывал с экономической отсталостью страны другой классик политэкономии – Д. Рикардо, одним из первых рассмотревший понятия «рабочая сила», «издержки воспроизводства рабочей силы», «затраты на образование» широких народных масс (Рикардо, 2008. С. 125). Рикардо видел причину «бедствий» в «недостатке образования во всех слоях народа», и «чтобы последний стал счастливее, надо только улучшить систему управления и обучения» (Рикардо, 2008. С. 458).

Теория воспроизводства рабочей силы К. Маркса является творческим развитием концепции А. Смита. Он трактовал самого человека как основной капитал, подчеркивая большое значение в его развитии и накоплении образования производственного опыта и затрат свободного времени. Выделение К. Марксом необходимого и прибавочного труда, продукта как ключевых понятий его экономической теории может оказаться полезным в анализе простого и расширенного воспроизводства рабочей силы отдельного человека и общества в целом (Маркс, 2013. С. 38). Категория стоимости рабочей силы близка по своему содержанию понятию издержек воспроизводства рабочей силы, а при расчете ее величины за время жизни человека – сумме пожизненных затрат на содержание человека и инвестиций в человеческий капитал.

А. Маршалл допускал, что оценка капитальной стоимости человека может быть полезна, и обсуждал подход капитализации чистых заработков к оценке человеческого капитала. Он подчеркивал сходство процессов инвестирования средств в человеческие и неодушевленные вещественные активы. Личные качества и способности А. Маршалл называл непередаваемыми благами. Он ис-

пользует понятие «личный капитал»: «мотивы, побуждающие человека накапливать личный капитал как вложения в образование его сына, схожи с теми, которым подчиняется накопление капитала для его сына» (*Маршалл, 2008. С. 98*).

Другой представитель неоклассической политэкономии, П. Самуэльсон, считал, что люди представляют собой для общества такой же капитал, как и машины. Следовательно, общество должно расходовать больше на цели образования, чтобы тем самым способствовать экономическому росту (*Самуэльсон, 2008. С. 56*).

Последующие поколения экономистов в своих трудах пришли к выводу, что совершенствование способностей человека представляет собой накопление капитала. К концу XIX в. в экономической теории уже сформировалось направление, трактовавшее человека и его способности как капитал.

Дж. Милль писал, что, поскольку ценные качества и даже производительную силу человека невозможно отделить от него и передать другому, некоторые ученые отрицают за этими способностями человека право признаваться богатством. «Мне, однако, представляется, что мастерству ... рабочего, которое составляет ценное и довольно долговечное качество, столь же неправомерно отказывать в праве называться богатством на том основании, что оно неотделимо от человека, как угольной шахте или фабрике на том основании, что они неотделимы от своего месторождения» (*Милль, 2007. С. 13*). Самого человека Дж. Милль не рассматривал как богатство. Он представляет цель, во имя которой существует богатство. Но его приобретенные способности, которые выступают как средство и порождены трудом, попадают в эту категорию.

Л. Вальрас утверждал, что человек является «естественным и вечным капиталом. Естественным – потому, что он не произведен искусственно, вечным – потому, что каждое поколение воспроизводит себе подобных» (*Вальрас, 2000. С. 38*).

Как самостоятельный раздел экономического анализа теория человеческого капитала оформилась в 60-х гг. XX в. благодаря работе американских экономистов Г. Беккера и Т. Шульца. Научная общественность по достоинству оценила научные исследования и созданные теории человеческого капитала для мировой экономики и науки. За вклад в теорию человеческого капитала были присуждены две Нобелевские премии – Т. Шульцу (*Schultz, 1971*) в 1979 г. и Г. Беккеру (*Becker, 1964*) в 1992 г., что свидетельствует о выдающемся вкладе этих ученых в экономическую теорию. Эта теория была востребована, так как могла учесть все кардинальные изменения, происходящие под воздействием НТР, могла адекватно осветить роль и значение человека в новых условиях.

Шульц предложил следующее определение: «Все человеческие ресурсы и способности являются или врожденными, или приобретенными. Каждый человек рождается с индивидуальным комплексом генов, определяющим его врожденный человеческий потенциал. Приобретенные человеком ценные качества, которые могут быть усилены соответствующими вложениями, мы называем человеческим капиталом» (*Shultz, 1968. P. 24*).

Системный вид теория человеческого капитала получила в монографии Г. Беккера «Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ» (*Becker, 1993. P. 21*). Эта работа стала основой для всех последующих исследований в данной области и была признана классикой современной экономической науки. Научные работы Г. Беккера были новаторскими и способствовали развитию теории человеческого капитала. В основу анализа Г. Беккер положил представления о человеческом поведении как рациональном и целесообразном, применяя такие понятия, как редкость, цена, альтернативные издержки и т. п. к самым разнообразным аспектам человеческой жизни, используя также категории, которые традиционно находились в ведении других социальных дисциплин.

По Беккеру, человеческий капитал – это совокупность врожденных способностей и приобретенных знаний, навыков и мотиваций, целесообразное использование которых способствует увеличению дохода (на уровне индивида, предприятия или общества) (*Беккер, 2003. С. 159*). «Расходы на образование, профессиональную подготовку работника на рабочем месте или в специализированном учебном заведении, затраты на здравоохранение – все это именно вложения в человеческий капитал, который представляет собой такую же неотъемлемую часть национального богатства, как заводы, фабрики, жилые дома, оборудование и прочие виды так называемого физического капитала» (*Беккер, 1996. С. 4*).

Переход к новому целеполаганию и соответствующей системе приоритетов, в которых глобальной целью признаётся развитие человеческого потенциала, сформировался в конце 1980-х гг. Свообразный толчок такому развитию дала концепция человеческого развития А. Сена, который использовал подход «с точки зрения возможностей» и обосновал положение о том, что процесс

развития – это не возрастание только материального или экономического благосостояния, а расширение возможностей человека, которое подразумевает «большую свободу выбора, чтобы каждый мог выбирать из большого числа вариантов ту цель и тот образ жизни, которые он считает предпочтительными». А. Сен считает, что экономическое развитие необходимо понимать прежде всего как человеческое развитие на основе не только повышения дохода на душу населения, но и достаточного уровня государственных инвестиций в социальную сферу (а не в вооружение), а также справедливого распределения ресурсов в экономике (Сен, 2014. С. 26).

В концепции человеческого развития, разрабатываемой в продолжение теоретических положений А. Сена в ежегодных докладах международной организации «Программа развития ООН» (ПРООН) «Отчет о развитии человечества», акцентируется, в первую очередь, необходимость поиска баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью.

Наиболее популярным среди российских ученых методом оценки человеческого капитала и человеческого потенциала является «индикаторный» подход. Со статистической точки зрения человеческий потенциал обладает важным преимуществом: для него существуют «натуральные» измерители, которые расширяют возможности анализа. Речь идет о различных показателях деятельности системы образования, таких как уровень грамотности населения; среднее число лет обучения в расчете на 1 чел.; коэффициенты зачисления молодежи в учебные заведения разного уровня; доли работников с теми или иными уровнями полученного образования; балльные оценки качества знаний учащихся согласно результатам международных тестовых испытаний и т. д. В рамках индикаторного подхода они используются в качестве обобщающих характеристик запасов человеческого капитала, имеющихся в разных странах. Главное преимущество «индикаторного» подхода – широкая доступность необходимых для него данных.

Индикаторный подход измерения человеческого потенциала получил широкое распространение благодаря возможности определения уровня развития государств и сравнения составляющих человеческого потенциала. Оценка качества жизни с использованием индекса развития человеческого потенциала строится на трех базовых показателях: продолжительность жизни населения (долголетие), его образование (определяется показателями грамотности (с весом в 2/3) и доли учащихся среди детей и молодежи в возрасте от 6 до 23 лет (с весом в 1/3)) и ВВП на душу населения (уровень жизни) (Колесов, Маккинли, 2000. С. 48). Индикаторный подход основывается на оценке человеческих ресурсов через показатели деятельности, в том числе системы образования (уровень грамотности населения, среднее число лет обучения в расчете на 1 чел., коэффициент зачисления молодежи в учебные заведения, доля работников с тем или иным уровнем образования и т. п.).

В настоящее время разработана и научно обоснована обобщенная система показателей, включающая количественные и качественные характеристики социально-экономической дифференциации социального развития:

- коэффициент дифференциации индекса развития человеческого потенциала, характеризующий степень различия в социально-экономическом развитии анализируемых стран, регионов внутри страны, социальных групп;
- коэффициент дифференциации индекса здоровья (долголетия), показывающий, насколько состояния здоровья в одной стране (регионе) лучше, чем в другой;
- коэффициент дифференциации индекса образования, этот показатель определяет степень превышения уровня образования населения в одной стране (регионе, другом объекте исследования) над уровнем образования (грамотности) населения другой страны (региона и др.);
- коэффициент дифференциации индекса дохода, определяющий степень экономической дифференциации анализируемых стран или регионов;
- коэффициент дифференциации индекса смертности, как показатель различий в состоянии здоровья сравниваемых стран или регионов;
- коэффициент дифференциации уровня профессионального образования, отражающий различия в степени охвата обучением второй и третьей ступени образования в исследуемых странах или регионах.

В дополнение к используемому ИРЧП, который является сводным показателем, опирающимся на среднестрановые статистические данные и не учитывающим внутреннего неравенства, были введены три новых индикатора: Индекс человеческого развития, скорректированный с учетом социально-экономического неравенства (ИЧРН), Индекс гендерного неравенства (ИГН) и Индекс многомерной бедности (ИМБ) (ПРООН, 2014).

Также существуют и другие интегральные показатели:

Индекс физического качества жизни – позволяет измерять качество жизни или благосостояние населения страны. Вычисляется как среднее арифметическое из индексированной младенческой смертности, индексированной ожидаемой продолжительности жизни годовалых детей и процента грамотных (Morris, 1979).

«Истинный показатель прогресса» – концепция в «зелёной экономике» и экономике благосостояния, предлагаемая на замену ВВП для измерения экономического роста (Anielski, Rowe, 1999).

Индекс развития с учётом неравенства полов – оценивает человеческое развитие по тем же критериям, что и ИРЧП. Различие заключается в том, что, чем выше разница в трёх составляющих показателя для мужчин и женщин, тем ниже данный индекс (ПРООН, 2014).

Индекс гендерного неравенства – оценивает неравенство, связанное с возможностями достижений между мужчинами и женщинами в трех измерениях: репродуктивном здоровье, расширении прав и возможностей, а также на рынке труда (ПРООН, 2014). Измерение наделённости полномочиями по полам фокусируется на неравенстве возможностей полов, а не на их способностях. Индекс основывается на показателях политического участия, экономического участия и статистики денежных доходов.

План благосостояния Вандерфорда-Райли – показатель уровня жизни, учитывающий несколько показателей на душу населения. В США к ним относят рабочие часы в неделю, ценность собственного имущества физических лиц, отношение числа собственников имущества к числу несобственников, отношение числа работающих на себя к числу всех трудоустроенных, а также процент людей, способных удовлетворить свои первичные нужды (Indicators of Sustainable Development: Guideline sand Methodologies, 2007).

Валовое Национальное Счастье (ВНС) – попытка определить жизненный стандарт через психологические и холистические ценности, понятие, введенное Дж. Вангчуком в 1972 г. (Зыкова, 2012).

Однако, несмотря на распространенность индикативного подхода, его применение имеет ряд ограничений.

Так, отдельные индикаторы (показатели грамотности населения) могут быть полезны при анализе состояния и динамики человеческого капитала в развивающихся странах, но мало что способны сказать о его состоянии и динамике в развитых странах.

Показатель «среднее число лет обучения в расчете на одного человека» не учитывает того, что на разных ступенях образования издержки одного года обучения, так и отдача от него могут сильно различаться. Этот показатель не принимает во внимание различия в качестве обучения, а главное, при его использовании неявно предполагается, что работники с равным образованием являются совершенными субститутами.

Построение модели оценки влияния факторов социально-экономического развития регионов России на формирование человеческого потенциала

Роль развития человеческого потенциала в стимулировании регионального роста является основной темой для российских и зарубежных исследователей (Martinand Sunley, 1998; Nijkamp and Poot, 1998; Simkovic, 2013). Проблемы устойчивого и согласованного социально-экономического развития России и отдельных регионов являются приоритетными на данном этапе развития страны. Отсутствие эффективных форм и методов проведения региональной политики привело к дифференциации регионов России по социально-экономическому уровню развития. Для эффективного принятия решений на региональном и федеральном уровне необходимо определить общие факторы, влияющие на уровень социально-экономического развития. Таким образом, мы считаем актуальными исследования в области развития человеческого потенциала.

Для выявления факторов формирования человеческого капитала рассматривались данные о социально-экономическом развитии России и отдельных регионов. Зависимой переменной является индекс человеческого развития, ежегодно публикуемый индекс развития человеческого капитала. Независимые переменные будут включать укрупненные группы показателей образования, здоровья, культуры, доходов.

Капитал здоровья рассматривается как составная часть человеческого капитала и является определяющим при формировании человеческого потенциала общества. Капитал здоровья формируется за счет инвестиций в укрепление здоровья населения и повышение его работоспособности. Уровень продолжительности жизни населения в стране включается в число приоритетных задач,

а следовательно, необходимы последовательные меры по повышению инвестиций на поддержание и обеспечение здоровья населения. Так, за последние годы наметилась положительная тенденция роста средней ожидаемой продолжительности жизни населения России. Согласно Докладу о развитии человека за 2010 год средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляла 67,2, а уже в Докладе 2013 года был отмечен показатель средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении 69,1 (*ПРООН, 2010; 2013*). По данным Росстата, в 2014 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении возросла и составила 70,8. Здоровье населения является основным условием формирования и функционирования человеческого потенциала, поскольку от показателей общественного здоровья зависит возможность приобщения индивидуума к трудовой деятельности. Потери общественного здоровья (инвалидность, заболеваемость, смертность) приводят к огромному экономическому ущербу. Ежегодно ухудшение здоровья населения РФ, занятого в экономике, соразмерно потерям 6,5% ВВП (*Прохоров, 2005. С. 24*).

Капитал здоровья является неотъемлемой и базовой частью человеческого капитала. Выделим основные составляющие факторы капитала здоровья: коэффициенты младенческой смертности, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, число больничных коек на 10 000 чел., мощность амбулаторно-поликлинических организаций на 10 000 чел. населения, численность врачей на 10 000 чел., численность среднего медицинского персонала на 10 000 чел., заболеваемость на 1000 чел. населения, расходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации на здравоохранение.

В индекс развития человеческого потенциала включены показатели, характеризующие уровень образования и, соответственно, инвестиций в образование. В соответствии с наиболее передовыми воззрениями инвестиции в образование являются наиболее эффективными инвестициями. Нацеленность России на повышение международной конкурентоспособности ставит новые вопросы относительно возможностей и объема образовательной и научно-исследовательской подготовки кадров, их взаимосвязи, а также мер, направленных на формирование соответствующих умений и навыков выпускников, отвечающих требованиям рынка труда, промышленности и общества. Многие теории связывают рост производительности труда и инноваций с инвестициями в образование и ролью человеческого капитала в экономическом развитии, это является главным обыкновением государственных инвестиций на образование и профессиональную подготовку (*Lucas, 1988. P. 70*).

Россия тратит на образование (в целом на все уровни) почти на четверть меньше, чем страны ОЭСР. Относительно расходов на науку ситуация аналогичная. Например, в США вложения в науку составляют 2,88% ВВП, в Китае – 1,88% ВВП, в России – 1,06% ВВП. В то же время расходы федерального бюджета на образование постепенно сокращаются, от 0,91% ВВП в 2013 г. до 0,69% ВВП в 2015 г. Кроме того, доля расходов ФБ на образование также сокращается по отношению к общему объему его расходов: с 4,5% в 2013 г. до 3,6% в 2015 г. (в 2014 г. – 3,9%) (*Министерство финансов РФ, 2014*). Хотя, согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, был запланирован рост инвестиций в сферу образования до 6,3% (*КонсультантПлюс, 2008*).

Роль образования в развитии общества и обеспечении благосостояния страны переоценить невозможно, именно от уровня образованности общества зависит возможность государства оставаться конкурентоспособным на мировом рынке. Выделим основные, составляющие капитал образования, факторы: охват детей дошкольными образовательными учреждениями, в процентах от численности детей соответствующего возраста, численность обучающихся общеобразовательных учреждений, численность учителей, численность обучающихся по программам начального профессионального образования на 10 000 чел. населения, численность студентов государственных и муниципальных образовательных учреждений среднего профессионального образования на 10 000 чел. населения, численность студентов учреждений высшего профессионального образования на 10 000 чел. населения, численность профессорско-преподавательского персонала образовательных учреждений высшего профессионального образования.

Человеческий капитал является движущей силой НТП: в ходе развития науки результатом становятся не только созданные интеллектуальные продукты, на базе которых затем появляются новые технологии, услуги, но происходит преобразование самих участников этого процесса, которые становятся носителями новых знаний, их активными распорядителями. В информационном обществе наука превращается не просто в «непосредственную производительную силу», но и в своеобразный «генератор человеческого капитала» (*Гладышева, Горбунова, Голубева, 2013. С. 24*). «Само существование сферы НИОКР становится необходимым условием экономического роста, поскольку обеспечивает

интенсивное накопление человеческого капитала» (Исаенко, 2002. С. 37). Именно фундаментальные научные исследования обеспечивают прорыв к новым знаниям, ориентированным на будущее. Они определяют дальнейшую стратегию развития экономики страны.

Немаловажным в формировании человеческого потенциала является уровень культуры населения. Решение проблемы формирования и сохранения человеческого потенциала возможно лишь при условии повышения благосостояния населения, в первую очередь за счет роста заработной платы. Благосостояние населения – уровень обеспечения потребностей человека материальными и нематериальными благами.

Для построения модели оценки введем обозначения выбранных нами показателей, характеризующих формирование человеческого потенциала (табл. 2).

Таблица 2

Условные обозначения показателей

	Полное название показателя
x_1	Охват детей дошкольными образовательными учреждениями, в процентах от численности детей соответствующего возраста
x_2	Численность обучающихся в общеобразовательных учреждениях, тыс. чел.
x_3	Численность учителей, тыс. чел.
x_4	Численность обучающихся по программам начального профессионального образования на 10 000 чел. населения
x_5	Численность студентов государственных и муниципальных образовательных учреждений среднего профессионального образования на 10 000 чел. населения
x_6	Численность студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования на 10 000 чел. населения
x_7	Численность профессорско-преподавательского персонала образовательных учреждений высшего профессионального образования, чел.
x_8	Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, чел.
x_9	Внутренние затраты на научные исследования и разработки, млн руб.
x_{10}	Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на образование, млн руб.
x_{11}	Коэффициенты младенческой смертности
x_{12}	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении
x_{13}	Число больничных коек на 10 000 чел.
x_{14}	Мощность амбулаторно-поликлинических организаций на 10 000 чел. населения
x_{15}	Численность врачей на 10 000 чел.
x_{16}	Численность среднего медицинского персонала на 10 000 чел.
x_{17}	Заболеваемость на 1000 чел. населения
x_{18}	Расходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации на здравоохранение, млн руб.
x_{19}	Численность зрителей театров на 1000 чел. населения
x_{20}	Число посещений музеев на 1000 чел. населения
x_{21}	Библиотечный фонд на 1000 чел. населения (на конец года, экз.)
x_{22}	Среднедушевые денежные доходы населения, в месяц; руб.
x_{23}	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в процентах от общей численности населения субъекта
x_{24}	Потребительские расходы в среднем на душу населения, в месяц, руб.
x_{25}	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на 1 жителя
x_{26}	Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на социальную политику, млн руб.

Указанные показатели системно характеризуют социально-экономический уровень региона. Оценить взаимосвязь между этими показателями и ИРЧП возможно, воспользовавшись методами регрессионного анализа. В общем виде оцениваемую модель можно представить так:

$$y = f(x) + u = b_0 + b_1x_1 + b_2x_2 + \dots + b_{26}x_{26} + \varepsilon,$$

где:

y – зависимая, результирующая переменная модели;

$x_1, x_2, \dots, x_m$ – независимые, экзогенные переменные, признаки-факторы или регрессоры;

$b_0, b_1, \dots, b_m$ – параметры модели;

ε – случайный член, случайная составляющая.

Учитывая региональную вариацию показателей, исследование проводилось в два этапа. На первом проведена территориальная дифференциация по представленным показателям. Для этого использованы методы кластерного анализа, он представляет собой совокупность методов, целью которых является классификация наблюдений, описываемых множеством признаков. В результате таких группировок получаются классы (группы, кластеры), в которых содержатся схожие между собой показатели (Михалкина, 2014. С. 329). Поскольку представленные данные имеют различную размерность, то первоначально была выполнена процедура стандартизации. Наилучшим вариантом кластерной структуры для наших данных стало разбиение на четыре кластера, при уровне сходства 81,2% (табл. 3).

Таблица 3

Отнесение регионов РФ к кластерам

Первый кластер	
Московская область	Санкт-Петербург
Второй кластер	
Воронежская область	Свердловская область
Краснодарский край	Тюменская область
Республика Дагестан	Челябинская область
Республика Башкортостан	Красноярский край
Республика Татарстан	Иркутская область
Пермский край	Новосибирская область
Нижегородская область	
Самарская область	
Третий кластер	
Москва	
Четвертый кластер	
Алтайский край	Псковская область
Амурская область	Республика Адыгея
Архангельская область	Республика Алтай
Астраханская область	Республика Бурятия
Белгородская область	Республика Ингушетия
Брянская область	Республика Калмыкия
Владимирская область	Республика Карелия
Волгоградская область	Республика Коми
Вологодская область	Республика Марий Эл
Еврейская автономная область	Республика Мордовия
Забайкальский край	Республика Саха
Ивановская область	Республика Северная Осетия-Алания
Кабардино-Балкарская Республика	Республика Тыва
Калининградская область	Республика Хакасия
Калужская область	Ростовская область
Камчатский край	Рязанская область
Карачаево-Черкесская Республика	Саратовская область
Кемеровская область	Сахалинская область
Кировская область	Смоленская область
Костромская область	Ставропольский край
Курганская область	Тамбовская область
Курская область	Тверская область
Ленинградская область	Томская область
Липецкая область	
Магаданская область	
Мурманская область	
Новгородская область	
Омская область	
Оренбургская область	
Орловская область	
Пензенская область	
Приморский край	

Существенными с точки зрения классификации явились следующие показатели: численность обучающихся общеобразовательных учреждений, численность учителей, профессорско-преподавательского персонала образовательных учреждений высшего профессионального образования, численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, внутренние затраты на научные исследования и разработки, расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на образование, на здравоохранение, численность зрителей театров на 1000 чел., число посещений музеев на 1000 чел., среднедушевые денежные доходы населения, потребительские расходы на душу населения, расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на социальную политику. Статистики для кластеров приведены в табл. 4.

Таблица 4

Статистики кластеров по значимым показателям ¹

Показатели	Статистики	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 4
Численность обучающихся в общеобразовательных учреждениях, тыс. чел.	среднее	506,5	312,9	114,5
	минимум	378,4	56,2	7,3
	максимум	634,6	512,5	374
Численность учителей, тыс. чел.	среднее	32	24,1	9,0
	минимум	26,5	4	0,6
	максимум	37,5	40,8	27
Численность профессорско-преподавательского персонала образовательных учреждений ВПО, чел.	среднее	18188,5	6598	2347,6
	минимум	7849	956	3
	максимум	28528	10060	10587
Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, чел.	среднее	83504,5	12208,5	2448,8
	минимум	80660	1130	19
	максимум	86349	40882	17306
Внутренние затраты на научные исследования и разработки, млн руб.	среднее	84798,5	11505,8	2013,8
	минимум	84645,4	872,3	34,9
	максимум	84951,5	44524	17601,1
Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на образование, млн руб.	среднее	89606,8	38234,6	14848,9
	минимум	75322,8	6829,5	2720
	максимум	103890,8	64267,7	42704
Расходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации на здравоохранение, млн руб.	среднее	57856,8	13550,6	9285,3
	минимум	42242,7	6043,4	1469,1
	максимум	73470,8	27766,9	27766,9
Численность зрителей театров на 1000 чел. населения	среднее	344,5	165	172,8
	минимум	102	35	23
	максимум	587	279	373
Число посещений музеев на 1000 чел. населения	среднее	2324,5	445,9	452,9
	минимум	422	23	23
	максимум	4227	1092	1487
Среднедушевые денежные доходы населения в месяц, руб.	среднее	28747	18593,2	18982,6
	минимум	27795	13755	10184
	максимум	29699	28457	47857
Потребительские расходы в среднем на душу населения в месяц, руб.	среднее	20903,5	13415,7	12848,7
	минимум	19680	6984	4536
	максимум	22127	19222	26165
Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на социальную политику, млн руб.	среднее	55724,9	12345,9	8788,95
	минимум	44001,3	5533,7	1418,4
	максимум	67448,5	29780,2	29780,2

В первый кластер вошли Московская область и Санкт-Петербург. Московская область и Санкт-Петербург имеют достаточно высокий уровень социально-экономического развития, который проявляется в том числе в низком уровне безработицы и факторах, связанных с развитием социальной

¹ В таблице не представлены данные по третьему кластеру, так как в его составе только один регион: г. Москва.

инфраструктуры, на которую выделяются большие денежные средства. Обладая мощным ресурсным потенциалом, что определяет хорошие бюджетные, социальные и макроэкономические показатели, данные регионы имеют неоспоримое преимущество в уровне экономического развития. И тот и другой очень близки по таким показателям, как: охват детей дошкольными образовательными учреждениями, численность учителей, численность обучающихся по программам начального профессионального образования на 10 000 чел., внутренние затраты на научные исследования и разработки, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, число больничных коек на 10 000 чел., среднедушевые денежные доходы населения, численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, потребительские расходы на душу населения, общая площадь жилых помещений, приходящаяся на 1 жителя. Остальные показатели отличаются в незначительной степени.

Во втором кластере уже наблюдается больший разброс средних показателей, чем в предыдущем кластере. Здесь представлены области практически всех федеральных округов, наиболее многочислен Приволжский федеральный округ (5 областей), в данный кластер также вошли все регионы Уральского (кроме Курганской области) и 3 региона Сибирского федеральных округов.

В третий кластер вошла лишь Москва, так как все ее показатели значительно превышают значения данных показателей для других регионов. Москва исторически, на протяжении многих лет, является лидером в области социально-экономического развития. Концентрация финансовых ресурсов, мощный кадровый потенциал, развитая инфраструктура, особый статус, конкурентоспособность и экспортный потенциал продукции создают предпосылки для высоких позиций данного субъекта.

Четвертый – самый многочисленный кластер, в него вошли 62 региона. Наибольший интерес в нашем исследовании представляет данный кластер, в него включена и Ростовская область.

На втором этапе исследования для самого многочисленного кластера была построена регрессионная модель, исходя из оценок которой можно сказать, что наибольшее влияние на индекс развития человеческого показателя оказывают капитал образования (x_4 – численность обучающихся по программам начального профессионального образования на 10 000 чел. (x_{10} – расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на образование), капитал здоровья (x_{12} – ожидаемая продолжительность жизни), капитал культуры (x_{21} – библиотечный фонд на 1000 чел.) и уровень жизни населения (x_{25} – общая площадь жилых помещений, приходящаяся на 1 жителя, x_{26} – расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на социальную политику).

$$y = \underset{0,12973}{0,418313} + \underset{0,000177}{0,000361} * x_4 + \underset{0,000001}{0,000001} * x_{10} + \underset{0,001483}{0,003488} * x_{12} - \underset{0,000001}{0,000004} * x_{21} + \underset{0,001291}{0,00266} * x_{25} - \underset{0,000002}{0,000003} * x_{26} \quad (C.O.)$$

Значение множественного коэффициента детерминации $R^2=0.81910115$ показывает, что 81,91% обшей вариации результативного признака объясняется вариациями факторных признаков. Выбранные факторы существенно влияют на уровень социально-экономического развития регионов России, о чем говорят коэффициенты эластичности, на основе значений которых можно оценить, на сколько % в среднем по совокупности изменится результат y от своей средней величины при изменении фактора x на 1% от своего среднего значения (табл. 5). Коэффициент эластичности рассчитывается по формуле:

$$E = \frac{\partial y}{\partial x} \frac{x}{y} = b \frac{\bar{x}}{\bar{y}} \quad (1)$$

Таблица 5

Расчет коэффициента эластичности

Показатель	Коэффициент эластичности
Численность обучающихся по программам начального профессионального образования на 10 000 чел.	$E = 0,000361 \times \frac{69,20635}{0,825016} = 0,03$
Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на образование	$E = 0,000001 \times \frac{14527,04}{0,825016} = 0,02$

Окончание табл. 5

Показатель	Коэффициент эластичности
Ожидаемая продолжительность жизни	$E = 0,003488 \times \frac{69,1073}{0,825016} = 0,3$
Библиотечный фонд на 1000 чел.	$E = -0,000004 \times \frac{6937,921}{0,825016} = -0,03$
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся на 1 жителя	$E = 0,00266 \times \frac{23,80794}{0,825016} = 0,08$
Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на социальную политику	$E = -0,000003 \times \frac{8487,21}{0,825016} = 0,03$

Из таблицы видно, что наибольшее влияние на ИРЧП оказывает ожидаемая продолжительность жизни, так как при ее изменении на 1% от своего среднего значения ИРЧП изменится на 0,297%. Сумма частных коэффициентов эластичности составляет 0,42, таким образом, можно сказать, что индекс развития человеческого потенциала, с увеличением его составляющих, изменяется в меньшей степени, чем факторы, определяющие уровень социально-экономического развития.

Полученные оценки позволяют сделать следующие выводы:

1. Начальное профессиональное образование помогает обеспечить рынок труда рабочими кадрами с различным профилем и качествами. Президент В.В. Путин отметил: «В России доля высококвалифицированных рабочих и специалистов составляет сейчас не более 5 процентов общего числа работающих, в то время когда в государствах с развитой экономикой эта цифра достигает 40%. У нас нет необходимого количества квалифицированных специалистов среднего звена» (*Российская газета*, 2006). Соответственно, вкладываться государству необходимо прежде всего в человеческий капитал, в том числе – в развитие начального профессионального образования.

2. Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на образование включают в себя расходы на дошкольное образование, среднее образование, дополнительное образование школьников, частично среднее профессиональное образование. Часть субъектов Российской Федерации финансирует из регионального консолидированного бюджета расходы на начальное профессиональное образование. В соответствии с передовыми воззрениями, инвестиции в образование являются наиболее эффективными инвестициями, которые только способно сделать общество, особенно в условиях глобализации. Вложения в развитие человеческого фактора и системы образования становятся все более актуальными по мере формирования европейского образовательного пространства и интеграции национальных систем высшего образования в него. Нацеленность России на повышение международной конкурентоспособности ставит новые вопросы относительно возможностей и объема образовательной и научно-исследовательской подготовки кадров, их взаимосвязи, а также мер, направленных на формирование у выпускников соответствующих умений и навыков, отвечающих требованиям рынка труда, промышленности и общества. Значимым становится не столько объем производимого человеческого капитала, сколько свойства, качества, производительность труда, гибкость и инновационные возможности человека, получившего образование.

3. Средняя ожидаемая продолжительность жизни – один из наиболее важных социально-экономических факторов, определяющих бюджетное планирование. Рост продолжительности жизни обуславливает увеличение числа пожилых людей, которых необходимо обеспечивать пенсионными выплатами. С другой стороны, повышение среднего срока жизни россиян означает уменьшение смертности среди людей трудоспособного возраста, что, свою очередь, меняет демографический баланс страны к лучшему. К тому же увеличение продолжительности жизни способствует повышению общей численности населения страны, а значит, и развитию экономики. Следует заметить, средняя ожидаемая продолжительность жизни – важный показатель ее качества.

4. Обратную зависимость между ИРЧП и библиотечным фондом можно объяснить тем, что в связи с широким распространением информационных технологий большей популярностью пользуются электронные книги, а библиотеки утрачивают былую актуальность.

5. Принимая во внимание сугубо российскую специфику, можно утверждать, что жилищные условия граждан и степень удовлетворения потребности в жилье (мерой которой выступает общая

площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на 1 жителя) на сегодняшний день являются адекватными индикаторами качества жизни россиян в целом.

6. Прослеживается обратная зависимость между ИРЧП и расходами консолидированных бюджетов субъектов РФ на социальную политику. Главная причина этого парадоксального факта видится в том, что выделенные средства на социальную политику расходуются неэффективно.

Результаты, полученные в ходе исследования, можно объяснить тем, что, во-первых, не учтена эффективность осуществляемых инвестиций в человеческий капитал; во-вторых, в анализ не вошли показатели качества образования, здравоохранения, поскольку данные показатели отсутствуют в базах данных; и оценка качества образования и здравоохранения выступает сложным – но очень перспективным направлением дальнейших научных исследований.

Необходимо отметить, что в уравнении регрессии присутствуют индикаторы не только системы здравоохранения и образования, что подтверждает нашу гипотезу о необходимости инвестировать в каждый элемент человеческого капитала. Этот факт указывает на необходимость разработки комплексной стратегии формирования и развития человеческого капитала в России.

Полученные результаты могут являться основой для последующей экспертной оценки и проведения эффективных изменений в региональном развитии (в том числе при разработке региональных бюджетов).

ЛИТЕРАТУРА

- Беккер Г. (1996). Не жалейте денег на людей // *Бизнес Уик*, № 6.
- Беккер Г. (2003). Человеческое поведение. Экономический подход. М.
- Вальрас Л. (2000). Элементы чистой политической экономии. Теория общественного богатства. М.
- Владимиров Д. (2006) Космос – это здорово // *Российская газета* – Федеральный выпуск, 2 сентября, № 4161.
- Гладышева А., Горбунова О., Голубева Л. (2013). Образовательная компонента человеческого капитала как один из важнейших факторов поддержания конкурентоспособности государства в условиях информационного общества // *Социально-экономические явления и процессы*, № 9 (055).
- Зыкова Т. (2012). Как проиндексировать счастье? // *Российская газета* – Столичный выпуск, 5 апреля, № 5747 (74) (<http://m.rg.ru/2012/04/05/bogach.html>).
- Исаенко А. (2002). Человеческий капитал – определяющий фактор экономического роста // *Человек и труд*, № 3.
- Колесов В., Маккинли Т. (2000). Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса. Учебное пособие. М.: Права человека.
- КонсультантПлюс (2008). Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года // *КонсультантПлюс* (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90601/?frame=1).
- Маркс К. (2013). Капитал, т. 1 / В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. М.
- Маршалл А. (2009). Принципы экономической науки / В кн.: Классика экономической мысли: Сочинения. М.
- Милль Дж. (2007). О свободе. М.
- Министерство финансов РФ (2014). Исполнение федерального бюджета // *Министерство финансов РФ* (http://www.minfin.ru/ru/performance/budget/federal_budget/budgeti/11-14/).
- Михалкина Е.В. (ред.) (2014). Управление человеческими ресурсами: методы исследования. Р-н/Д.: Изд-во Южного федерального университета.
- Михалкина Е.В., Скачкова Л.С. (2014). Обзор российских методик прогнозирования спроса и предложения труда и компетенций // *TerraEconomicus*, т. 12, № 4.
- Официальный сайт Президента России (2008). Путин В.В. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» // *Официальный сайт Президента России* (<http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml>).
- Петти В. (1940). Экономические и статистические работы. М.
- ПРООН (2010). Доклад о развитии человека в 2010 году. Реальное богатство народов: пути к развитию человека // (<https://www.un.org/ru/development/hdr/2010/>).
- ПРООН (2013). Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире // *UNDP. Human Development Reports* (http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2013_RU.pdf).

ПРООН (2014) Доклад о человеческом развитии 2014 «Обеспечение устойчивого прогресса человечества: Уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости» // *UNDP. Human Development Reports* (<http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr14-summary-ru.pdf>).

Прохоров Б. (2005). Медико-демографическая классификация регионов России // *Проблемы прогнозирования*, № 4.

Рикардо Д. (2008). Начала политической экономии / В кн.: Классика экономической мысли: Сочинения. М.

Самуэльсон П. (2008). Проблемы экономического роста и стабильности цен в развитой экономике. М.

Сен А. (2004). Развитие как свобода. М.: Новое издательство.

Смит А. (2008). Исследование о природе и причинах богатства народов / В кн.: Классика экономической мысли: Сочинения. М.

Федеральная служба государственной статистики РФ (2008). Россия в цифрах. Стат. сб. М.: Росстат.

Федеральная служба государственной статистики РФ (2010). Россия в цифрах. Стат. сб. М.: Росстат.

Федеральная служба государственной статистики РФ (2011). Россия в цифрах. Стат. сб. М.: Росстат.

Федеральная служба государственной статистики РФ (2012). Россия в цифрах. Стат. сб. М.: Росстат.

Федеральная служба государственной статистики РФ (2013). Регионы России. Социально-экономические показатели. М.: Росстат.

Федеральная служба государственной статистики РФ (2013). Россия в цифрах. Стат. сб. М.: Росстат.

Anielski M. and Rowe J. (1999). The Genuine Progress Indicator. 1998 Update Executive Summary. San Francisco: Redefining Progress (http://www.rprogress.org/publications/1999/gpi1998_execsum.pdf).

Becker G. (1964). Human Capital. New York.

Becker G. (1993). Human capital. The University of Chicago Press. Chicago, London.

Indicators of Sustainable Development: Guidelines and Methodologies (2007). New York: United Nations publication.

Lucas R. (1988). On the mechanics of economic development // *Journal of Monetary Economics*, vol. 22, no. 1, pp. 3–42.

Martin P. and Sunley P. (1998). Slow convergence? The new endogenous growth theory and regional development // *Economic Geography*, vol. 74, no. 3.

Morris M. (1979). Measuring the Condition of the World's Poor: The Physical Quality of Life Index. New York.

Nijkamp P. and Poot J. (1998). Spatial perspectives on new theories of economic growth // *Annals of Regional Science*, vol. 32, no. 1.

Shultz T. (1968). Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. New York.

Schultz T. (1971). Investment in Human Capital. New York.

Simkovic M. (2013). Risk-Based Student Loans. Washington.

REFERENCES

Becker G. (1996) Do not spare money for men. *Business week*, no. 6. (In Russian.)

Becker G. (2003). Human behavior. The economic approach. Moscow. (In Russian.)

ConsultantPlus (2008). The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020 (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90601/?frame=1). (In Russian.)

Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2008). Russia in Figures. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2010). Russia in Figures. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2011). Russia in Figures. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2012). Russia in Figures. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2013). Regions of Russia. Socioeconomic indicators. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2013). Russia in Figures. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

Gladysheva A., Gorbunov O. and Golubeva L. (2013). Educational component of human capital as one of the most important factors in maintaining the competitiveness of the state in the information society. *Socio-economic phenomena and processes*, № 9 (055). (In Russian.)

Isaenko A. (2002). Human capital is a determining factor economic growth. *Man and labor*, no. 3. (In Russian.)

Kolesov V. and McKinley T. (2000). Human development: a new dimension of socio-economic progress. Moscow: Prava cheloveka Publ. (In Russian.)

Marshall A. (2008). Principles of Economics / In: Classical economic thought. Essays. Moscow. (In Russian.)

Marx K. (2013). Capital, vol. 1 / In: Marx K. and Engels F. Works, vol. 23. Moscow. (In Russian.)

Mikhalkina E. (ed.) (2014). Human resources management: research methods. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Federal University. (In Russian.)

Mikhalkina E.V. and Skachkova L.S. (2014). Overview of the Russian methods of competences, labor demand and supply forecasting. *Terra Economicus*, vol. 12, no. 4. (In Russian.)

Mill J. (2007). About freedom. Moscow. (In Russian.)

Petty V. (1940). Economic and statistical work. Moscow. (In Russian.)

Prokhorov B. (2005). Medico-demographic classification of regions of Russia. *Problems of Forecasting*, no. 4. (In Russian.)

Ricardo D. (2008). Principles of political economy / In: Classical economic thought. Essays. Moscow. (In Russian.)

Samuelson P. (2008). Problems of economic growth and price stability in developed economies. Moscow. (In Russian.)

Sen A. (2004). Development as freedom. Moscow: Novoe izdatelstvo Publ. (In Russian.)

Smith A. (2008). An inquiry into the nature and causes of the wealth of Nations / In: Classical economic thought. Essays. Moscow. (In Russian.)

The Ministry of Finance of the Russian Federation (2014). Execution of the federal budget (http://www.minfin.ru/ru/performance/budget/federal_budget/budgeti/11-14/) (In Russian.)

The official site of the President of Russia (2008). Putin V.V. Speech at an enlarged meeting of the State Board, «Russia's Development Strategy until 2020» (<http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml>). (In Russian.)

Vladimirov D. (2006). Space – It's Great. *Rossiyskaya Gazeta – Federal Issue*, 2 September, № 4161. (In Russian.)

Walras L. (2000). Elements of pure political economy. The theory of social wealth. Moscow. (In Russian.)

Zykova T. (2012). How to index happiness? *Rossiyskaya Gazeta – Metropolitan issue*, April 5, no. 5747 (74) (<http://m.rg.ru/2012/04/05/bogach.html>). (In Russian.)

Anielski M. and Rowe J. (1999). The Genuine Progress Indicator. 1998 Update Executive Summary. San Francisco: Redefining Progress (http://www.rprogress.org/publications/1999/gpi1998_execsum.pdf).

Becker G. (1964). Human Capital. New York.

Becker G. (1993). Human capital. The University of Chicago Press. Chicago, London.

Indicators of Sustainable Development: Guidelines and Methodologies (2007). New York: United Nations publication.

Lucas R. (1988). On the mechanics of economic development // *Journal of Monetary Economics*, vol. 22, no. 1, pp. 3–42.

Martin P. and Sunley P. (1998). Slow convergence? The new endogenous growth theory and regional development // *Economic Geography*, vol. 74, no. 3.

Morris M. (1979). Measuring the Condition of the World's Poor: The Physical Quality of Life Index. New York.

Nijkamp P. and Poot J. (1998). Spatial perspectives on new theories of economic growth // *Annals of Regional Science*, vol. 32, no. 1.

Shultz T. (1968). Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. New York.

Schultz T. (1971). Investment in Human Capital. New York.

Simkovic M. (2013). Risk-Based Student Loans. Washington.

UNDP (2010). Human Development Report 2010. 20th Anniversary Edition. The Real Wealth of Nations: Pathways to Human Development. *United Nations Development Programme*. Human Development Reports (http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/270/hdr_2010_en_complete_reprint.pdf).

UNDP (2013) Human Development Report 2013. The Rise of the South: Human Progress in a Diverse World. *United Nations Development Programme*. Human Development Reports(http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/14/hdr2013_en_complete.pdf).

UNDP (2014). The 2014 Human Development Report – Sustaining Human Progress: Reducing Vulnerabilities and Building Resilience. *United Nations Development Programme*. Human Development Reports (<http://hdr.undp.org/en/2014-report>).

КРИЗИС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: ПРИЧИНЫ И ВЫХОД

Э. ДАВАР,

доктор экономических наук, независимый исследователь,
г. Нетания, Израиль,
e-mail: ezra.davar@gmail.com

В статье показано, что современная экономическая наука находится в глубоком кризисе. Также показано, что отход от классической и неоклассической теорий является главной причиной этого кризиса, в частности, теории денег. В свою очередь, указанные теории близки к экономической действительности настолько это возможно. Современная же экономическая теория не всегда соблюдает и часто нарушает заложенные ими принципы. Для того, чтобы вывести современную экономическую науку из кризиса, необходимо восстановить взаимную связь между теорией и реальной экономикой.

Ключевые слова: кризис экономической науки, классической и неоклассической теории; денежный товар; бумажные деньги.

CRISIS OF ECONOMIC SCIENCE: CAUSES AND REMEDY

EZRA DAVAR,

PhD in Economics, Independent Researcher,
Netanya, Israel,
e-mail: ezra.davar@gmail.com

The paper shows that modern economic science is in deep crisis. Also, it was shown that one of crucial causes of contemporary financial-economic crisis is an abandonment of the classic and Walras's theories, in particular the monetary theory; in turn, these theories are close to the economic reality as possible. Modern economic theory does not always respect and often violates this principle. Therefore, in order to go out from the crisis, it is necessary to restore mutual feedback between theory and the real economy.

Keywords: crisis of economic science; classical and neoclassical theories; money commodity; fiat money.

JEL classifications: A1, B2, D5, E4.

Введение

Одной из центральных причин современного финансового экономического кризиса является кризис экономической науки, который продолжается с начала прошлого века, а именно, после закрепления позиций неоклассической экономической школы в её вальрасовском и маршаллианском варианте. Несмотря на то, что реальная экономическая жизнь в течение прошлого столетия значительно улучшилась, состояние экономической науки ухудшилось. Почти все направления экономической теории либо деградировали, либо находятся на уровне начала прошлого века. Тем не менее очень трудно назвать новую парадигму, обогащённую современной экономической теорией, которая была бы способна заменить классические или неоклассические парадигмы. Это утверж-

дение может казаться очень странным, принимая во внимание «революции в экономике» (кейнсианскую, рациональных ожиданий и монетаризма) и то, что каждый год появляются всё новые лауреаты Нобелевской премии в области экономических наук. Это утверждение кажется ещё более странным в свете появления таких полезных инструментов, как математическое (линейное) программирование и другие области исследования операций (особенно теории игр), эконометрика и, конечно же, мощные и «умные» компьютеры.

Дебаты относительно методологии экономической науки между теоретиками-экономистами, философами экономической науки и историками экономической мысли свидетельствуют о том, что до сих пор нет согласованного мнения о методологии экономической науки. Одна группа авторов утверждает, что теория должна быть близка к экономической действительности настолько это возможно. В то же время другая группа авторов предполагает, что нереальный характер допущений определяет меру значимости теории. Мы поддерживаем первый подход.

Известны следующие три утверждения: во-первых, должна быть обратная связь между теорией и реальностью; во-вторых, абстрактность теории означает упрощение реальной экономики посредством допущений (предположений); и в-третьих, основной задачей такой теории должно быть её практическое применение. Последнее утверждение тесно связано с предыдущим, так как, если абстрактная теория искажает реальность, то её использование невозможно. Иными словами, должна существовать связь между абстрактной теорией и реальностью.

Взаимосвязи между теорией и реальностью должны служить критерием того, есть ли прогресс (развитие) или регресс (деградация) в экономической науке. Классики (Смит, Риккардо, Маркс), а также Вальрас, Маршалл предполагали, что теория должна быть как можно ближе к экономической реальности.

Как известно, «абстрактный метод» означает, что теория воспроизводит реальную экономическую жизнь только в упрощённой форме, так что теория должна не противоречить реальности, а руководствоваться ею. Ясно, что абстрактная теория никогда не может воспроизвести реальность точно, но должна быть как можно ближе к ней (*Marshall, 1930, P. 1*).

Например, предполагается, что теория Вальраса характеризуется свободной конкуренцией, едиными ценами, но не рассматривает государственный сектор (налогообложение) и международную торговлю. При этом в подходе Вальраса в равновесном состоянии может существовать добровольная безработица с положительной ценой. В поствальрасовском подходе (в том числе и современном) эта цена равна нулю, что противоречит реальности (*Arrow and Hahn, 1971; Debreu, 1959; Dorfman et al, 1958; Mas-Colell et al., 1995*). В результате мы имеем не «абстрактный метод», а абсурдную ситуацию.

Научный метод характеризуется также эволюционным подходом, что означает совместимость между прогрессом человеческого общества и экономической теорией, поэтому парадигмы должны изменяться в соответствии с развитием реальной экономики таким образом, чтобы была обеспечена совместимость между ними.

Итак, для того чтобы установить, есть ли прогресс или же деградация экономической науки в течение определенного периода времени, необходимо сравнивать математические модели и системы предположений в начале и конце периода, что позволит увидеть, появились ли новые парадигмы.

Те, кто утверждают, что имеются значительные улучшения в теории общего равновесия (*Debreu, 1991; Negishi, 1989; Weintraub, 1985; 2002*), и те, кто сомневаются по поводу теории общего равновесия (*Blaug, 2002; Rosenberg, 1983*), ошибаются. А именно, они неправильно истолковали и неверно поняли теорию общего равновесия Вальраса (*Davar, 1994; 2012; 2014b*). Недавние публикации в экономической литературе относительно теории общего равновесия Вальраса (*Bridel, 1997; Van Daal and Jolink, 1993; Walker, 1996; 2006*) не проливают дополнительный свет на подлинную интерпретацию подхода Вальраса. В результате чего все заявления о прогрессе или регрессии экономической теории – сомнительны.

Описательная и формализованная (математическая) теории

Классические мыслители (Смит, Риккардо и Маркс) дали нам описательные теории экономики. Их теории, особенно Смита, не только описывают текущую экономическую жизнь своего времени очень близко к реальности, но также связаны с предстоящими событиями. Их теории основаны на прочном философском и математическом (логическом) базисе. Например, теорию общего равновесия Смита можно рассматривать как предшественницу формализованной (математической) теории Вальраса (*Davar, 1994, Pp. 28–37*). Но, в отличие от Вальраса, Смит рассмотрел проблемы

налогообложения, государственного сектора, международной торговли, монополий и т. д. Маркс, одновременно со своими известными схемами репродукции (простого и расширенного воспроизводства), дал описание взаимосвязей между отраслями, которое эквивалентно теоретической версии модели затрат – выпуска Вальраса и эмпирической (денежной) модели затрат – выпуска Леонтьева (*Walras, 1954; Davar, 1994*). Понятно, что современная реальная экономика характеризуется гораздо более сложной структурой, это усложняет анализ взаимоотношений между людьми, функционирования финансовых и государственных институтов, и международных торгов, в результате чего усиливается стохастический характер экономических событий. Таким образом, формализованная (математическая) теория современной экономики должна быть гораздо сложнее, чем аналогичная теория прошлого века (*Makarov, Levin and Rubinov, 1995*). Как будет показано далее, ситуация обратная. Роль математики сегодня гораздо важнее, чем во времена Вальраса. Только с помощью математики можно описать современную экономику, планировать и прогнозировать ее будущее.

Причинность и экономическая теория

Причинность является одним из основных инструментов, используемых для того, чтобы объяснить и понять предмет всех наук, включая экономическую. Адекватное использование принципа причинности гарантирует успех будущего развития экономической теории. Этот принцип означает, что отношение между причиной и следствием асимметрично, т. е., если А является причиной В, то из этого не следует, что В является причиной А. Другими словами, неправомерно заменять причину следствием. Это не означает, что нет обратной связи между следствием и причиной. Известное утверждение Юма: «Одна и та же причина всегда производит одно и то же действие, и одно и то же действие всегда вызывается одной и той же причиной» (*Юм, 1965, С. 282*) – позволяет интерпретировать принцип причинности в обратном направлении. А именно: для того, чтобы эффект В проявился, требуется, чтобы причина А имела место при условии, что причинная связь является единственной. Другими словами, для того чтобы эффект В был произведен, причина А должна быть доступна. Однако это не означает, что причина А всегда доступна и, следовательно, в случае, если последняя недоступна, то эффект В также не достигается. В то же время, в случае прямой причинности, если причина А существует, то эффект В всегда будет получен.

Одна из основных целей причинности – понять и изложить события, которые происходят во всех сферах человеческой жизни, в том числе экономической. С другой стороны, математически формализованный принцип причинности позволяет прогнозировать и планировать будущие события количественно. Это является источником успеха плодотворного развития различных наук, в том числе и экономической теории, при условии, что математическая формулировка улавливает подлинный смысл принципа причинности. В противном случае развитие науки будет затруднено, что и наблюдается в экономической теории.

К сожалению, основной принцип причинности часто нарушается. Мы рассмотрим два примера из экономической теории, где причина заменяется следствием (эффектом), и которые сыграли значительную роль не только в экономической теории, но и в экономической практике.

Пример первый – неклассическое правило (концепция) свободного продукта. Классическое правило свободного продукта утверждает, что если продукт имеется в изобилии без всяких затрат (причина) – например, как дары природы, то это свободный продукт и его цена равна нулю (следствие).

Неоклассическое правило свободного продукта основано на замене причины следствием, которое означает, что если цена товара равна нулю, то он свободный продукт. Согласно данной концепции, наряду с другими предположениями, равновесная цена на некоторые товары и услуги, в частности, когда они находятся в избытке, равна нулю. Например, в ситуации равновесия с высокой безработицей заработная плата должна быть равна нулю. Однако это противоречит реальным фактам экономики. Таким образом, современная теория общего равновесия не может применяться к реальному миру, а её главное достижение – доказательство существования равновесия, когда оно основано на таких предположениях, – становится совершенно бесполезным и бессмысленным.

Пример второй – мультипликатор (множитель) Кейнса, который выполняет одну из важнейших функций и в теории, и в практике экономики (*Davar, 2011; 2013a; 2014a*). Мультипликатор Кейнса основан на замене причины (национального дохода) следствием (инвестициями). По определению Кейнса, множитель должен означать, что прирост инвестиций в определенное время даст увеличение доходов в соответствии с множителем в будущем (*Keynes, 1960, P. 115*). Тем не менее, величина множителя Кейнса обратно пропорциональна предельной склонности к инвестициям (или

предельной склонности к потреблению), поэтому, чем ниже (или выше) последняя, тем выше (или ниже) величина множителя. Следовательно, для того, чтобы увеличить доход, лучше потреблять, чем сберегать. Поэтому и было предложено повысить затраты на потребление, а не сберегать. Так, например, за последние двадцать лет средняя склонность к инвестированию в Соединенных Штатах уменьшилась и составила 0,04, это означает, что величина множителя равна 25. Очевидно, такое нереально! И это является одной из важнейших причин современного финансово-экономического кризиса.

Наблюдения (эмпирические данные) и применение экономической теории

Основной целью экономической теории и, следовательно, её математической формулировки, как уже было сказано выше, является её практическое применение. В цепи «экономическая теория – математическая модель (формализованная теория) – применение» эмпирические данные играют решающую роль. Эмпирические данные должны быть получены в соответствии с теоретической разработкой и математической моделью. В то же время характер эмпирических данных влияет на теоретические разработки, т. е. имеется взаимосвязь между теоретическими разработками и эмпирическими наблюдениями. К сожалению, такие взаимосвязи редко наблюдаются в сегодняшней практике.

Например, длительная попытка эмпирических наблюдений для функции спроса по факторам производства (труд, основные фонды и земля) не могла быть успешной по двум причинам: во-первых, в соответствии с теорией Вальраса, используются два вида функции спроса: (1) оригинальная (первичная) функция спроса – спрос определенного товара (фактора производства) зависит только от его цены; и (2) производные (общие) функции спроса – спрос на определенный товар или фактор производства зависит не только от их цен, но и от цен на другие товары и факторы производства; однако, вторая функция носит теоретический характер, т. е. является результатом решения модели индивидуального хозяйства. Во-вторых, в теории для экономики высокого уровня, начиная с экономики производства, Вальрас не использовал оригинальную функцию спроса для факторов производства. То же самое относится и к функции предложения товаров потребления.

С другой стороны, анализ эмпирических показателей модели затрат – выпуска большинства стран в мире показывает, что современная экономика в целом характеризуется дискриминацией цен на товары и факторы производства (Davar, 1994; 2013b; Leontief, 1986). Но модель затрат – выпуска обычно редко используется для решения реальных экономических проблем. Тому есть много причин. Одной из основных, на наш взгляд, является диссонанс между теоретическими и эмпирическими моделями затрат – выпуска и реальной экономической жизнью. Современные теории общего равновесия, как и подход Вальраса, характеризуются либо *относительными*, либо *единицами* ценами, но в этом случае некоторые *равновесные* цены могут быть равны нулю.

Основные темы экономической теории

1. Первая тема экономической теории, которая должна быть рассмотрена, – это форма (тип) математической модели, описывающей экономическую деятельность той или иной страны. Существуют четыре типа формальной математической модели.

Первый тип математической модели возникает, когда каждая экономическая единица (как потребители, так и производители) решает свои экономические проблемы индивидуально (раздельно), в зависимости только от её личных целей (максимум полезности, максимальная прибыль и т. д.). Далее происходит согласование и корректировка индивидуальных решений. Другими словами, процесс состоит из двух этапов: принятие индивидуальных решений, их согласование и установление общего равновесия. Такая экономика является децентрализованной экономикой, как в теории Вальраса. Следует подчеркнуть, что этот подход основан на реальной экономике и, следовательно, в нем существует естественная интеграция между микроэкономикой и макроэкономикой.

Второй тип математической модели возникает, когда все экономические агенты включены в одну модель. Другими словами, решение экономических проблем отдельных лиц и их согласование происходят одновременно. Этот подход имеет два проблемных вопроса: во-первых, поскольку модели всех лиц решаются совместно, то естественно, что происходят межличностные сравнения их целей; во-вторых, такая модель имеет значительные размеры, что делает невозможным её практическую реализацию (т. е. решение) даже с помощью современной компьютерной техники. Такая экономика является централизованной экономикой, как в теории Парето и в современной теории.

В третьем типе математической модели используются представители (образцы) потребителя и производителя, а это означает, что существует лишь одна микромодель, которая не может охватить множества экономических проблем. Поэтому такой подход далек от реальности.

Наконец, четвертый тип математической модели предполагает существование двух изолированных моделей, а именно, микроэкономической и макроэкономической моделей, а связи между ними не рассматриваются. Другими словами, на каждом уровне решаются проблемы без учёта связи между ними. На наш взгляд, такой подход также далек от реальности.

2. Цели экономических единиц – потребителей (индивидуальных, домашних хозяйств), производителей, общественных институтов и т. д. – являются второй темой, подлежащей рассмотрению. Принято считать, что цель каждого потребителя – достижение максимальной полезности товаров и услуг в условиях существующих ограничений их возможностей. Имеется ряд вопросов, которые необходимо обсудить. Во-первых, это измеримость полезности. Создатели теории предельной полезности (Госсен, Джевонс, Менгер и Вальрас) предполагали, что полезность может быть измерена. Это означает, что они использовали кардинальную полезность. Но были экономисты, которые утверждали, что невозможно измерить полезность и, более того, измерения полезности не требуются вообще. Они предложили использовать так называемые порядковые полезности (Парето, Фишер) и выявленные предпочтения (*Samuelson, 1947*). Вопрос состоит в том, какие полезности (кардинальные или порядковые) совместимы с реальной экономикой, если вообще измерение полезности необходимо. Проблема межличностного сравнения является вторым вопросом. Экономисты обеих групп (представители кардиналистского и порядкового подходов) полностью согласились, что каждый индивид имеет свою собственную единицу полезности, и поэтому некорректно их сравнивать между собой. Но несмотря на это соглашение, иногда межличностные сравнения полезности неявно происходят. Например, при использовании второго типа математической модели. Наконец, третий вопрос касается формы функции полезности, которая может быть единой для всех товаров и услуг или строиться отдельно для каждого из них. Последний тип используется создателями теории предельной полезности, в частности, Вальрасом.

3. Третья тема – характер цен. В экономической литературе в основном рассматриваются два вида цен: относительные и абсолютные (денежные). Также используются общий уровень цен и индекс цен, характеристические (*eigenprices*) и скрытые цены (*Davar, 1994*). Относительные цены использовались на ранней стадии развития цивилизации, где бартер был основным инструментом обмена между экономическими агентами.

В то же время второй вид цен, абсолютные (денежные) цены, был результатом прогресса экономики, который привёл к развитию обмена в громадных размерах не только между индивидами, но и между странами. Таким образом, появились деньги. Первоначально любой товар мог служить в качестве денег, впоследствии драгоценные металлы (золото и серебро) были выбраны в качестве меры стоимости и в качестве инструмента торговли, что и привело к использованию однородных (единых) денежных цен. Вместе с тем, возникли такие новые институты, как монополии, олигополии и картели, что привело к дискриминации цен на товары и факторы производства.

Главный вопрос: являются ли цены абсолютно неизвестными и получаются согласно параметрам модели, или интервал изменения цен задается, и по результату решения модели (если оно существует) равновесные цены получаются для данного интервала? Согласно первому подходу, равновесные цены на некоторые товары и услуги могут быть равны нулю или даже быть отрицательными, что противоречит реальной экономике. Но при задании интервала равновесные цены, если они существуют, всегда будут положительными. Другими словами, вопрос заключается в том, все ли цены должны быть положительными или некоторые из них могут быть равны нулю. (Мы не будем обсуждать существование отрицательных цен, поскольку абсурдность такого результата очевидна.) Необходимо также отметить, что наличие нулевых цен связано с правилом (концепцией) свободного продукта (*Davar, 1994; 2013b*). Кроме того, с экономической точки зрения трудно понять нормализацию цен, часто используемую в современной теории общего равновесия (*Patinkin, 1989*). И наконец, должны ли быть цены однородными, или должна иметь место дискриминация цен на некоторые товары и услуги?

Недавно *Thijs ten Paas* заявил, что теневые цены (множители Лагранжа) уже используются в качестве цены даже для практических решений (*Thijs ten Paas, P. 15*). Такие заявления означают регресс экономической науки, по крайней мере, на пятьдесят лет.

В начале 60-х гг. прошлого века в бывшем СССР проходили острые дискуссии о том, могут ли теневые цены (объективно обусловленные оценки) быть использованы как абсолютные (денежные)

цены (*Экономисты и математики за круглым столом; Дискуссия об оптимальном планировании; Davar, 1994. Pp. ix–x*). Тогда ещё академик В.С. Немчинов справедливо утверждал, что «Они [объективно обусловленные оценки – Э.Д.] не могут рассматриваться как производственные критерии, и их нельзя трактовать как затраты. ... Они представляют лишь критерии дефицитности или лимитированности» (*Немчинов, 1960, С. 7*) и «Эти оценки не могут характеризовать действительные размеры затрат, а тем более полные народнохозяйственные затраты, ... хотя бы потому, что объективно обусловленные оценки избыточных продуктов и избыточных ресурсов равны нулю, ... а общая рентабельность плана также равна нулю» (*Там же. С. 9*).

Итак, теневые цены не могут быть использованы как абсолютные (денежные) цены по трем причинам: (1) некоторые цены, например, на первичные факторы и товары, могут быть равны нулю; (2) следовательно, себестоимость производства непосредственно не рассчитывается; и (3) их измерение зависит от функции критериев. Это не соответствует неоклассической теории; кроме того, такой подход гораздо более удаляет экономическую теорию от реальности (*Walras, 2005; Davar, 1994; 2013b*).

4. Следующая тема, подлежащая рассмотрению, – тип рынков. Рынки различаются видом конкуренции: свободные и регулируемые (контролируемые). В случае свободной конкуренции внутренние силы рынка устанавливают равновесные цены, гарантируя свободное движение для каждого индивида – вход и выход из рынка только по его собственному желанию. Это означает, что каждый индивид участвует в установлении равновесных цен и может повлиять на их величину. Таким образом, в режиме свободной конкуренции каждый индивид является «производителем цен», а не «принимающим цены». В контролируемом рынке равновесные цены устанавливаются в результате внешнего вмешательства (правительства, монополии, картелей, профсоюзов и т. д.). Регулирование (контроль) цен также влияет на поведение индивида, препятствуя свободному движению на рынке. Эти два вида конкуренции могут сосуществовать, когда на рынке одного товара (например, продукта сельского хозяйства) существует свободная конкуренция, а на рынке другого товара (например, автомобилей) монополии или картели осуществляют контроль над ценами. В рыночной системе страны в целом может возникнуть ситуация, когда преобладает либо свободная конкуренция, либо регулирование цен. Тип рынка определяет характер действующих цен: единые цены возникают на рынке свободной конкуренции, а дискриминация цен – на регулируемом рынке.

5. Деньги, процентные ставки и их интеграция в математическую модель общего равновесия – пятая тема, подлежащая рассмотрению. Деньги и процентные ставки играют решающую роль и являются инструментом денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики правительств современных государств. Соответственно, такие проблемы, как соотношение между количеством денег и процентной ставкой, влияние количества денег на цены, определение спроса на деньги как со стороны потребителей, так и производителей, заслуживают серьезного внимания.

Необходимо подчеркнуть, что теория денег Вальраса (*Walras, 1954. Part VI. Theory of Circulation and Money*) либо игнорируется, либо используется редко. Тем не менее есть авторы, которые утверждают, что теория денег Вальраса является значительным вкладом в экономическую теорию (*Schumpeter, 1954, P. 1082*). В то же время большинство современных авторов считают, что денежная теория Вальраса является неполной, и деньги не интегрированы в его теорию общего равновесия (*Hicks, 1967; 1983; Bridel, 1997*).

Деньги выполняют четыре основные функции: 1) меры стоимости, 2) инструмента обмена, 3) средства сбережения и 4) международных (мировых) денег. Для выполнения этих функций денег используются товарные деньги. Необходимо подчеркнуть, что товарные деньги имеют свою собственную полезность, поэтому они используются для личного потребления и могут быть включены прямо в целевую функцию. Развитие торговли, особенно между странами, усложнилось при товарных деньгах. Для того чтобы сделать торговлю более легкой, были введены бумажные деньги. Бумажные деньги не обладают непосредственной полезностью и, следовательно, не могут выполнять функции денег самостоятельно, поэтому количество бумажных денег должно быть связано с количеством товарных денег (*Smith, 1937, Pp. 284, 288, 290*). Бумажные деньги обычно используются в торговом обороте.

С 70-х гг. прошлого века крупные державы мира начали использовать бумажные деньги в качестве денежного стандарта. Но возникает естественный вопрос: является ли это «историческим прецедентом»? Существуют ли теоретические и практические причины для этого? (*Friedman and Schwartz, 1986, P. 47*). Как результат, современная экономика «регулируется» бумажными деньгами.

В экономической литературе теории денег, как правило, рассматриваются как макроэкономическое явление. Это означает, что в современной теории общего равновесия и микроэкономике теория денег либо полностью отсутствует, либо носит искусственный характер. Макроэкономическая теория денег делится на два направления: количественная теория (с некоторыми различными вариантами) и теория спроса и предложения денег. Необходимо подчеркнуть, что количественная теория не имеет микрооснований. В то же время в теории спроса и предложения денег есть экономисты, которые пытаются связать её с микроэкономической, но делается это слишком искусственно и даже с некоторой путаницей.

Если в современной теории общего равновесия деньги и рассматриваются, то это только бумажные деньги, обычно для экономики обмена и в редких случаях для экономики производства (*Magill and Quinzii, 1992; Kiyotaki and Wright, 1989*). Такое сочетание является неполным и недостаточным из-за того, что бумажные деньги не могут выполнять основные функции денег.

Одним из основных атрибутов денег является то, что они выступают в качестве моста между текущей и будущей экономической деятельностью. А именно, величина процентной ставки определяется не только на основе хозяйственной деятельности данного периода, но также с учётом будущих экономических событий, по крайней мере, для ближайшей перспективы. Вопрос в том, как динамический характер будет отражаться в модели. Существуют два типа модели. Во-первых – статическая модель, где равновесные величины процентной ставки получаются для текущего периода на основе описания сложного взаимного соединения различных частей экономики в деталях. В этом случае равновесная процентная ставка определяется вместе с равновесными ценами, количеством товаров и услуг, сбережениями и инвестициями, денежным обращением. Во-вторых – псевбодинамическая модель, которая представляет собой кратный вариант статической модели. Такая модель не является подлинно динамической и нуждается в описании межвременных связей между переменными.

Краткий рассказ о том, как экономическая наука пришла к такому глубокому кризису

Теперь разрешите изложить, очень коротко, как экономическая наука пришла к такому глубокому кризису. Отправной точкой, к сожалению, по мнению автора является экономическая теория Парето (*Pareto, 1968; 1971*), который был учеником и партнером Вальраса.

Сначала надо отметить следующие необоснованные претензии, которые были предъявлены к математике Вальраса в поствальрасовской математической экономической литературе:

- (1) теория общего равновесия Вальраса содержит только равенства;
- (2) Вальрас не обсуждал существование равновесия и свёл проблему к равенству количеств переменных и независимых уравнений модели;
- (3) Вальрас не обсуждал проблему сравнительной статики (*Hicks, 1967. P. 61*);
- (4) tâtonnement (итеративный процесс) Вальраса является неуклюжим и примитивным (*Arrow and Hahn, 1971. P. 4*);
- (5) модель Вальраса может быть охарактеризована только по принципу клиринга рынка, где объем предложения равен его общему доступному количеству (*Hicks, 1946*);
- (6) процесс корректировки Вальраса для достижения равновесия использует только одну сторону, а именно цены, и, следовательно, количественная сторона не рассматривается (*Walker, 1996; 2006*);
- (7) теория общего равновесия Вальраса не признает «закон Вальраса» (*Lange, 1942; Morishima, 1977, P. 40; Jaffé, 1983*).

Следует также отметить следующие широко не известные атрибуты экономической теории общего равновесия Вальраса:

А. Имеется два вида функций спроса (или предложения): во-первых, оригинальная (обычная) функция, где спрос (предложение) определенного товара зависит только от его цены, и функция может быть в общем случае обратимой кривой. Во-вторых, производная (общая) функция спроса (предложения), где количество определенного товара зависит от всех параметров модели экономики индивида (цены, доступное количество услуг и параметры функции полезности). Производная функция необратима. Второй тип функции образуется за счет решения модели экономики индивидуума, поэтому она имеет чисто теоретический характер.

Б. Спрос и предложение любых товаров и услуг непосредственно получают в результате решения модели экономики индивидуума, где предложение ограничено доступным количеством данного товара, а спрос ограничен уравнением бюджета.

В. Имеется два типа понятия клирингового рынка: (1) когда эффективный спрос равен эффективному предложению, поэтому товары могут оказаться непроданными, и поставщик услуг может остаться безработным, (2) эффективный спрос равен имеющемуся количеству предложений и поэтому они полностью используются.

Г. В состоянии равновесия может быть *безработица (добровольная) услуг (включая труд)*, со строго положительными ценами для используемых услуг.

Д. Цены (всех типов) являются абсолютными ценами: они оцениваются в соответствии с *условиями* денежного товара (*numéraire*), и они строго положительные.

Е. Индивидуумы являются скорее «производителями цены», чем *реципиентами* («принимающими») цен.

Ж. Существует два вида денег: во-первых, деньги, которые служат как средство обмена, мера стоимости и средство сбережения (денежный товар – *numéraire*); а во-вторых – деньги в обращении (денежный товар – *numéraire*, или бумажные деньги). Поэтому имеются две разные цены товарных денег: (1) когда товарные деньги используются как мера стоимости, их цена равна единице; (2) когда товарные деньги используются в обращении, их цена равна процентной ставке. Интеграция двух видов денег, в теории общего равновесия, позволяет нам рассматривать реальные экономические и финансовые сектора как единую систему; (3) первый тип денег служит в качестве меры ценности и входит в функции полезности индивида, в то время как второй тип денег используется в обращении и не входит в функции полезности, поскольку он не имеет прямой полезности, только косвенную.

И. В действительности существует постоянное нарушение равновесия экономики, *так как индивиды, которые оказываются вне состояния равновесия, как правило, меняют свои исходные данные для рынка: (а) владельцы невостребованных услуг и нереализованной продукции и (б) предприниматели и потребители, спрос которых не удовлетворён.*

Имеется также уникальный и малоизвестный метод установления равновесия Вальраса, который включает в себя вышеупомянутые экономические атрибуты, и анализ того, как теория Вальраса охватывает и применяется для всех четырех составляющих экономики: обмена; производства; кредитов и капитала; обращения и денег (*Davar, 2014b*).

1. Существуют реальные взаимосвязи между микро- и макроэкономикой, т. е. обмен информацией между ними в итерационном процессе (*tâtonnement*) установления равновесия.

2. Установление равновесия Вальраса разделено на два этапа: первый этап, когда основные исходные данные не меняются, и второй, который решает проблемы повторного установления равновесия, в результате изменения основных исходных данных.

3. *Агрегация результатов решения индивидуальных моделей для всех лиц в рабочую макро-модель (неравновесия), в которой количество неизвестных больше, чем число уравнений, и имеют место и равенства, и неравенства.*

4. Начальное состояние неравновесия переходит в состояние равновесия, посредством уже упомянутого алгоритма – *tâtonnement*, где количество неизвестных равно числу уравнений, представленных только равенствами.

5. Существует оригинальный закон Вальраса – закон установления и восстановления равновесия для каждой экономики.

В итоге, следует рассмотреть нереалистичные допущения, которые используются в современной экономической теории:

1. Цена нескольких товаров и услуг может быть равна нулю, и даже может быть отрицательной.

2. Неоклассическая концепция свободного продукта.

3. Все экономические агенты (потребители и производители) сосредоточены в единой модели.

4. Избыточное предложение на товары и услуги определяется как разница между величинами конечного и начального (доступного) предложений, поэтому современная теория общего равновесия не в состоянии обсуждать проблемы занятости – безработицы.

5. Существует только один тип денег – бумажные деньги.

6. Функция спроса на деньги является функцией, обратной функции дохода.

Как итог, современная экономическая теория, основанная даже на одном из упомянутых выше нереалистичных предположений, несовместима с реальностью. Таким образом, её применимость сомнительна, хотя, с точки зрения используемой математики, это может быть действительно замечательным достижением. Таким образом, мы можем заключить, что модель равновесия Эрроу – Дебре (*Arrow – Debreu*) не имеет отношения к реальной современной экономической жизни.

Заключение

Глубокий кризис экономической науки является одной из центральных причин продолжающегося современного финансово-экономического кризиса. В статье обсуждаются причины кризиса экономической науки и способы выхода из него.

В статье показано, что отклонение от классической и неоклассической теорий – главная причина этого кризиса; в частности – отклонение от теории денег, так как в современной теории общего равновесия деньги если и рассматриваются, то – только бумажные деньги, а денежный товар – *numéraire* – отсутствует. В свою очередь, эта теория близка к экономической действительности настолько, насколько это возможно. Современная же экономическая теория не всегда соблюдает и часто нарушает её принципы. Так, например, в подходе Вальраса в равновесном состоянии может существовать добровольная безработица с положительной ценой. В поствальрасовском подходе (в том числе и современном) эта цена равна нулю, что противоречит реальности. В результате мы имеем не «абстрактный метод», а абсурдную ситуацию.

Для того чтобы вывести современную экономическую науку из кризиса, необходимо восстановить взаимосвязь между теорией и реальной экономикой.

ЛИТЕРАТУРА

- Дискуссия об оптимальном планировании* (1968). М.: Экономика.
- Немчинов В.С. (1960). От редактора / В кн.: Канторович Л.В. (1960). Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. М.: Наука.
- Экономисты и математики за круглым столом* (1965). М.: Экономика.
- Юм. Д. (1965). Сочинения, в 2-х т., т. 1. М.: Мысль.
- Arrow K.J. and Hahn F.H. (1971). *General Competitive Analysis*. San Francisco: Holden-Day, INC.
- Baumol W.J. and Goldfeld S.M. (eds.) (1968). *Precursors in Mathematical Economics: An Anthology*. London: London School of Economics.
- Blaug M. (2002). Ugly currents in modern economics / In: Maki U. (ed.) *Fact and Fiction in Economics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bridel P. (1997). *Money and General Equilibrium Theory*. UK, USA: Edward Elgar.
- Davar E. (1994). *The Renewal of Classical General Equilibrium Theory and Complete Input-Output System Models*. Hong Kong, Singapore, Sydney: Avebury, Aldershot, Brookfield USA.
- Davar E. (2011). Flaws of Modern Economic Theory: The Origins of the Contemporary Financial-Economic Crisis // *Modern Economics*, vol. 2, no. 1, pp. 25–31.
- Davar E. (2012). Is ‘Walras’ Law’ Really Walras’s Original Law? // *World Review of Political Economy*, vol. 3, no. 4, pp. 478–500.
- Davar E. (2013a). Government Spending and Economic Growth // *The Finance and Business*, no. 2.
- Davar E. (2013b). *Input-Output Analysis and Contemporary Economics*. LAP Lambert Academic Publisher.
- Davar E. (2014a). How Flaws in the General Theory Render It Irrelevant to the Real World // *Modern Economy*, vol. 5, no. 1, pp. 93–104.
- Davar E. (2014b). Walras and Contemporary Financial-Economic Crisis // *Modern Economy*, vol. V, no. 5, pp. 635–636.
- Debreu G. (1959). *Theory of Value*. New York: Wiley.
- Debreu G. (1991). The Mathematization of Economic Theory // *AER*, vol. 81, no. 1, pp. 1–7.
- Dorfman R., Samuelson A.P. and Solow R.M. (1958). *Linear Programming and Economic Analysis*. New York: McGraw-Hill Book Company, INC.
- Friedman M. and Schwartz A.J. (1986). Has Government Any Role in Money? // *Journal of Monetary economics*, no. 17, pp. 32–62.
- Hicks J.R. (1946). *Value and Capital*. Oxford: Clarendon Press.
- Hicks J.R. (1967). *Critical Essays in Monetary Theory*. Oxford: Clarendon Press.
- Hicks J.R. (1983). “Leon Walras”, *Econometrica*, and in *Classics and Moderns*. Oxford: Basil Blackwell.
- Jaffé W. (1983). Walras’s economics as other see it / In: Walker D.A. (ed.) *William Jaffe’s Essays on Walras*. New York: Cambridge University Press.
- Keynes J.M. (1960). *The General Theory of Employment Interest and Money*. London: Macmillan.
- Kiyotaki N. and Wright R. (1989). On Money as a Medium of Exchange // *Journal of Political Economy*, vol. 97, no. 4, pp. 927–954.

- Lange O. (1942). Say's Law: A Restatement and Criticism / In: Lange et al. (eds.) *Studies in Mathematical Economics and Econometrics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Leontief W. (1986). *Input-Output Economics*. New York: Oxford University Press.
- Magill M. and Quinzii M. (1992). Real effects of money in general equilibrium // *Journal of Mathematical Economics*, no. 21, pp. 301–342.
- Makarov V.L., Levin M.J. and Rubinov A.M. (1995). *Mathematical Economic Theory*. Amsterdam, New York: North-Holland, Elsevier.
- Marshall A. (1930). *The Pure Theory of Domestic Value*. London: The London School of Economics.
- Mas-Colell A., Whinston M.D. and Green J.R. (1995). *Microeconomic Theory*. New York: Oxford University Press.
- Morishima M. (1977). *Walras' Economics: A pure theory of capital and money*. New York: Cambridge University Press.
- Negishi T. (1989). *History of Economic Thought*. New-York: North-Holland.
- Pareto V. (1968). *Mathematical Economics* / In: Baumol W.J. and Goldfeld S.M. (eds.) (1968). *Precursors in Mathematical Economics: An Anthology*. London: London School of Economics.
- Pareto V. (1971). *Manual of Political Economy*. London: Macmillan.
- Patinkin D. (1989). *Money, Interest, and Prices*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Rosenberg A. (1993). If Economics Isn't Science, What Is It? / In: *The Philosophy and Methodology of Economics*, vol. III. Aldershot: Edward Elgar.
- Samuelson P.A. (1947). *Foundations of Economic Analysis*. Cambridge: Harvard University Press.
- Schumpeter J.A. (1954). *History of Economic Analysis*. New York: Oxford University Press.
- Smith A. (1937). *The Wealth of Nations*. Random House INC.
- Thijs ten Raa (2010). *Input-Output Economics: Theory and Applications*. Singapore: World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd.
- Van Daal J. and Jolink A. (1993). *The Equilibrium Economics of Leon Walras*. New York: Routledge.
- Walker D. (1996). *Walras's Market Models*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Walker D.A. (2006). *Walrasian Economics*. New York: Cambridge University Press.
- Walras L. (1954). *Elements of Pure Economics*. London: Allen and Unwin.
- Walras L. (2005). *Studies in Applied Economics Theory of the Production of Social Wealth*, in 2 volumes. London: Routledge.
- Weintraub E.R. (1985). *General Equilibrium Analysis Studies in Appraisal*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Weintraub E.R. (2002). *How Economics Became a Mathematical Science*. Duke University Press.

REFERENCES

- The debate on the optimal planning* (1968). Moscow: Ekonomika Publ. (In Russian.)
- Nemchinov V.S. (1960). Editorial / In: Kantorovich L.V. (1960). *The Best Uses of Economic Resources*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian.)
- Hume D. (1965). *Works*, in 2 volumes, vol. 1. Moscow: Mysl Publ. (In Russian.)
- Economists and mathematicians at the round table* (1965). Moscow: Ekonomika Publ. (In Russian.)
- Arrow K.J. and Hahn F.H. (1971). *General Competitive Analysis*. San Francisco: Holden-Day, INC.
- Baumol W.J. and Goldfeld S.M. (eds.) (1968). *Precursors in Mathematical Economics: An Anthology*. London: London School of Economics.
- Blaug M. (2002). Ugly currents in modern economics / In: Maki U. (ed.) *Fact and Fiction in Economics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bridel P. (1997). *Money and General Equilibrium Theory*. UK, USA: Edward Elgar.
- Davar E. (1994). *The Renewal of Classical General Equilibrium Theory and Complete Input-Output System Models*. Hong Kong, Singapore, Sydney: Avebury, Aldershot, Brookfield USA.
- Davar E. (2011). Flaws of Modern Economic Theory: The Origins of the Contemporary Financial-Economic Crisis // *Modern Economics*, vol. 2, no. 1, pp. 25–31.
- Davar E. (2012). Is 'Walras' Law' Really Walras's Original Law? // *World Review of Political Economy*, vol. 3, no. 4, pp. 478–500.
- Davar E. (2013a). Government Spending and Economic Growth // *The Finance and Business*, no. 2.
- Davar E. (2013b). *Input-Output Analysis and Contemporary Economics*. LAP Lambert Academic Publisher.
- Davar E. (2014a). How Flaws in the General Theory Render It Irrelevant to the Real World // *Modern Economy*, vol. 5, no. 1, pp. 93–104.

- Davar E. (2014b). Walras and Contemporary Financial-Economic Crisis // *Modern Economy*, vol. V, no. 5, pp. 635–636.
- Debreu G. (1959). *Theory of Value*. New York: Wiley.
- Debreu G. (1991). The Mathematization of Economic Theory // *AER*, vol. 81, no. 1, pp. 1–7.
- Dorfman R., Samuelson A.P. and Solow R.M. (1958). *Linear Programming and Economic Analysis*. New York: McGraw-Hill Book Company, INC.
- Friedman M. and Schwartz A.J. (1986). Has Government Any Role in Money? // *Journal of Monetary economics*, no. 17, pp. 32–62.
- Hicks J.R. (1946). *Value and Capital*. Oxford: Clarendon Press.
- Hicks J.R. (1967). *Critical Essays in Monetary Theory*. Oxford: Clarendon Press.
- Hicks J.R. (1983). “Leon Walras”, *Econometrica*, and in *Classics and Moderns*. Oxford: Basil Blackwell.
- Jaffé W. (1983). Walras’s economics as other see it / In: Walker D.A. (ed.) *William Jaffe’s Essays on Walras*. New York: Cambridge University Press.
- Keynes J.M. (1960). *The General Theory of Employment Interest and Money*. London: Macmillan.
- Kiyotaki N. and Wright R. (1989). On Money as a Medium of Exchange // *Journal of Political Economy*, vol. 97, no. 4, pp. 927–954.
- Lange O. (1942). Say’s Law: A Restatement and Criticism / In: Lange et al. (eds.) *Studies in Mathematical Economics and Econometrics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Leontief W. (1986). *Input-Output Economics*. New York: Oxford University Press.
- Magill M. and Quinzii M. (1992). Real effects of money in general equilibrium // *Journal of Mathematical Economics*, no. 21, pp. 301–342.
- Makarov V.L., Levin M.J. and Rubinov A.M. (1995). *Mathematical Economic Theory*. Amsterdam, New York: North-Holland, Elsevier.
- Marshall A. (1930). *The Pure Theory of Domestic Value*. London: The London School of Economics.
- Mas-Colell A., Whinston M.D. and Green J.R. (1995). *Microeconomic Theory*. New York: Oxford University Press.
- Morishima M. (1977). *Walras’ Economics: A pure theory of capital and money*. New York: Cambridge University Press.
- Negishi T. (1989). *History of Economic Thought*. New-York: North-Holland.
- Pareto V. (1968). *Mathematical Economics* / In: Baumol W.J. and Goldfeld S.M. (eds.) (1968). *Precursors in Mathematical Economics: An Anthology*. London: London School of Economics.
- Pareto V. (1971). *Manual of Political Economy*. London: Macmillan.
- Patinkin D. (1989). *Money, Interest, and Prices*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Rosenberg A. (1993). If Economics Isn’t Science, What Is It? / In: *The Philosophy and Methodology of Economics*, vol. III. Aldershot: Edward Elgar.
- Samuelson P.A. (1947). *Foundations of Economic Analysis*. Cambridge: Harvard University Press.
- Schumpeter J.A. (1954). *History of Economic Analysis*. New York: Oxford University Press.
- Smith A. (1937). *The Wealth of Nations*. Random House INC.
- Thijs ten Raa (2010). *Input-Output Economics: Theory and Applications*. Singapore: World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd.
- Van Daal J. and Jolink A. (1993). *The Equilibrium Economics of Leon Walras*. New York: Routledge.
- Walker D. (1996). *Walras’s Market Models*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Walker D.A. (2006). *Walrasian Economics*. New York: Cambridge University Press.
- Walras L. (1954). *Elements of Pure Economics*. London: Allen and Unwin.
- Walras L. (2005). *Studies in Applied Economics Theory of the Production of Social Wealth*, in 2 volumes. London: Routledge.
- Weintraub E.R. (1985). *General Equilibrium Analysis Studies in Appraisal*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Weintraub E.R. (2002). *How Economics Became a Mathematical Science*. Duke University Press.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИНДИВИДУАЛИЗМА НА ПРИМЕРЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

С.М. ПЯСТОЛОВ,

доктор экономических наук, профессор,
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),
г. Москва, Россия,
e-mail: Ibs-piast@mail.ru

В данной статье тезис о том, что не может быть экономической науки без политического/идеологического содержания, применительно к либерально ориентированному направлению экономической мысли проиллюстрирован на примере развития российской национальной инновационной системы в контексте европейского пространства исследований. Автор утверждает, что конфликты интересов домохозяйств (населения), государства и предприятий чаще всего обусловлены различиями в парадигмах технологической цивилизации, традиционного уклада, формирующейся экотехнологической цивилизации и зарождающейся биологической цивилизации. Решение может быть найдено посредством формирования основ экотехнократической цивилизации, прежде всего методологических, с использованием лучших наработок методологии индивидуализма, сопутствующих и альтернативных концепций.

Ключевые слова: методологический индивидуализм; научно-технологическая политика; пространство исследований; экотехнологическая цивилизация.

COMPONENTS OF METHODOLOGICAL INDIVIDUALISM ILLUSTRATED BY AN EXAMPLE OF FORMATION OF THE NATIONAL INNOVATIVE SYSTEM

S.M. PYASTOLOV,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS),
Moscow, Russia,
e-mail: Ibs-piast@mail.ru

The paper presents an illustration of the thesis that economic science cannot exist without the political/ideological background, with reference to liberally focused direction of economic thought an example of the development of the Russian national innovative system in a context of the European research space. The author asserts that conflicts of interests between the households, state and enterprises are often caused by distinctions in the paradigms of technological civilization, tradition, shaping ecotechnological civilization and arising biological civilization. The solution can be found by developing the bases for ecotechnological civilization, first of all methodological foundations, using methodological individualism, accompanied by alternative concepts.

Keywords: methodological individualism; science and technology policy; research space; ecotechnological civilization.

JEL classifications: A13, E66.

Введение

Доброй традицией политической экономии было и продолжает оставаться внимательное отношение к достижениям всех без исключения течений экономической мысли, включая альтернативные. В продолжение этих традиций в данной работе рассмотрены особенности положений (основ ряда теорий, преимущественно неоклассического направления), основывающихся на императиве методологического индивидуализма, с точки зрения их политэкономических составляющих. Известны труды таких российских ученых, как М.Н. Туган-Барановский, который развивал учение о предельной полезности как дополнение теории стоимости, работы Н.И. Бухарина, резко критиковавшего как самого «Тугана», так и маржиналистов. Российские экономисты советского и постсоветского периода по известным причинам вынуждены были либо принять неоклассическую парадигму как доминирующую, либо продолжить ее критику с «классовых» позиций, либо рассматривать неоклассику как одно из направлений спектра экономических теорий, заимствуя лучшее из ее инструментария. Последний подход характерен для авторов публикаций журнала «Terra Economicus» и представляется наиболее конструктивным. Действительно, можно согласиться с О.Ю. Мамедовым в том, что «расчетливый и потому нарочитый ажиотаж [по поводу «европейского либерализма»] не имеет оснований» (Мамедов, 2013. С. 6). В то же время нельзя не заметить, что идеи либерализма, проявленные в экономических теориях, основанных на методологии индивидуализма, оказывают существенное влияние на политические процессы.

Тезис данной статьи состоит в том, что не может быть экономической науки без политического/идеологического содержания, и, если данное содержание не просматривается в настоящий момент, то это означает лишь то, что оно станет очевидно очевидно через некоторое время. Либерально ориентированное направление не является исключением, что и будет показано ниже. Современное состояние российской национальной инновационной системы, по мнению автора, является наглядной иллюстрацией данного тезиса.

В дальнейших рассуждениях, согласно известному определению, в качестве базовой предпосылки принято, что идеология «как выражение частных интересов в форме всеобщности (курсив мой – С.П.), представляет собой знание о социально-политической жизни по отношению к интересам составляющих ее сил, задавая на этой основе оценку желательности или нежелательности того или иного социального бытия» (Степин, 2010. Ст. Идеология).

Отметим, что активное продвижение «экономического ультралиберализма» (как называют неоклассическое направление) началось с середины 1970-х гг., когда премию памяти А. Нобеля вручили, например, Ф.А. фон Хайеку (1974 г.), М. Фридману (1976 г.), и это во многом определило содержание основного течения экономической мысли – «мэйнстрима». Отказ от государственного участия в экономике, большей части социальной политики, торговых барьеров и т. д. в учениях этого направления был объявлен необходимым условием экономического роста.

Однако стройная конструкция моделей «основного течения» стала подвергаться коррозии, в частности, вследствие напора фактов со стороны так называемых «развивающихся экономик». Как отметил в свое время П. Кругман, главные действующие лица теории развития не могли говорить на языке экономистов мэйнстрима, т. е. они не могли преобразовывать свои идеи в математические модели (Krugman, 1995).

Характеризуя мэйнстрим как «моноэкономический» подход, А. Хиршман пишет, что в его рамках экономисты придерживаются следующих тезисов: «экономика состоит из множества простых единиц» и «существует единственная экономическая теория (так же, как есть только одна физика)» (Hirschman, 1981. P. 4).

Инновационная парадигма

Необходимость в иной парадигме, новых инструментах исследования процессов развития (как альтернатива доминирующей «моноэкономике») испытывали не только экономисты, исследовавшие развивающиеся страны, но также ученые, участвовавшие в процессах формирования единого исследовательского пространства в послевоенной Европе.

В 1950-е гг. элиты ряда научных сообществ стали предпринимать усилия по оформлению национальных пространств исследований, что требовало в том числе создания общеевропейской системы финансирования фундаментальных исследований на принципах, заложенных в основу механизма управления таких организаций, как Национальный научный фонд в США. Это было в определенной степени попыткой импортировать институты научных исследований из США без учета местного контекста. Такие процессы были ограничены слаборазвитостью европейских институтов,

стремлением политических элит к автономии, низким уровнем соизмеримости показателей науки и более общими факторами: слабостью рынков, недостаточной интеграцией. Очевидно, создавать «не имеющую гражданства науку» было рано, пока еще не был создан «не имеющий гражданства рынок» (Nedeva, 2013. P. 224).

Тем не менее, специфика некоторых научных областей способствовала интеграции. Такой областью являются ядерные исследования, которые требуют дорогого оборудования, введения международных стандартов эксплуатации и безопасности, постоянных коммуникаций. Создание в 1952 г. CERN (Европейской организации по ядерным Исследованиям) было поддержано элитной группой европейских физиков, которые обеспечивали лоббирование в своих правительствах. В 1957 г. был сформирован ЕВРОАТОМ (EURATOM) как важный элемент Европейского экономического сообщества (позднее Европейского Союза – ЕС). Менее чем через десятилетие была создана European Molecular Biology Organisation (Европейская организация молекулярной биологии, 1964) и, через 10 лет, – Европейская лаборатория (EMBL).

Эксперты особо подчеркивают роль научных элит – «лидеров изменений» – в отдельных областях исследования на начальном периоде создания общеевропейской организации. При том что европейские учреждения и организации в целом находились на «эмбриональном» уровне развития.

В 1970-е годы стали появляться организации, спроектированные как платформы межнационального сотрудничества, но они не были в прямом смысле инструментами поддержки науки на общеевропейском уровне. Они включили Европейскую организацию сотрудничества в научно-технических исследованиях (European Cooperation in Scientific and Technical Research, 1971), Европейский научный фонд (ESF, 1974). Эти организации уже отвечали за множество исследований, в том числе общественные науки. Они, как в случае ESF, не имеют фондов как таковых, но координируют национальные научные программы, обеспечивая экспертную оценку.

Национальные модели научно-технической политики были продуктом 1960-х, хотя это не было национальной государственной политикой, как для оборонной промышленности, коммунального обслуживания, сельского хозяйства или для промышленного производства. По мнению европейских экспертов, модель научно-технической политики ОЭСР сегодня представляет, по существу, новый управляющий надгосударственный орган, осуществляющий научно-техническую политику и управление национальными программами (Henriques, Laredo, 2013; EUROPE, 2020).

Полезно отметить, что именно в рамках этих процессов и тенденций сложилось то, что можно назвать новым европейским мейнстримом. Методологическим основанием современной научно-технической политики ЕС является концепция Национальных инновационных систем (НИС). При этом небезынтересно узнать, каким образом понятие НИС возникло и распространилось на европейском пространстве. Недавние научные публикации (в том числе исследования Л. Энрикес, П. Ларедо, Н. Шарифа) позволяют прояснить некоторые важные детали.

Специалисты, работающие в области инновационных систем, чаще всего предполагают, что понятие НИС зародилось сначала в среде ученых, а затем переместилось в сферу политики. Однако Н. Шариф, проведя интервью с ключевыми участниками – авторами концепции, обнаружил, что приписывать происхождение понятия исключительно к одной из двух областей деятельности («академия или политика») является неправильным (Sharif, 2006).

Понятие, утверждает исследователь, одновременно возникло и в среде ученых, и в области политики (в последнем случае имеется в виду в первую очередь структура Организации экономического сотрудничества и развития – ОЭСР). Это стало возможным потому, что многие из ключевых авторов и сторонников понятия занимали позиции и в академических, и в политических организациях. К. Фримен работал консультантом ОЭСР в 1980-х, Б. Люндвал был заместителем директора научно-технической политики в ОЭСР с 1992 до 1995 гг. (он был датским делегатом и советником DSTI даже перед этим периодом) и К. Смит также работал советником ОЭСР в конце 1980-х. Кроме того, многие из ключевых участников развития понятия НИС, такие как Ф. Чеснэ, Б. Люндвал и К. Фримен, часто бывали на конференциях и профессиональных встречах в течение периода, когда началось формирование понятия НИС. Такие встречи были продолжением и расширением работы в ОЭСР, а также научных исследований в области ИС.

А в представлении С. Джейкобсона, понятие инновационной системы появилось вследствие того, что в 1988 г. шведское Управление по техническому развитию поставило своим ученым задачу провести исследования в области того, что тогда называлось технологической системой Швеции (Sharif, 2006. P. 750).

Вообще-то говоря, европейские эксперты смогли использовать в своих интересах слабость и двусмысленность, связанную с понятием Национальной инновационной системы, в зависимости от цели, которую они пытались достичь. Учитывая, что понятие НИС может интерпретироваться достаточно гибко, эксперты могли достаточно легко сопоставить и сравнить соотнести между собой теорию и политическую практику.

С целью построения непротиворечивой теоретической схемы управления инновационной деятельностью в Европе, концепцию НИС, по всей видимости, следует рассматривать как граничный объект, ГО (*boundary object*). Понятие ГО помогает объяснить, в том числе, каким образом эксперты в области научных исследований смогли использовать свое двойное положение и различные роли в академических и политических кругах, чтобы способствовать принятию концепции.

Главной особенностью понятия ГО является тезис о том, что такие объекты делят между собой два или более профессиональных сообщества. В случае НИС этими сообществами были высшие чиновники и ученые, которые, очевидно, используют различные подходы к решению своих профессиональных задач. Таким образом, как граничный объект, концепция НИС должна уметь приспосабливаться к частным потребностям этих двух сообществ, сохраняя при том общую идентичность.

Как выражается К. Фримен, «большинство людей, работающих в рамках систем инноваций, предпочитают работать на микроуровне, и они все еще побаиваются силы неоклассической парадигмы на макроэкономическом уровне, но я думаю, что это – тот уровень, где они должны работать. У вас должно быть видение центрального ядра макроэкономической теории». Фримен добавляет, более страстно, что «главной областью [подхода НИС], который должен быть усилен, является ядро экономической теории, точнее – макроэкономической теории, и я думаю, что вы не можете просто переместить центральное ядро неоклассической экономической теории вслед за микроэкономическими исследованиями» (Интервью Фримена, 24.10.2003, в исследовании (Sharif, 2006)).

Имея в виду, что сам К. Фримен был, в конце 1930-х, студентом Дж. Кейнса, нетрудно понять, как это отвлечение шумпетерианства стимулировало намерения атаковать ядро макроэкономической теории.

По общему заключению многих авторов, принадлежащих «обществу Шумпетера», понятие НИС было принято с явной целью оспаривания методологии анализа технического прогресса, выдвинутого в рамках неоклассической макроэкономики, и поэтому М. Фримен и другие сторонники НИС выходят на иной, как они утверждают, более высокий уровень рассмотрения, и с этой точки зрения следует оценивать разногласия по поводу НИС.

В сфере экономической географии, которая также рассматривается в качестве основания кластерной политики, нередко используются методы пространственной эконометрики, но, порой, подобные методы предлагают менеджерам или высшим правительственным чиновникам слишком легкие ответы на весьма сложные проблемы. В частности, в рамках таких построений технологические режимы, индустриальные и организационные структуры, так же как их динамика, часто рассматриваются только с одной точки зрения – как упрощенные конструкции.

Другой проблемой для теоретиков становится постоянная изменчивость экономических условий. В общем это может быть выражено в следующих предположениях для экономического агента-производителя:

1. Равновесия рынка не существует в принципе.

2. Постоянно меняются запросы потребителей, и если не меняется предприятие, оно остается вне игры.

3. Инновационность не означает следовать за рынком; это означает изменять и создавать рынки.

Исходя из данных принципов-предположений конкурентоспособная стратегия инновационного предприятия может быть рассмотрена как средство поиска соответствия внутренней структуры организации окружающей среде.

Конечно, в формате статьи приходится опускать некоторые детали, но, в целом, получается, что «атака на ядро макроэкономической теории» по существу имеет целью заменить кейнсианскую методологию холизма методологическим индивидуализмом.

Что из этого получается в реальной экономической политике, каким образом можно применить это мощное идеологическое оружие – наглядно показывает пример развития российской Национальной инновационной системы.

От программы модернизации – к инновационной экономике

Модернизация России как комплекс феноменов экономической и общественной жизни должна, по замыслу авторов проекта, осуществляться на базе ключевого элемента под названием «Нацио-

нальная инновационная система» (НИС). В качестве формального понятия НИС возникла в марте 2002 г., когда В.В. Путин утвердил «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу». Некоторые базовые концепции НИС были детализированы в «Концепции 2020» и далее – в «Стратегии 2020» и других документах, где инновационный формат был признан фактически безальтернативным для достижения лидерства в научно-технической сфере, высокотехнологичных секторах и фундаментальных исследованиях¹.

Согласно принятым в России документам, к 2020 г. вновь созданная инновационная экономика должна по своему вкладу в ВВП догнать нефтегазовый сектор. До 25–35% должна возрасти доля инновационной продукции в объеме выпуска (в 2007 г. ее доля составляла 5%), а доля промышленных предприятий, осуществляющих технологические инновации, должна вырасти до 40–50% (против 8,5% по состоянию на 2007 г.).

При этом выбор «формата модернизации» в духе стратегии, обозначенной как «рыночная», подразумевает коренную смену парадигмы и в тех сферах, которые традиционно и формально до сих пор считались частью общественного сектора экономической системы и где, соответственно, основным товаром является общественное благо. Это, в данном случае, – фундаментальная наука и образование. Таким образом, без оглашения, по умолчанию принятие концепции НИС изменило содержание экономической политики. Теперь уже и «Стратегия национальной безопасности» (СНБ) утверждает, что «Решение задач национальной безопасности в сфере науки, технологий и образования в среднесрочной и долгосрочной перспективе достигается путём: ..., разработки конкурентоспособных технологий и образцов наукоёмкой продукции, организации наукоёмкого производства; ... обеспечения участия российских научных и научно-образовательных организаций в глобальных технологических и исследовательских проектах с учётом конъюнктуры рынка интеллектуальной собственности» (*Стратегия национальной безопасности, 2009. N 537. п. 70*).

Вопросы национальной безопасности и ее составляющих, куда относятся, по уровням вложенности, общественная и технологическая безопасность, стали особенно актуальными в связи с последними событиями в России и в мире. В своем докладе в Российской академии наук 29.10.2014 г. академик С.Ю. Глазьев прямо заявляет об американской агрессии. Ранее об этой угрозе заявлял Президент Российской Федерации В.В. Путин на Валдайском форуме. Соответственно, с обострением противостояния во всех сферах взаимодействия конкурирующих сторон, вплоть до военной, необходимо пересмотреть разработанные ранее проекты положений действующих нормативных документов² и, в частности, готовящейся Технологической доктрины (ТД)/Технологической инициативы.

Однако в соответствии с СНБ, и с теоретической точки зрения, получается, что в результате смены парадигмы государство как макроэкономический агент имеет право выбрать товары производства отечественного либо зарубежного ВПК, оценивая услугу/изделие согласно критерию цена/качество. Другой макроэкономический агент – фирмы – могут выбирать, выполнять ли оборонный заказ или найти более прибыльное дело. А у третьего макроэкономического агента – домохозяйств – выбора просто не остается: его рыночная власть в таких вопросах стремится к нулю.

Рассмотрим теперь, как обстоят дела в российской НИС с эмпирической точки зрения. В прошлое десятилетие значительно увеличилось применение методов метаанализа в сфере экономики технологий.

Заметим, по результатам сопоставления ряда стран по показателю внутренних затрат на исследования и разработки по источникам, российский бизнес не стремится следовать за новой парадигмой и заменить государство в качестве производителя инноваций (см. рис. 1).

¹ См.: Государственная программа Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы/ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 декабря 2012 г. № 2433-р; Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р; Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу. Письмо Президента Российской Федерации от 30 марта 2002 г. № Пр-576.

² Уже в новой версии Военной доктрины Российской Федерации, подписанной 25.12.2014, в п. 9 говорится, что «Мировое развитие на современном этапе характеризуется усилением глобальной конкуренции, напряженности в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия, соперничеством *ценностных ориентиров и моделей развития* (курсив мой – С.П.), неустойчивостью процессов экономического и политического развития на глобальном и региональном уровнях на фоне общего осложнения международных отношений. Происходит поэтапное перераспределение влияния в пользу новых центров экономического роста и политического притяжения».

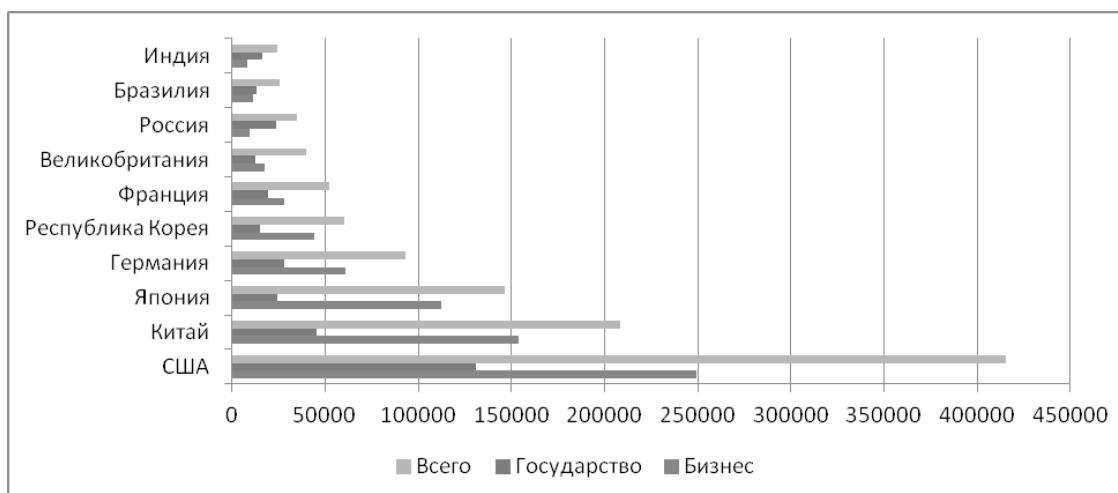

Рис. 1. Затраты на ИР по абсолютным значениям в долл. США
 Источник: составлен автором по данным (Индикаторы науки, 2014).

Другие, более детализированные, результаты количественных сопоставлений параметров НИС представлены в предшествующих публикациях (см., напр.: Kurakov, Pyastolov, 2014; Пястолов, 2012). В данном изложении на основании этих исследований предлагается качественная концептуальная модель.

Концептуальная схема Национальной инновационной системы России

Данные для целей анализа показателей инновационных систем предоставляют такие ресурсы, как «Глобальный индекс инноваций» (ГИИ) (Dutta and Lanvin, 2013). База данных ГИИ уже позволяет получать цельные представления о той или иной национальной инновационной системе (НИС), проводить эконометрические исследования с целью обнаружения закономерностей инновационного развития.

В «Основах политики Российской Федерации в области развития науки и технологий» (Основы политики, 2002) предлагалось до 2010 г. завершить формирование НИС и целостной структуры научно-технического комплекса, соответствующих условиям рыночной экономики. Примерно к этому времени в Европе уже были получены первые результаты десятилетней работы по реализации так называемой «Лиссабонской повестки дня», нацеленной на преобразование Евросоюза в «самую конкурентоспособную и динамичную экономику, основанную на знаниях, в мире» (Вызовы европейской научно-технической политики, 2013). К 2011 г. была создана панъ-европейская структура под названием Инновационный союз (EUROPE, 2020). Хотя и звучат некоторые скептические мнения, процессы формирования «единого пространства исследований» продолжаются, и такие отчеты, как «Глобальный индекс инноваций», регулярно сообщают об успехах мировых лидеров и их последователей.

ГИИ, по мнению автора, вполне подходит как основа для построения концептуальной схемы НИС, позволяющей представить динамику энергоинформационных потоков в данной структуре. На рис. 2 с достаточной долей условности показаны параметры входа ГИИ/НИС: {(1) институты, (2) человеческий капитал + ИР, (3) инфраструктура, (4) степень развитости рынка (Market sophistication), (5) степень развитости бизнеса (Business sophistication)}; параметры выхода: {(6) – инновационные продукты (знание и технология) и (7) творческие продукты}.

Особенностью предлагаемой схемы является то, что в ней разделены потоки краткосрочного и долгосрочного периодов. Единицей измерения для долгосрочного периода служат поколения технологий. Следует также иметь в виду, что, когда применительно к данной схеме речь идет о времени, оно принимается системным. Таким образом, если применить схематическое представление НИС к описанию концепции технологических укладов (ТУ), то можно заметить, что линия «прошлое» – «будущее» имеет форму логистической кривой, при помощи которой обычно описывают динамику выпуска продукции определенного уклада, т. е. рис. 2 выполнен в масштабе жизненного цикла ТУ. На начальной фазе, на старте ТУ, ресурсами НИС являются институты и человеческий ка-

питал. К завершению жизненного цикла ТУ должны быть сформированы знания и компетенции, которые станут ресурсами (человеческим капиталом, институтами и др.) для последующих укладов.

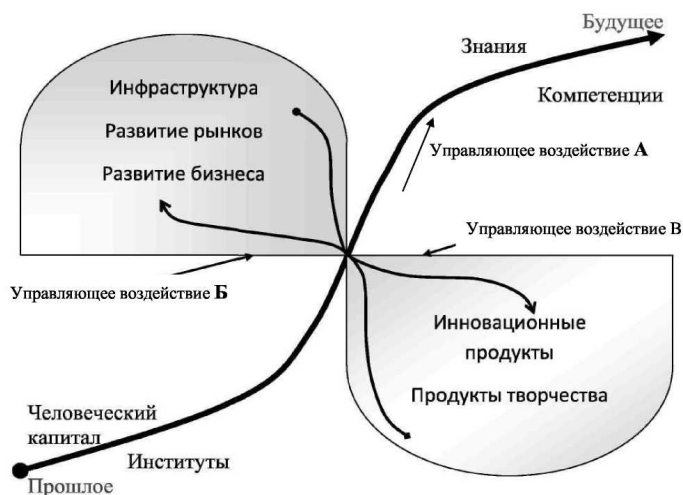

Рис. 2. Схема организации энерго-информационных потоков в структуре НИС

Продукция «на выходе», которую учитывает ГИИ, и параметры «входа», кроме названных ранее человеческого капитала и институтов, рассматриваются в предложенной модели как составляющие процессов краткосрочного периода. То есть они преимущественно имеют значение в рамках существующего уклада.

По ряду причин, которые заслуживают отдельного исследования, ситуация сложилась таким образом, что в отношении НИС российская администрация может осуществлять управляющие воздействия лишь на уровнях Б и В (см. рис. 2), а возможности влиять на будущее, на уровне А, все более сокращаются. Здесь же можно заметить, что распределение усилий в зонах Б и В не способствует сохранению баланса и эффективному развитию НИС, но это – тема отдельного сообщения. Скажем только, что внутренние угрозы проявлены в том числе как системные проблемы государственного управления, которые видны, в том числе в случаях подмены реальных целей государственного управления в области развития научно-технической сферы целями обеспечения «экономической эффективности» деятельности государства, недостатка понимания содержания, в частности, научно-технической, образовательной функций государства.

«Внешний» аспект ситуации в научно-технологической сфере представлен многими экспертами как старт нового этапа глобальной конкуренции: в США реализуется «Стратегия президента Обамы для американских инноваций 2009 (President Obama's 2009 Strategy for American Innovation)»; Китай вместе с «Азией 8» с 2006 г. формирует около 1/2 мирового экспорта высокотехнологичных товаров; Европейская Комиссия в целях своей программы «Europe 2020» провозглашает необходимость и возможность превращения Европы в зону инновационного развития.

К сожалению, усилия российского правительства в области научно-технического развития оставляют желать лучшего. В настоящем рассмотрении ограничимся следующим фактом. 10.04.2014 на заседании правительства был заслушан «вопрос, связанный с подведением итогов работы по двум ФЦП, которые касаются нашей науки». Д. Ливанов сообщил: «В частности, оформлено более 5 тыс. патентов, опубликовано около 90 тыс. научных статей, подготовлено и защищено более 12 тыс. научных диссертаций» (<http://government.ru/news/11633/>). Однако непонятно, каким образом с такими результатами мы можем конкурировать с ведущими игроками «инновационной экономики», если, например, по итогам аналогичных программ число патентов, предоставленных в Китае находящимся в КНР изобретателям, повысилось с 5 000 в 2001 г. до 65 000 в 2009 г.; в 2009 г. в Китае к обучению приступили более 6 млн аспирантов, в ЕС – около 3 млн., в США – 2,5 млн. С сожалением отметим, что в России аналогичный показатель не превышает 0,2 млн человек.

В ряду препятствий, стоящих на пути технологического развития России, чаще всего называют ловушки: «отсталости» (технологической); «технологических заимствований»; «координации» (рутины командной экономики плюс бюрократически-коррупционный капитализм, ха-

рактизирующийся рентоориентированным поведением); «демографическая яма» науки. Сложной задачей остается измерение наличия, состояния, уровней и эффектов связей в инновационных структурах, внешних эффектов.

Базовой причиной такого положения, по мнению автора, является то, что участники политического процесса в научно-технической сфере обладают различной административной и рыночной властью, которая, будучи доминирующей стороной (а это макроэкономический агент – сектор фирм, раздувшийся до размеров глобальной корпорации), нередко используется для достижения краткосрочных политических целей в ущерб долгосрочным жизненно важным интересам общества.

Конкуренция цивилизаций

Теория технологических укладов, оснащенная моделями экономических циклов, предлагает достаточно эффективный инструментарий анализа кризисного состояния экономики и скатывания конкурентной борьбы на стадию военного противостояния. В то же время этих аргументов оказывается недостаточно для объяснения столь сокрушительного падения уровня производства (ниже, чем минимум в период 1941–1945 гг.), потерь социальных и институциональных механизмов, созданных социалистической системой СССР. В этой связи значимым оказывается мнение ряда аналитиков о том, что «холодная война» оказалась проигранной, прежде всего, на идеологическом фронте.

И в этой связи появляется необходимость сформулировать концепцию тысячелетнего цивилизационного цикла, а также контуры обобщающей теории управления, в которой эта концепция была бы отражена. Ведь фактически современная ситуация обнажает неспособность доминирующей на сегодняшний день цивилизации решать нарастающие проблемы, так как она исчерпала ресурсы своего развития и находится на последнем этапе своего жизненного цикла.

Данную цивилизационную формацию сложно охарактеризовать однозначно. Отчасти, в плане техники мышления, ее свойства в целом отражает определение «цивилизации кочевников». С другой стороны, ее характеристики отражают категории индустриального уклада, технологической парадигмы. В 1990-х гг. не увенчались успехом попытки разработать теоретические основания «техноэкономической парадигмы» с применением идей Н. Кондратьева и Й. Шумпетера. Ранее, в 1952 г., оценив перспективы экономической теории, основанной на классической таксономии факторов производства и марксистской теории распределения, практик командной экономики, И.В. Сталин в работе «Экономические проблемы социализма в СССР» (*Сталин, 1952*) указал на необходимость новой теории. Но методологический индивидуализм (МИ), выступив как идеологический инструмент либеральной политики, оказался, по всей видимости, сильнее предлагаемых альтернатив.

Означает ли это, что либерализм как таковой плох или хорош? Вряд ли, и, очевидно, такие вопросы следует адресовать не идеальным предметам, а их преломлениям в реальности и в оценке участников социально-экономических взаимодействий. Однако применительно к научно-технической сфере можно заметить, что МИ помог обеспечить такую мобильность научных агентов, а либеральный Запад сумел создать то, что Военная доктрина РФ называет «центром политического притяжения» (*Военная доктрина, 2014. П. 9*), и в итоге это привело к такой ситуации, когда российские научные ресурсы в большей степени работают на развитие не российского потенциала, а потенциалов других стран.

В то же время нельзя не распознать определенных закономерностей в цепи будто бы случайных событий современности и прошедших эпох. Но в рамках статьи остановимся на текущей ситуации. По существу, речь может идти о столкновении нескольких сил, основными из которых являются представители: (1) технократической цивилизации; (2) традиционного уклада; (3) формирующейся экотехнологической цивилизации и (4) зарождающейся биологической цивилизации (в которой создаются условия для раскрытия всех способностей человека) (подробнее см.: *Величко и др., 2012*). Россия по условиям ее геостратегического положения оказывается полем столкновения интересов этих сил, прежде всего ввиду наличия на ее территории крупнейшего в мире биоресурсного потенциала. Следует выделить внешние и внутренние угрозы в сфере национальной безопасности, в которых важное значение имеет цивилизационный аспект.

Внешние угрозы обусловлены прежде всего обострением глобальной политической конкуренции, которая представлена рядом экспертов как война цивилизаций. Особенностью ситуации является то, что технократическая цивилизация (ТЦ) создала эту конфронтацию всей своей дея-

тельностью, ее агенты, вооруженные либеральной доктриной, разработками Тавистокского и других институтов, активно действуют на всех приоритетах управления: концептуальном, хронологическом, фактологическом, экономическом, медицинском, силовом.

Формирование экотехнократической цивилизации (ЭТ) на данном этапе происходит большей частью как реализация императива выживания тех сообществ людей, для которых просто нет места в условиях ТЦ (они не попадают в «золотой миллиард»).

Очевидно, такая классификация очень условна. Применительно к ситуациям, возникающим, например, вокруг войны в Новороссии, можно говорить о сообществе, объединяющем сторонников идей ЭТ, «славянского мира», коранического ислама и, в общем, идей Справедливости, что можно обозначить как ЭТС (Экология, Технология, Справедливость). Скоординированные действия сторонников ЭТС на данный момент, к сожалению, носят преимущественно оборонительный характер на уровне низших приоритетов управления.

Детализируя угрозы по уровням управления, можно заметить, каким образом реализуются против нашей страны, и против ЭТС в целом, приоритеты обобщенных средств управления обществом. Так, принципы «экономического мышления» (первый приоритет) в формах экономического империализма осуществляют экспансию в новые общественные сферы: от расчёта «полезности детей», «стоимости решения» террориста-смертника к расчётам стоимости услуг экосистемы. Наблюдаем, как всеми возможными мерами продвигается идеология «толерантности», как стираются из памяти людей представления о традиционных ценностях, навыках экологически безопасного образа жизни.

Массированно, расчётливо, постепенно ведутся кампании, целью которых является низведение цельного организма природы до набора элементов экосистемы, до комплекса природных ресурсов, которые затем превращаются в факторы производства. Эти ресурсы и факторы затем могут изыматься с применением силы в уплату за долги, образовавшиеся в результате «нерасчётливой» экономической и политической деятельности, а то и просто без особых объяснений. Аналогичные процессы наблюдаются в сфере образования, здравоохранения; в научно-технической сфере работают модели «открытых пространств исследований», в которых созданы условия мобильности ученых, студентов и аспирантов, стимулы для перетока интеллектуальных ресурсов к центрам притяжения за пределами России.

Выводы и заключение

Методологическая составляющая политики инновационного развития в рамках экотехнологической цивилизации должна объединить лучшие наработки, сделанные в рамках методологического индивидуализма, теорий инноваций, общественной безопасности в их развитии и взаимодействии, с тем чтобы обеспечить четкое понимание различий в парадигмах цивилизаций. Так, в рассмотрении большинства проблем политики в научно-технологической и экологической сферах, эксперты указывают на конфликты интересов домохозяйств (населения), государства и предприятий, которые, чаще всего, этими различиями вызваны. По существу, данная таксономия является, помимо прочего, результатом принятия ограничений прогнозирования и планирования краткосрочным периодом и опорой на модель «экономического человека», максимизирующего полезность в данном периоде.

Очевидно, что для решения проблем общественной безопасности, проблем, обнаруживаемых в попытках реализации программ «системной модернизации» России, требуется в том числе иное понимание времени (альтернативное доминирующему сегодня в экономике «краткосрочному видению» – *shortsightedness*), такое, какое, например, предлагает традиция (биологическая цивилизация) – там время циклично и задано циклами природы (подробнее см.: Пястолов, 2014). Так, анализируя последствия воздействия развития технологий на экосистемы Земли, эксперты заключают, что «урок все еще не выучен: когда в целом затронута планета, нет никаких экстерналий» (*Van Den Hove et al., 2012*).

Исходя из анализа рассмотренной ситуации, целью формируемой сегодня Технологической доктрины должно быть создание методологических оснований для разработки инструментальных средств, направленных на преодоление доминирующего положения технократической цивилизации, гармонизация устремлений представителей всех групп интересов на основе общих ценностей в направлении вектора целей повышения уровня общественной, технологической, культурно-экологической безопасности, сохранения и развития научно-технической инфраструктуры, интеллектуального потенциала, природных систем, культурных ценностей, целост-

ности образовательного пространства народов, проживающих на территории Российской Федерации, во взаимодействии с локальными экосистемами, формирования базиса экотехнологической цивилизации.

С целью реализации положений ТД следует определить следующие основные задачи:

- ✓ Обеспечение методологических оснований перехода к формированию экотехнологической цивилизации; в частности, следует сформировать понятие *экотехносистемы*.
- ✓ Разработка и распространение положений научно обоснованной концепции технологической безопасности с учетом приоритетов обобщенных средств управления.
- ✓ Совершенствование методов государственного управления в сфере реализации положений ТД.
- ✓ Развитие гражданского участия в сфере реализации положений ТД.
- ✓ Развитие и совершенствование методов экологически-ориентированного технологического образования и просвещения.

ЛИТЕРАТУРА

Величко М.В., Ефимов В.В., Иманов Г.М. (2012). Экономика и ноосфера. Научно-методологические основы государственного управления социально-экономическим развитием в условиях глобализации. Ноосферный (этико-экологический) подход. СПб: АНО ВПО «Смольный институт РАО, кафедра «Психологии, акмеологии, ноосферологии и педагогики». Изд-во МФИН.

Военная доктрина Российской Федерации. Дата подписания: 25.12.2014

Вызовы европейской научно-технической политики (2013). Сводный реферат // Реферативный журнал ИНИОН РАН, ГРНТИ 12, серия «Науковедение», Социальные и гуманитарные науки, отечественная и зарубежная литература, серия 8, № 4, с. 95–115.

Государственная программа Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 декабря 2012 г. № 2433-р.

Индикаторы науки: 2014. Стат. сборник. (2014). М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р.

Мамедов О.Ю. (2013). Европейский либерализм и российская экономика – драма безответной любви? // *Terra Economicus*, т. 11, № 4, с. 6–11.

Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу. 30 марта 2002 г. Пр-576.

Пястолов С.М. (2012). Эффективность национальной инновационной системы: инфраструктурный аспект // *Транспортное дело в России*, № 6, ч. 1 (103), с. 18–20.

Пястолов С.М. (2014). Рациональность в рамках традиции // *Материалы Второй международной научно-практической конференции*, 15–17 мая 2014 г., с. 55–65.

Сталин И.В. (1952). Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Государственное издательство политической литературы.

Степин В.С. (пред. науч.-ред. совета) (2010). Новая философская энциклопедия, в 4-х т. М.: Мысль.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537, п. 70.

Dutta S. and Lanvin B. (eds.) (2013). The Global Innovation Index 2013: The Local Dynamics of Innovation. INSEAD, WIPO.

EUROPE 2020: A Strategy for Smart, Sustainable and Inclusive Growth. Communication from the Commission, COM (2010) 2020.

Henriques L. and Laredo P. (2013). Policy-making in science policy: The «OECD model» unveiled // *Research Policy*, № 42, pp. 801–816.

Hirschman A. (1981). Essays in trespassing: economics to politics and beyond. Cambridge, New York: Cambridge University Press.

Krugman P. (1995). Incidents from my Career / In: Heertje A. (ed.) The Makers of Modern Economics, vol. 2. Aldershot: Elgar, pp. 29–46.

Kurakov L.P. and Pyastolov S.M. (2014). Issues of political strategy in developing innovation systems // *Archiv EuroEco*, vol. 2, no. 1, pp. 54–59.

Nedeva M. (2013). Between the global and the national: Organising European science // *Research Policy*, № 42, pp. 220–230.

Sharif N. (2006). Emergence and development of the National Innovation Systems concept // *Research Policy*, № 35, pp. 745–766.

Van Den Hove S., Mcglad J., Mottet P. and Depledge M.H. (2012). The Innovation Union: a perfect means to confused ends? // *Environmental science & policy*, № 16, pp. 73–80.

REFERENCES

Bases of the policy of the Russian Federation in the field of development of a science and technologies for the period till 2010 and the further prospect. On March, 30th, 2002. Pr-576. (In Russian.)

Challenges for the European science and technology policy (2013). The summary abstract. *Abstract journal INION of the Russian Academy of Sciences*, GRNTI 12, series «Naukovedenie», Social and the humanities, the domestic and foreign literature, series 8, no. 4, pp. 95–115. (In Russian.)

Mamedov O.Yu. (2013). The European liberalism and the Russian economy – drama of unrequited love? *Terra Economicus*, vol. 11, № 4, pp. 6–11. (In Russian.)

Pyastolov S.M. (2012). Efficiency of national innovative system: infrastructural aspect. *Transport business in Russia*, № 6, p. 1 (103), pp. 18–20. (In Russian.)

Pyastolov S.M. (2014). Rationality within the limits of Tradition. Materials of the Second international scientifically-practical conference on May, 15–17th, 2014, pp. 55–65. (In Russian.)

Science indicators: 2014: the statistical collection (2014). Moscow: National Research University Higher School of Economics. (In Russian.)

Stalin I.V. (1952). Economic problems of socialism in the USSR. Moscow: the State publishing house of the political literature. (In Russian.)

State program of the Russian Federation «Development of science and technologies» for 2013–2020. Decree of the Government of the Russian Federation from December, 20th, 2012 № 2433-r. (In Russian.)

Stepin V.S. (ed.) (2010). The new philosophical encyclopaedia, in 4 vol. Moscow: Mysl Publ. (In Russian.)

Strategy of national safety of the Russian Federation till 2020. The decree of the President of the Russian Federation from 5/12/2009 N 537, item 70. (In Russian.)

The concept of the long-term social and economic development of the Russian Federation for the period till 2020. The Government of the Russian Federation from 11/17/2008 N 1662-r. (In Russian.)

The military doctrine of the Russian Federation. Signing date: 12/25/2014. (In Russian.)

Velichko M.V., Efimov V.V. and Imanov G..M. (2012). Economy and the noosphere. Scientifically-methodological bases of the government social and economic development under the conditions of globalization. Ethics and ecological approach. St.-Petersburg: Smolnyj Russian Open Society institute, chair Psychology, Akmeology, noospherology and pedagogics. MFIN Publishing House. (In Russian.)

Dutta S. and Lanvin B. (eds.) (2013). The Global Innovation Index 2013: The Local Dynamics of Innovation. INSEAD, WIPO.

EUROPE 2020: A Strategy for Smart, Sustainable and Inclusive Growth. Communication from the Commission, COM (2010) 2020.

Henriques L. and Laredo P. (2013). Policy-making in science policy: The «OECD model» unveiled // *Research Policy*, № 42, pp. 801–816.

Hirschman A. (1981). Essays in trespassing: economics to politics and beyond. Cambridge, New York: Cambridge University Press.

Krugman P. (1995). Incidents from my Career / In: Heertje A. (ed.) *The Makers of Modern Economics*, vol. 2. Aldershot: Elgar, pp. 29–46.

Kurakov L.P. and Pyastolov S.M. (2014). Issues of political strategy in developing innovation systems. *Archiv EuroEco*, vol. 2, no. 1, pp. 54–59.

Nedeva M. (2013). Between the global and the national: Organising European science. *Research Policy*, № 42, pp. 220–230.

Sharif N. (2006). Emergence and development of the National Innovation Systems concept. *Research Policy*, № 35, pp. 745–766.

Van Den Hove S., Mcglad J., Mottet P. and Depledge M.H. (2012). The Innovation Union: a perfect means to confused ends? *Environmental science & policy*, № 16, pp. 73–80.

ПРОБЛЕМА МОНОПОЛИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА В МАРКСИСТСКОЙ ПАРАДИГМЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

О.О. КОМОЛОВ,

младший научный сотрудник,
Центр макроэкономических исследований,
аспирант Института экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия,
e-mail: oleg_komolov@mail.ru

В статье даётся критический анализ проблемы монополизации производства с позиций марксистской политической экономии, выраженной в идеях представителей течения из разных эпох – от основателей до советской школы марксизма. Монополизация рассматривается в качестве объективного явления для современной экономики, естественным образом вырастающего из свободного рынка, что подтверждается данными статистики. Этот процесс имеет двойственную природу: с одной стороны, способствует повышению производительности труда, а с другой – несёт в себе риски, связанные с завоеванием экономического, а затем и политического господства монополистического капитала. Выходом из этой дилеммы предлагается социализация монополий, т. е. подчинение их интересам всего общества, поскольку это продиктовано самим ходом развития экономики, подверженной стремительным процессам концентрации.

Ключевые слова: монополизация; концентрация; марксизм; империализм; социализация.

THE PROBLEM OF MONOPOLIZATION OF PRODUCTION IN MARXIST PARADIGM AND MODERN WORLD

O.O. KOMOLOV,

Junior Research Scientist,
Center of Macroeconomic Research,
PhD Candidate,
Institute of Economics, Russian Academy of Science, Moscow, Russia,
e-mail: oleg_komolov@mail.ru

The article analyses the problem of monopolization from the Marxist point of view which is worked out by the representatives of Marxist school – from the founders to the Soviet school of Marxism. Monopolization is considered an objective phenomenon for the modern economy which naturally originates from free market. It is proved by statistics. This process has dual nature. On the one hand, it promotes labor productivity, and on the other hand – it holds some risks which are connected with taking economic and political power by monopoly capital. The way out from this dilemma is seen in socialization of monopolies which will put them under supervision of the whole society because it is determined by the evolution of the economy, influenced by aggressive concentration.

Keywords: monopolization; concentration; marxism; imperialism; socialization.

JEL classifications: B14, B24, D42.

Проблемы концентрации капитала и монополизации производства занимают важное место в современной экономической теории. Монополизация экономики – это хорошо или плохо? Какую роль с точки зрения развития экономики в интересах всего общества играют стремительные процессы укрупнения компаний, которые во всё большей степени видоизменяют рыночную экономику? Определенный вклад в разъяснение этого вопроса был сделан еще марксистской политэкономией.

Сегодня к экономической теории марксизма относятся несколько подозрительно, считая ее, видимо, остатком советского прошлого. Конечно, в советский период экономическую теорию марксизма пытались превратить в «божественное писание», но все же это была серьезная научная теория. Как верно заметил О.Ю. Мамедов, «Торопливое (да что там, – неприлично торопливое!) бегство от марксизма ослабило отечественную экономическую науку. Собственно, свободное владение методологией марксизма (правда, казавшееся отечественным эмпирикам «схоластической казуистикой») было единственным, но – могущественным! – конкурентным преимуществом российских экономистов перед зарубежными» (Мамедов, 2003. С. 22).

Итак, марксизм. Ещё в середине XIX в., в те времена, когда экономический «мейнстрим» рассматривал монополии в качестве девиации относительно нормального течения вещей, а свободная конкуренция казалась подавляющему большинству экономистов «законом природы», немецкий философ Карл Маркс отметил тенденцию к образованию капиталистических монополий.

По Марксу, они возникают как следствие высокого уровня концентрации и централизации капитала и благодаря своему весу в экономике получают возможность извлекать сверхприбыль через установление монопольных цен. Такая прибыль отличается от прибыли производителя, извлекающего её благодаря техническому превосходству. Монопольная прибыль включает в себе кроме прибавочной стоимости, полученной посредством эксплуатации рабочих, ещё и следующие элементы: часть прибавочной стоимости от немонополизированных предприятий, часть стоимости от мелких товаропроизводителей, часть стоимости, созданной в колониях.

Монополизация капитализма является преградой для развития родного для него способа производства. Капитализм тем самым породил своё собственное отрицание. Маркс сумел раскрыть противоречивое единство монополии и конкуренции: «В практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их синтез, который есть не формула, а движение. Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию. Монополисты конкурируют между собой, конкуренты становятся монополистами... Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь благодаря тому, что она постоянно вступает в конкурентную борьбу» (Маркс, Энгельс, 1955а. С. 166). Таким образом, монополизация экономики не отрицает конкуренцию, а существует рядом, параллельно с ней, искажая её и подрывая первоначальный смысл. Конкуренция переходит на иной качественный уровень.

В.И. Ленин наследовал диалектический подход Маркса к описанию места монополии в капиталистической формации. Он отметил, что монополии не существуют в чистом виде, а соседствуют рядом с обменом, рынком, конкуренцией и кризисами.

Используя своё превосходство, монополии и союзы монополистов имеют возможность подчинить себе других участников рынка. Инструментов имеется великое множество: лишение сырых материалов и рабочих рук, лишение подвоза и сбыта, сбивание цен и сговор с покупателем, лишение кредита через аффилированные финансовые структуры. Таким образом, от традиционной конкуренции между крупным и мелким капиталом, передовым и технически отсталым не осталось и следа, она изменила форму, изменила качество.

Современный Ленину этап развития монополистического капитализма он определял как империализм. Его признаки можно в целом сгруппировать следующим образом:

1. Возникновение финансового капитала через сращивание производственного и банковского капиталов.

Австрийский марксист Р. Гильфердинг ограничивает определение финансового капитала подчинением промышленного капитала банковскому. При этом он отмечает, что банки сами заинтересованы в свертывании конкуренции на рынке. Логика такова: банк кредитует несколько предприятий одной отрасли промышленности. Конкурентная борьба между ними может привести к победе одной компании и поражению других. Кроме того, сама конкурентная борьба в течение некоторого времени несёт в себе убытки для её участников, в результате чего банк рискует остаться без выплат и потерять должника. Таким образом, объективные стремления банков тут совпадают с интересами промышленных предприятий, жаждущих господства на рынке.

В современных условиях промышленные предприятия также сохраняют высокую зависимость от банковского капитала. Финансовый капитал продолжает сохранять опору на своей основе – производственном капитале. Однако в условиях глобализации финансовый капитал получил новые точки роста, к которым, в первую очередь, относится стремительный рост фиктивного капитала. Финансовый сектор опережает рост экономики, растут финансовые потоки, распределяемые через мировой финансовый рынок.

Причиной тому стала появившаяся в связи с возросшей международной миграцией капитала возможность заработка благодаря развитию средств коммуникации. Желание диверсифицировать инвестиционные риски, поощрение трансграничных капиталопотоков и либерализация регулирования внутренних финансовых рынков привели к стремительному росту финансовых операций. Быстро растёт рынок заёмных капиталов.

Ежедневные операции на мировых валютных, кредитных и финансовых рынках в 50 раз превышают стоимость сделок в мировой торговле товарами (Шишков, 2012. С. 3). Если соотнести объёмы мирового рынка облигаций с объёмом номинального мирового ВВП, можно обнаружить, что значение этого показателя выросло с 7,7% в 1994 г. до 32,2% в 2014 г. (рис. 1).

Рис. 1. Соотношение мирового рынка долговых ценных бумаг к мировому номинальному ВВП (%)
Источники: составлен автором на основании данных (IMF, 2015) и (BIS, 2015).

2. Второй признак империализма – возникновение монополий нескольких видов:

- картель как соглашение компаний, сохраняющих производственную и сбытовую независимость, направленное на формирование единой ценовой политики;
- синдикат как объединение фирм, сохраняющих производственную самостоятельность, но теряющих сбытовую, поскольку продажа товара ведётся совместно через общий сбытовой орган. Такая форма монополистического союза соответствует отраслям с большей однородностью товаров;
- трест как объединение лишённых производственной и сбытовой независимости компаний, управляемых из единого центра;
- концерн как объединение фирм, банков, торговых предприятий. Отличительная особенность – финансовая зависимость от определенной группы капиталистов.

К этому списку необходимо добавить и финансовые группы, как объединения формально самостоятельных концернов и других видов монополий через систему участия и финансовой зависимости от «финансового дома» (дом Морганов, Рокфеллеров и др.).

После Второй мировой войны появились новые формы монополистических объединений – конгломераты, т. е. концерны, потерявшие своё отраслевое лицо. В них были объединены различные виды производств, не связанных между собой производственным, общим сырьём или условиями сбыта. Они создавались с целью перелива капитала между отраслями минуя рынок капитала. Одними из самых известных компаний-конгломератов являются General Electric и Virgin Group.

Важным стимулом к формированию конгломератов является попытка увеличить фиктивный капитал корпорациями за счёт повышения курса акций присоединённых компаний. Конгломераты часто формируются не из логики хозяйственного развития, а из спекулятивных целей. Разрастание фиктивного капитала является одной из причин так называемой «финансиализации», т. е. гипертрофированного развития финансового сектора, что в конечном счёте приводит к возникновению финансовых пузырей и прочих дисбалансов в экономике.

Транснациональные корпорации – ещё одна форма монополистических объединений, свойственная современному капитализму. Они представляют собой международные концерны. Их транснациональность проявляется в географии их деятельности и источниках капитала (акции свободно продаются на фондовых рынках). Однако ТНК национальны по контролю. Так, после слияния концерна «Даймлер – Бенц» (ФРГ) и «Крайслера» (США) фактический контроль за деятельностью последнего перешел к западногерманскому капиталу (Акулов, Рудаков. 2002). ОАО «Газпром», будучи транснациональной корпорацией, контролируется российским капиталом.

Впрочем, здесь имеются исключения. Англо-голландская нефтяная компания «Ройял Датч – Шелл» – один из крупнейших мировых производителей – контролируется капиталом двух стран.

3. Ещё одним признаком империализма является завершение территориального раздела мира, что с неизбежностью порождает войну за новый передел и возникновение монополистических союзов, делящих между собой мир. Верность этого тезиса постоянно подтверждается событиями на мировой арене, продолжающимися войнами, геополитическими кризисами, противостоянием между странами, в которых в наиболее иллюстративной форме проявляется сращивание интересов государств и монополий, в первую очередь, сырьевых. К началу XX в. свыше 35% населения Земли проживали в колониях, а ещё 22% – в полуколониях (Ленин, 1969. С. 422). Крупнейшими колониальными державами той эпохи были Англия и Франция. Колонии подвергались жестокой эксплуатации странами метрополии, превратившими их в сырьевые придатки.

Важной составляющей эпохи колониализма было такое явление, как вывоз капитала. Он определяется процессом «перезревания» капитализма метрополий, который ищет прибыльного помещения капитала в отсталых странах. Развивая эту тему, Ленин создал задел для исправления существенного упущения в марксистском анализе капитализма.

В предисловии к первому изданию «Капитала» Маркс писал, что страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего (Маркс, Энгельс, 1955b. С. 5). Однако в условиях государственно-монополистической стадии капитализма такое положение вещей является маловероятным. Монополии, захватывающие ресурсы своих колоний, лишают их источников роста и развития, отнимая у них возможности построения идентичной модели капитализма.

На деле метрополии изначально пресекали развитие экономик поработённых стран по вполне понятным мотивам. Запад построил себя из материала колоний, изъав у них ресурсы для построения сильного капитализма. Уделом колоний стала слаборазвитость. В таких странах была построена специфическая модель периферийного капитализма, полностью зависимо-го от стран центра.

Падение мировой системы колониализма не ликвидировало по сути зависимость отсталых стран от передовых капиталистических держав. «Пока империализм существует, он, по определению, будет стремиться к господству над другими странами. Это-то господство и называется сегодня неоколониализмом» – заявил в 1965 г. Э. Че Гевара (Гевара, 2003). Подтверждение этих слов можно без труда найти в современном мире. Такая страна как Бангладеш является типичным примером «неоколони», а её экономическая модель – модель периферийного капитализма. Рабочие Бангладеш трудятся на швейных фабриках на зарплату в 30–40 долл. в месяц (Euronews, 2013). Отсутствие норм защиты труда и несоблюдение правил техники безопасности регулярно приводят к массовой гибели людей на производстве. Бангладеш является вторым после КНР производителем текстиля в мире. Швейная промышленность страны экспортируется в США и ЕС на сумму в 20 млрд долл. ежегодно (Euronews, 2013).

Ещё один характерный пример – Сомали. По данным ООН, за два года (с 2010 по 2012) в Сомали от голода умерли более четверти миллиона человек – 260 тысяч! (France24, 2013). При этом экономика страны специализируется на сельском хозяйстве, в основном на животноводстве, которое даёт 50% дохода от экспорта. Для богатых стран Персидского залива Сомали является поставщиком дешёвого скота и мяса, и даже, если можно так сказать, конкурирует в этом регионе с австралийским скотом и мясом.

Говоря об активном отчуждении ресурсов колоний метрополиями без эквивалентного обмена на рынке, Ленин дополняет марксову модель расширенного воспроизводства. Не делая прямых утверждений, он показал, что описанный производственный цикл не является «самодостаточным», а существует во многом благодаря впрыскиванию огромных ресурсов извне. Таким образом, Ленин, по сути, проиллюстрировал заключения Розы Люксембург, которая считала внешний компонент принципиально важным: «...Начиная с момента своего зарождения, капитал стремился привлечь все производственные ресурсы всего мира. В своем стремлении завладеть годными к эксплуатации производительными силами, капитал обшаривает весь земной шар, извлекает средства производства из всех уголков Земли, добывая их по собственной воле, силой, из обществ самых разных типов, находящихся на всех уровнях цивилизации» (Люксембург, 1924. С. 109).

Однако важны не только постоянное грабительское изъятие ресурсов у колониальных стран, но и внешние рынки, т. е. покупатели вне зоны капитализма, которые позволяют реализовать прибавочную стоимость, заключённую в товарах, а не в деньгах. И без этих двух составляющих капиталистическая экономика существовать не может. Этим выводом Ленин и Люксембург доработали утверждение Маркса о перспективах распространения единой модели капитализма на весь мир.

Представители американского неомарксизма П. Баран и П. Суизи исследовали империализм в условиях подъёма капиталистической экономики после Второй мировой войны. Это обстоятельство натолкнуло их на мысль о том, что известный марксистский закон убывающей нормы прибыли перестаёт работать в условиях монополистического капитализма. Монополии осуществляют эксплуатацию трудящихся посредством снижения заработной платы рабочим, опустошения колоний и монополистической наценки.

Исходя из этого, причиной капиталистического кризиса является образование излишков, «повышение возможностей накопления над возможностями инвестирования» (Baran and Sweezy, 1966. P. 108). Экономический излишек Баран и Суизи определяли как соотношение «результата общественного производства и стоимости этого производства. Размер излишка – это индекс производительности и богатства; того, насколько общество свободно в достижении целей, которые оно может перед собой поставить. Структура излишка показывает, как общество использует эту свободу: сколько оно инвестирует в расширение производственных мощностей, сколько оно потребляет в различных формах, сколько оно расходует впустую и в каком виде» (Baran and Sweezy, 1966. Pp. 9–10).

Сама система не способна существовать без внешних источников роста и выгодных возможностей для инвестирования. Тем самым монополистический капитализм приобретает агрессивный «звериный оскал», не свойственный его конкурентному прошлому. Баран и Суизи разработали собственную теорию империализма и связей центра с периферией, объясняющую состояние экономического недоразвития в капиталистическом мире и причины общей иррациональности капиталистического производства.

Авторы отмечали, что существует ряд объективных условий и субъективных факторов, препятствующих на определённом этапе естественной стагнации капитализма за счёт поглощения постоянно разбухающего экономического излишка. К ним экономисты отнесли удовлетворение потребностей растущего в численности населения, внедрение технологических новшеств, зарубежные инвестиции, одновременно с раздуванием рекламных расходов и ложной дифференциацией продукции. Кроме того, абсорбции излишков способствуют войны и их последствия, деятельность государства по раздуванию военных расходов, финансирование бюрократического аппарата и карательных органов, подавляющих демократические движения внутри страны и за ее пределами. Однако такими мерами возможно лишь отсрочить наступление общего кризиса, к которому неизбежно приведёт усиление иррациональности.

В рамках критики теории Барана и Суизи отмечалось, что они некорректно оценивают механизм монопольного ценообразования, применяя его ко всей экономике, не учитывая различий между неоднородными отраслями.

Это обстоятельство учитывалось польским марксистом Михаилом Калецким (Kalecki, 1971. P. 112–144). Он исходил из того, что более свободное ценообразование свойственно лишь ограниченному периферийному сектору экономики, к которому относят сельское хозяйство и добывающие отрасли. В силу неэластичности предложения, рост спроса на продукты данной отрасли приводит к повышению цены. При этом цены на основную массу товаров – продукцию промышленного

производства – определяются в первую очередь издержками производства. При повышении спроса растёт объём производства, а цена остаётся прежней. В результате в промышленном (основном) секторе экономики ценообразование зависит от двух ключевых факторов: удельных издержек производства и надбавки на них. Надбавка зависит от «степени монополии», т. е. возможностей предприятия без последствий монопольно увеличивать цену. Этот показатель определяется институциональными преимуществами, такими как высокий уровень концентрации производства и капитала, активная реклама, авторитет бренда, возможность лоббировать свои интересы в государственных органах и договариваться с конкурентами.

Начиная с послевоенных лет и далее в советской экономической науке развивалась концепция государственно-монополистического капитализма, которая представлялась в качестве новой, более развитой формы монополистического капитализма. Экономическую основу государственно-монополистического капитализма составляет высокий уровень концентрации в промышленности и соединение высококонцентрированного частного и государственного капиталов. Политическую основу противостоят социалистической и капиталистической систем, в котором капиталистические государства поддерживали монополии в борьбе за рынки и передел мира.

После окончания Второй мировой войны значительные капиталовложения направлялись на восстановление экономики. Многие воссозданные предприятия перешли под контроль монополий, которые получали субсидии и налоговые льготы, при этом часто подвергаясь государственному контролю. Тем самым были созданы предпосылки для более тесного переплетения монополий и государств.

Происходили процессы огосударствления экономики в интересах монополий. Национализация касалась таких отраслей экономики, которые необходимы для функционирования экономической системы, но при этом не обеспечивают высоких доходов монополиям. Так, во Франции и Великобритании монополии возложили на государство расходы по обновлению основного капитала в отстающих, убыточных энергетической и угольной отраслях, которые на выгодных условиях поставляли свою продукцию монополиям. Государство активно инвестировало в инфраструктуру, выкупало акции компаний, находящихся на грани банкротства, часто по завышенным ценам.

Границы между государственными и негосударственными компаниями остаются размытыми и сегодня. Так, в США корпорация «Амтрак», созданная правительством для обслуживания национальных пассажирских железнодорожных перевозок, действуя как частная компания, получает субсидии от федеральной власти. Аналогично, в Великобритании действует национализированная Британская сталелитейная компания. Широко представлен государственный сектор в экономике Австрии, прежде всего в топливно-энергетическом комплексе, в транспортной отрасли – более 75% (Артемов, 2007. С. 25). В России более 50% акций крупнейшей газовой компании ОАО «Газпром» (Газпром, 2014) и 70% нефтяного гиганта «Роснефть» принадлежат государству (Роснефть, 2015).

Государство помогает частным корпорациям посредством так называемого «скрытого субсидирования», которое на деле осуществляется путём введения ограничительных пошлин или государственного кредитования по низким процентным ставкам. Монополии нередко используют государство в своих интересах через лоббирование, «покупку» политических лидеров, иным образом оказывая воздействие на государственные решения. Так, монополии целого ряда отраслей получают выгодные заказы от государства, милитаризирующего экономику в силу тех или иных причин.

Всё большую роль начинают играть государственное регулирование и программирование, государства осуществляют их, используя такие инструменты, как политика капиталовложений и закупок, денежно-кредитная политика, изменение процентной ставки, манипулирование центральными банками, регулирование цен. Несмотря на то что программирование носит в большей мере рекомендательный характер, оно оказывает значимое влияние на экономику, поскольку сопровождается соответствующей политикой государства.

Реалии современной экономики подтверждают выдвинутый марксистами тезис о неизбежной поступательной монополизации производства. Так, в период с 1970–2014 гг. доля активов крупнейших корпораций США в обрабатывающей промышленности (с активами более 1 млрд долл.) увеличилась почти на 40%. Параллельно росла и доля извлекаемой прибыли (см. рис. 2).

Рис. 2. Доля компаний с активами свыше 1 млрд долл. в обрабатывающей промышленности США (%)

Источник: составлен автором на основании данных (U.S. Census Bureau, 1989; 1999; 2001; 2004–2005; 2010; 2014).

Соответственно, за указанный период стремительно снижалась доля самых малых предприятий (учтённых статистикой США), чьи активы находятся в пределах между 250 тыс. долл. и 10 млн тыс. долл. – с 11,9% в 1970 г. до 1,9% в 2014 г. (рис. 3).

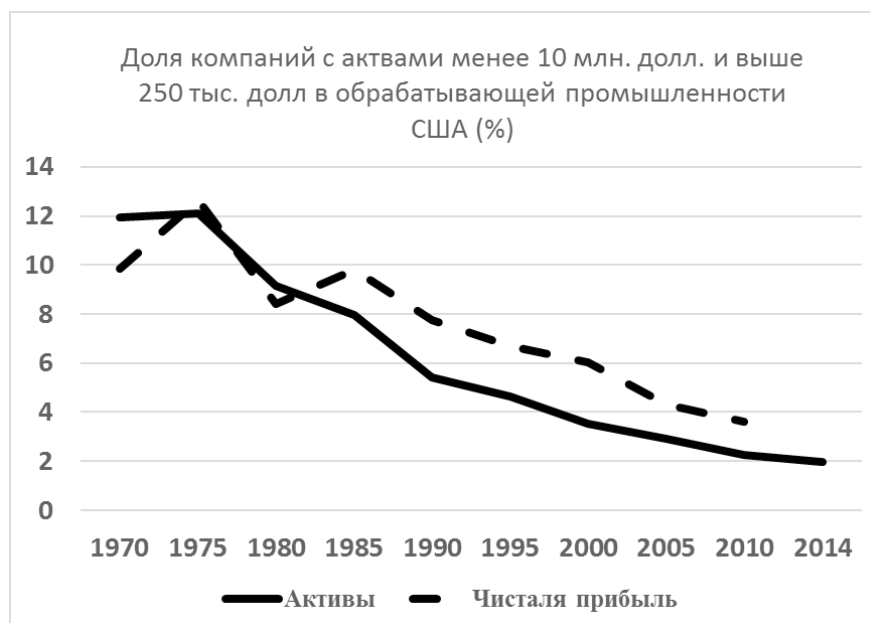

Рис. 3. Доля компаний с активами менее 10 млн долл. и выше 250 тыс. долл. в обрабатывающей промышленности США (%)

Источник: составлен автором на основании данных (U.S. Census Bureau, 1989. P. 536; 1999. P. 570; 2001. P. 500; 2004. P. 640; 2010. Table 987. Historical QFR Data Manufacturing, Mining, Trade, and Selected Service Industries; 2014. Table N, p. xxxviii).

Мы можем констатировать, что 847 крупнейших корпораций, или 0,33% от общего числа фирм, сконцентрировали у себя 88,7% всех активов отрасли.

Крупные предприятия играют всё более значимую роль в современной экономике по сравнению с малым и средним бизнесом. Доля крупного бизнеса в ВВП США с 2002 по 2010 гг. выросла на 3,7%, достигнув уровня в 55,4%. Доля малых компаний постепенно падает (рис. 4).

Рис. 4. Изменение доли малого и крупного бизнеса в ВВП США (частный сектор)

Источник: составлен автором по данным (Kobe, 2012; pp. 43–44).

В период с 1947 по 2007 гг. 200 крупнейших компаний США по уровню произведённой добавленной стоимости увеличили свою долю добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности страны с 30 до 44% (U.S. Census Bureau, 1997. P. 553; 2002. P. 494; 2007), т. е. почти в полтора раза. Важно отметить, что этот показатель рос именно по причине повышения производительности, а не за счёт увеличения объёма используемой рабочей силы. Её-то как раз 200 крупнейших компаний стали использовать меньше, о чём говорит падение доли задействованной у них рабочей силы с 31% до 21% в период 1963–2007 гг. Как следствие, все эти годы крупные компании более быстрыми темпами внедряли новые технологии, снижающие трудоёмкость и повышающие капиталоемкость производства (U.S. Census Bureau, 1997. P. 553; 2002. P. 494; 2007).

На наш взгляд, монополизацию производства необходимо рассматривать в разрезе исторического развития экономики как объективную тенденцию. Монополизация представляет собой социально-экономический процесс становления монополии в качестве хозяйственной структуры, сложного комплекса, элемента институциональной структуры общества.

Предпосылкой монополизации экономики стали общественное разделение труда, частная собственность и объективное стремление участников рынка занять доминирующее положение, обеспечить себе максимальную прибыль. Рынок дал, по сути, единственно возможный ответ на это стремление, исходя из своих имманентных свойств, схожих с законами животного мира: выживает сильнейший. Экономическая сила монополий определяется объемами их капитала, масштабами производства и охватом рынка. Диалектика развития конкуренции на рынке такова, что она в принципе не способна сохраняться в «совершенном» состоянии и, как следствие, переходит в свою противоположность – монополию.

Концентрация капитала приносит компаниям объективные преимущества перед конкурентами: возможность максимально использовать эффект от масштаба производства, который ведёт к сокращению издержек на единицу продукции; возможность мобилизовать финансовые ресурсы для своевременного обновления капитала; возможность широкого использования достижений НТП и, следовательно, повышения производительности труда; возможность минимизировать транзакционные издержки и риск неопределённости; возможность пережить кризисные времена путём оптимизации ресурсов предприятия и т. д. Всё это дало существенный толчок развитию капиталистической экономики.

Но всё течёт, всё изменяется. В соответствии с законами диалектики, явление, играющее в определённых условиях прогрессивную роль, в других условиях – переходит в иное, часто противоположное качество. По мере монополизации экономики, концентрации капитала и появления гигантских корпораций, сравнимых по своему влиянию с некоторыми государствами, монополии становятся если не тормозом общественного развития, то по крайней мере серьёзными факторами риска.

К традиционным недостаткам укрупнённых производств в рыночных условиях – монопольное завышение цены и переложение издержек на потребителя и другие компании и отрасли; возможность в том или ином случае иррационально, с общественной точки зрения, регулировать цены и объёмы выпуска; возможность сдерживать технический прогресс и экономить на качестве – добавились новые. Монополии получили возможность в некоторой степени подчинить себе общество, обеспечить монопольно-административный диктат, подменяющий экономический механизм. Жесточайшая эксплуатация колоний и неокolonий, которая усугубляет общественные дисбалансы и тормозит развитие отсталых стран, войны за рынки сбыта и ресурсы, где государство используется как инструмент, проводник интересов монополий, загрязнение окружающей среды – всё это реальные угрозы для современного общества, в корне которых лежит старое, как мир, стремление капиталистов к максимизации прибыли.

При этом положительные черты монополий и, главное, их потенциал не только не исчезли со временем, но и получили развитие, вышли на новый уровень. Корпорации способны вкладывать в развитие НИОКР больше средств, чем многие государства. Трансконтинентальная деятельность монополий сводит к минимуму торговлю, а следовательно, транзакционные и спекулятивные издержки. Эффект масштаба и, как следствие, экономия также приобретают сегодня глобальный размах. Крупные корпорации демонстрируют более высокую производительность труда и инновационную активность по сравнению с предприятиями малого и среднего бизнеса.

Двойственная природа и противоречивость последствий монополизации экономики не позволяют, на наш взгляд, давать резкие, односторонние оценки этому явлению. Часто можно встретить предложения о необходимости решительной демонополизации экономики. Особенно это касается России, где на господство крупных предприятий, унаследованных от советских времён, принято перекладывать ответственность за низкий уровень развития отечественной экономики. Так, по мнению В.П. Оболенского, «следовало бы последовательно сокращать степень монополизации экономики: сейчас, по оценкам специалистов-практиков и экспертного сообщества, монополизирована половина производства и обращения. Очевидно, что у монополистов по определению не возникает потребности в снижении издержек, повышении производительности труда и, следовательно, конкурентоспособности товаров и услуг, их доходы могут расти за счет простого увеличения цен» (Оболенский, 2015. С. 82). Однако такой подход видится нам однобоким, не учитывающим диалектику процесса.

В этой связи вполне логичным выглядит предложение, выработанное марксизмом: не уничтожать монополии и не давать им свободу, но подчинить интересам большинства, т. е. социализировать их. Тем самым мы сумеем оградить общество от влияния негативных черт и использовать преимущества монополий, описанные выше. Развитие производительных сил уже обеспечило предпосылки для такого шага. Ещё в начале XX в. Ленин отмечал, что концентрация дошла до того, что имеется возможность произвести приблизительный учет всем источникам сырья во всем мире, и что эти источники захватываются в одни руки гигантскими монополистическими союзами. Капитализм, таким образом, сам подошёл к обобществлению производства вопреки воле самих капиталистов.

ЛИТЕРАТУРА

Акулов В.Б., Рудаков М.Н. (2002). Теория экономической организации / В кн.: Акулов В.Б., Рудаков М.Н. Теория организации. Петрозаводск: ПетрГУ, гл. 2 // *Административно-управленческий портал* (<http://www.aup.ru/books/m150/9.htm>).

Артемов А.В. (2007). Управление экономикой на основе государственного сектора // *Менеджмент в России и за рубежом*, № 6, с. 20–29.

Газпром (2014). Акционерам и инвесторам // ОАО «Газпром» (<http://www.gazprom.ru/investors/stock/>).

Гевара Э. (2003). Речь на втором экономическом семинаре организации афро-азиатской солидарности // *Прорыв*, № 3(5) (http://proriv.ru/articles.shtml/guevara?algiers_speech).

Euronews (2013). Полиция силой разогнала забастовку в Бангладеш // *Euronews*, 25 сентября (<http://ru.euronews.com/2013/09/25/police-in-bangladesh-open-fire-as-textile-workers-protest-over-pay/>).

Ленин В.И. (1969). Полн. собр. соч., т. 27. М.: Государственное издательство политической литературы.

Люксембург Р. (1924). Накопление капитала. М.: Государственное издательство политической литературы.

Мамедов О.Ю. (2003). Незванный эмпиризм – хуже схоластики // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, т. 1, № 3, с. 20–23.

Маркс К., Энгельс Ф. (1955а). Сочинения, т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы.

Маркс К., Энгельс Ф. (1955б). Сочинения, т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы.

Оболенский В.П. (2015). «Нужна благоприятная и предсказуемая бизнес-среда» // *Мир перемен, специальный выпуск*, с. 79–83.

Роснефть (2015). Структура акционерного капитала // ОАО «НК «Роснефть» (http://www.rosneft.ru/Investors/structure/share_capital/).

Шишков Ю. (2012). Невозможное триединство в эпоху финансовой глобализации // *Мировая экономика и международные отношения*, № 5, с. 3–14.

Baran P. and Sweesy P. (1966). *Monopoly Capital*. New York: Monthly Review Press.

BIS (2015). BIS Quarterly Review: March 2015 // *Bank for International Settlements* (<http://www.bis.org/statistics/hanx18.csv>).

France24 (2013). Latest Somalia famine killed 258,000 people: UN report // *France24* (<http://www.france24.com/en/20130502-somalia-famine-killed-258000-people-un-report>).

IMF (2015). World Economic Outlook Database, April // *International Monetary Fund* (<http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/01/weodata/weorept.aspx?sy=1994&ey=2014&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&pr1.x=49&pr1.y=5&c=001&s=NGDPD&grp=1&a=1>).

Kalecki M. (1971). *Selected essays on the dynamics of the capitalist economy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kobe K. (2012). Small Business GDP: Update 2002–2010 // *US Small Business Administration* (<https://www.sba.gov/content/small-business-gdp-update-2002-2010>).

U.S. Census Bureau (1989). Statistical Abstract of the United States: 1989 // *U.S. Census Bureau* (http://www.census.gov/prod/www/statistical_abstract.html).

U.S. Census Bureau (1997). Economic Census, Concentration Ratios by Sector for the United States // *U.S. Census Bureau* (http://www.census.gov/econ/census/help/sector/data_topics/concentration_ratios.html).

U.S. Census Bureau (1999). Statistical Abstract of the United States: 1999 // *U.S. Census Bureau* (http://www.census.gov/prod/www/statistical_abstract.html).

U.S. Census Bureau (2001). Statistical Abstract of the United States: 2001 // *U.S. Census Bureau* (http://www.census.gov/prod/www/statistical_abstract.html).

U.S. Census Bureau (2002). Economic Census, Concentration Ratios by Sector for the United States // *U.S. Census Bureau* (http://www.census.gov/econ/census/help/sector/data_topics/concentration_ratios.html).

U.S. Census Bureau (2004). Statistical Abstract of the United States: 2004–2005 // *U.S. Census Bureau* (http://www.census.gov/prod/www/statistical_abstract.html).

U.S. Census Bureau (2007). Economic Census, Concentration Ratios by Sector for the United States // *U.S. Census Bureau* (http://www.census.gov/econ/census/help/sector/data_topics/concentration_ratios.html).

U.S. Census Bureau (2010). Statistical Abstract of the United States: 2010 // *U.S. Census Bureau* (http://www.census.gov/prod/www/statistical_abstract.html).

U.S. Census Bureau (2014). Statistical Abstract of the United States: 2014 // *U.S. Census Bureau* (http://www.census.gov/prod/www/statistical_abstract.html).

REFERENCES

Akulov V.B. and Rudakov M.N. (2002). Theory of economic organization / In: Akulov V.B. and Rudakov M.N. *Theory of organization*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, ch. 2. *Administrative and management portal* (<http://www.aup.ru/books/m150/9.htm>). (In Russian.)

Artemov A.V. (2007). Managing the economy on the state ownership basis. *Managenemt in Russia and abroad [Menedzhment v Rossii i za rubezhom]*, no. 6, pp. 20–29. (In Russian.)

- Guevara E. (2003). Speech to the Second Economic Seminar of Afro-Asian Solidarity Organisation. *Outbreak [Obchshestvenno-politicheskii zhurnal «Proryv»]*, no. 3(5) (http://proriv.ru/articles.shtml/guevara?algiers_speech). (In Russian.)
- Lenin V.I. (1969). The complete set of works, vol. 27. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury. (In Russian.)
- Ljuksemburg R. (1924). Capital accumulation. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury. (In Russian.)
- Mamedov O.Y. (2003). Unbidden empiricism is worse than scholastics! *Terra Economicus*, vol. 1, no. 3, pp. 20–23. (In Russian.)
- Marks K. and Engels F. (1955a). Works, vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury. (In Russian.)
- Marks K. and Engels F. (1955b). Works, vol. 23. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury. (In Russian.)
- Obolenskij V.P. (2015). Favourable and predictable business-environment is needed. *The world of change [Mir peremen]*, Special issue, pp. 79–83. (In Russian.)
- Shishkov Yu. (2012). Impossible trinity in the era of financial globalization. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 5, pp. 3–12. (In Russian.)
- Baran P. and Sweezy P. (1966). Monopoly Capital. New York: Monthly Review Press.
- BIS (2015). BIS Quarterly Review: March 2015. *Bank for International Settlements* (<http://www.bis.org/statistics/hanx18.csv>).
- Euronews (2013). Police in Bangladesh open fire as textile workers protest over-pay. *Euronews*, September 25 (<http://www.euronews.com/2013/09/25/police-in-bangladesh-open-fire-as-textile-workers-protest-over-pay/>).
- France24 (2013). Latest Somalia famine killed 258,000 people: UN report. *France24* (<http://www.france24.com/en/20130502-somalia-famine-killed-258000-people-un-report>).
- Gazprom (2014). Investors. *Open Joint Stock Company Gazprom* (<http://www.gazprom.com/investors/stock/>).
- IMF (2015). World Economic Outlook Database, April. *International Monetary Fund* (<http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/01/weodata/weorept.aspx?sy=1994&ey=2014&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&pr1.x=49&pr1.y=5&c=001&s=NGDPD&grp=1&a=1>).
- Kalecki M. (1971). Selected essays on the dynamics of the capitalist economy. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kobe K. (2012). Small Business GDP: Update 2002–2010. *US Small Business Administration* (<https://www.sba.gov/content/small-business-gdp-update-2002-2010>).
- Роснефть (2015). Shareholder Structure. *Open Joint Stock Company Rosneft* (http://www.rosneft.com/Investors/structure/share_capital/).
- U.S. Census Bureau (1989). Statistical Abstract of the United States: 1989. *U.S. Census Bureau* (http://www.census.gov/prod/www/statistical_abstract.html).
- U.S. Census Bureau (1997). Economic Census, Concentration Ratios by Sector for the United States. *U.S. Census Bureau* (http://www.census.gov/econ/census/help/sector/data_topics/concentration_ratios.html).
- U.S. Census Bureau (1999). Statistical Abstract of the United States: 1999. *U.S. Census Bureau* (http://www.census.gov/prod/www/statistical_abstract.html).
- U.S. Census Bureau (2001). Statistical Abstract of the United States: 2001. *U.S. Census Bureau* (http://www.census.gov/prod/www/statistical_abstract.html).
- U.S. Census Bureau (2002). Economic Census, Concentration Ratios by Sector for the United States. *U.S. Census Bureau* (http://www.census.gov/econ/census/help/sector/data_topics/concentration_ratios.html).
- U.S. Census Bureau (2004). Statistical Abstract of the United States: 2004–2005. *U.S. Census Bureau* (http://www.census.gov/prod/www/statistical_abstract.html).
- U.S. Census Bureau (2007). Economic Census, Concentration Ratios by Sector for the United States. *U.S. Census Bureau* (http://www.census.gov/econ/census/help/sector/data_topics/concentration_ratios.html).
- U.S. Census Bureau (2010). Statistical Abstract of the United States: 2010. *U.S. Census Bureau* (http://www.census.gov/prod/www/statistical_abstract.html).
- U.S. Census Bureau (2014). Statistical Abstract of the United States: 2014. *U.S. Census Bureau* (http://www.census.gov/prod/www/statistical_abstract.html).

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ПАРОХОДСТВА И ТОРГОВЛИ: УЧРЕЖДЕНИЕ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ (1856–1864 ГГ.)

М.Н. БАРЫШНИКОВ,

заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: barmini@list.ru

Транспортный бизнес представлял собой значимый фактор регионального развития экономики Российской империи. Данное исследование раскрывает его значимость и проблемы, связанные с эффективностью деятельности крупной транспортной компании на примере эмпирических данных Русского общества пароходства и торговли за 1856–1864 гг. Особое внимание уделяется анализу институциональных и организационных новаций, влиявших на эффективность деятельности фирмы в условиях складывавшейся в Российской империи социальной и политической ситуации. Центральным в исследовании выступает анализ исторической эволюции Русского общества пароходства и торговли (РОПут) как механизма организационной координации частных, общественных и государственных интересов, используемого для привлечения необходимых ресурсов (интеллектуальных, финансовых, информационных, производственных и т. д.) для реализации перспектив ускоренного развития экономики черноморского региона. В статье содержится ряд новых подходов к объяснению институциональных аспектов функционирования компании. Показывается структура ее собственности и управления, характер взаимоотношений в среде управленцев и акционеров, процесс разработки и реализации стратегических и оперативных планов.

Ключевые слова: Российская империя; Русское общество пароходства и торговли; черноморский регион; собственность; управление; интересы акционеров.

RUSSIAN SOCIETY OF SHIPPING AND TRADE: ESTABLISHMENT, OPERATION AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT (1856–1864)

M.N. BARYSHNIKOV,

Doctor of Historical Sciences, Professor,
The Herzen State Pedagogical University of Russia, S.-Petersburg, Russia,
e-mail: barmini@list.ru

Transport business was a significant factor in the economic development of the Russian Empire. This study reveals the importance and problems associated with the efficiency of the major transport corporation as an example of empirical data Russian Steam Navigation and Trading Company (in 1856–1864). Particular attention is paid to the analysis of institutional and organizational innovations affecting the efficiency of the company in the social and political conditions of the Russian Empire. The central part of the research is an analysis of the historical evolution of the Russian Steam Navigation and Trading Company as a mechanism of the organizational coordination of the private, public and state interests which is used for attracting the necessary resources (intellectual, financial, informational, productive, etc.) for the implementation of the outlook of accelerated development of the regional economy of the Black Sea region. The article contains a number of new approaches to

the explanation of the institutional aspects of the company. It shows the structure of ownership and control, orientation relationships among managers and shareholders, the process of development and implementation of strategic and operational plans.

Keywords: *Russian Empire; Russian Society of Shipping and Trade; Black Sea region; ownership; management; shareholders' interests.*

JEL classifications: *N80.*

Введение

История одной из крупнейших в Российской империи транспортных фирм – Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) – неразрывно связана с процессами социально-экономического развития страны во второй половине XIX – начале XX вв. После Крымской войны эта компания взяла на себя ключевую роль в восстановлении судостроительного и ремонтного хозяйства Севастополя, развитии грузовых и пассажирских перевозок между портами черноморского, балтийского и дальневосточного побережья России, а также налаживании транспортного сообщения с европейскими и азиатскими странами. Деятельность РОПиТ способствовала укреплению хозяйственного и оборонного потенциала причерноморских территорий России и, тем самым, усилению ее позиций как морской державы. К концу XIX в. во многом усилиями Общества удалось создать в Севастополе мощную военно-морскую базу и обеспечить ее дальнейшее развитие в начале XX в. Отметим, что в данном контексте чаще всего освещалась история функционирования компании в новейшей литературе. Вместе с тем, рассмотрение прошлого Общества нередко ограничивалось популярными очерками, которые практически не затрагивали значительного объема архивного материала и опубликованных до 1917 г. документальных данных по его операциям. Описание наиболее значимых событий в деятельности РОПиТа, касавшихся состава флота и его функционирования, а также биографий отдельных руководителей фирмы, в основном сопровождало обращение к истории функционирования Общества за всю его 60-летнюю историю. Между тем за рамками научных изысканий оставались многочисленные сюжеты, касавшиеся, в частности, характерных для тех или иных периодов изменений в структуре собственности и управления компании, ее финансового и хозяйственного облика, поиска перспективных направлений развития судоходства (в том числе межрегионального), особенностей согласования частных и групповых интересов во взаимоотношениях акционеров, управленческого персонала и властных структур. И практически не исследованным являлось место черноморского региона в пространстве деловых операций РОПиТ применительно к четырем основным этапам, которые оценивались руководством фирмы как основные по результатам ее коммерческой деятельности: 1) с 1856 по 1864 гг.; 2) 1865–1878 гг.; 3) 1879–1890 гг.; 4) 1891–1905 гг. (начало пятого этапа подразумевалось с 1906–1907 гг.) (РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2561. Л.2).

Отметим, что к началу XX в. логика роста масштабов компании и совершенствование механизмов ее функционирования позволили относительно безболезненно преодолеть кризисную ситуацию в российской экономике 1901–1903 гг. (в это время прибыль компании выросла с 637,9 тыс. до 2,2 млн руб.) с последующим увеличением за десятилетие стоимости активов с 25,4 до 36,7 млн руб. С учетом последовательной реализации Обществом задач частно-государственного партнерства, наиболее полно проявившейся в ходе поддержки действий русской армии и флота в период русско-турецкой войны, а затем Первой мировой войны (к этому времени РОПиТ сохранял лидирующие позиции среди отечественных пароходных фирм (*Акционерно-паевые...*, 1917. С.502)), представляется крайне важным проанализировать отдельные периоды деятельности компании во всем многообразии их фактического содержания. В данном смысле комплексное, сквозное изучение экономических, организационных, институциональных и социальных аспектов учреждения и функционирования Общества и, в этой связи, его роли в развитии хозяйственного, оборонного и социокультурного потенциала черноморского региона России выступает чрезвычайно важной проблемой современных исторических изысканий.

Первым опытом освещения операций РОПиТ стала краткая статистическая информация, представленная в брошюре А.А.Скальковского (*Скальковский, 1870*). В дальнейшем его сыном К.А. Скальковским подготовлен труд, обобщающий данные по регулярному судоходству в черноморском регионе (*Скальковский, 1887*). Наиболее полно для своего времени деятельность Общества, прежде всего в начальные годы его существования, отражена в книге С.И. Иловайского (*Иловайский, 1907*). История ее написания началась 17 ноября 1903 г., когда правление компании ответило согласием на предложение профессора финансового права Императорского Новороссийского уни-

верситета подготовить исследование, посвященное пятидесятилетней истории функционирования РОПиТ. В течение последующих четырех лет велась работа в соответствии со сформулированным Иловайским планом, который включал следующие направления: «1. Составить подробную летопись Общества по годам с приведением всех более или менее важных событий в его жизни; 2. Рассмотреть историю Общества по отдельным периодам, разграничивая таковые по изменениям Устава Общества и по переменам в управлении его делами; 3. Подвести итог деятельности Общества за 50 лет и наметить программу его будущего». Последнее положение представлялось особенно интересным, учитывая, что Иловайский и его супруга состояли акционерами компании. Не менее ценным представлялось намерение профессора отразить историю Общества с «разных сторон его жизни, например, изменения в составе его флота, в перевозке пассажиров и грузов, в фрахтах, в курсе его акций, в величине его дивидендов, помильной плате и т. д.» (РГИА, ф. 678, оп. 1, д. 1382. Л.1). Иловайскому почти удалось завершить работу над первой частью книги, когда, 13 апреля 1907 г., последовала его кончина. По словам вдовы, Е.С. Иловайской, выполняя волю покойного, ей пришлось взять «на себя смелость» закончить 1-ю часть к юбилею Общества. В обращении к руководству РОПиТ она просила отнестись «снисходительно» к своей работе, «к недостатку полноты и законченности, которыми она грешит» (РГИА, ф. 678, оп. 1, д. 1290. Л.8). Истины ради отметим, что опубликованная книга оказалась чрезвычайно насыщенной с фактической стороны, хотя и без сносок на использованные источники. Вместе с тем остается под вопросом авторская концепция опубликованного в 1907 г. текста. Речь идет о возможных изменениях, которые могли быть внесены в него не только вдовой, но и руководителями Общества.

В новейшей литературе история создания и функционирования Общества остается фрагментарно освещенной, будучи представленной лишь несколькими публикациями. Речь идет в первую очередь о характеристике отдельных сюжетов, связанных с деятельностью РОПиТ. Отметим в связи с этим публикации (Вейкова, 2006; Степанов, 2011), посвященные организационному оформлению РОПиТ в 1856 г. С использованием архивных материалов в этих статьях рассматриваются начальные годы Общества (от инициативы создания до первого собрания акционеров), показывается вклад правительства и учредителей в организацию акционерной компании. Представляют также интерес публикации, касающиеся источниковедческих аспектов функционирования Общества (Гребцова, 1997), его деятельности в Севастополе (Шевченко, 2006; Шевякова, 2006). Отдельно отметим статью обзорного характера (Лемачко, Яровой, 1991) и справочник (Трифонов, Лемачко, 2009), дающий в хронологическом порядке краткую информацию по пароходам РОПиТ с 1856 по 1932 гг., а также исследования, посвященные развитию судоходства в черноморском регионе в рассматриваемый период (Эфенди-Заде, 1980; Коновалов, 1981).

Вместе с тем более основательного анализа ждет коммерческая составляющая деятельности РОПиТ, включая операции региональной и хозяйственной направленности (в том числе в сфере грузо- и пассажироперевозок) с сопутствующим им организационным обеспечением. Представленная статья ориентирована на восполнение этого пробела применительно к начальному периоду работы компании (1856–1864 гг.), с учетом комплексного анализа тех или иных аспектов ее функционирования в контексте интеграции северного причерноморья в единое экономическое, геополитическое и социокультурное пространство Российской империи. Не меньшую значимость представляет анализ сюжетов, касающихся проблем согласования интересов в среде владельцев РОПиТ. Речь идет прежде всего о кризисной ситуации, сложившейся в работе Общества к началу 1860-х гг. В рукописном варианте первых глав книги С.И. Иловайский по этому поводу осторожно заметил, что осуществление уставного плана по созданию пароходства «встретило много препятствий и затруднений» (РГИА, ф. 678, оп. 1, д. 1382. Л.14). В связи с этим подчеркнем, что возникшая ситуация повлекла за собой серьезные изменения в хозяйственном и организационно-правовом устройстве компании, сопровождавшиеся обострением разногласий в среде акционеров и высшего управленческого звена. Эти разногласия оказались в свою очередь дополнены отказом правительства участвовать в корпоративных спорах и последующим его решением выйти из состава собственников. В данном отношении примечательным выглядит авторский подход, представленный в опубликованной книге С.И. Иловайского. Здесь, в частности, не акцентируется место Н.А. Аркаса в деятельности РОПиТ (при одновременном подчеркивании роли другого руководителя – Н.А. Новосельского), хотя первый был выдвинут на должность учредителя компании именно правительством. Можно утверждать, что разбалансированность интересов в среде руководства стала проявлением более глубокого кризиса, переживаемого компанией в условиях поиска собственного места в российском и мировом пространстве транспортных сообщений того времени.

Создание Русского общества пароходства и торговли

Более четко начальный период деятельности пароходства представляется при сравнительном анализе оценок, данных современниками. 1 ноября 1856 г. в обращении к прибывшим на первое общее собрание акционерам РОПиТ учредители компании Н.А. Аркас и Н.А. Новосельский пояснили, что столь «счастливым успехом и неоправданно скорым образованием своим Общество обязано благому содействию правительства, щедро обеспечившему прочное основание оно, и Вашему Милостивые Государи горячему сочувствию к делу Русского предприятия нашего, имеющего целью развитие внутренних промышленных сил богатого и обширного края России <подразумевалась территория Северного и Восточного Причерноморья империи – М.Б.>, помощью правильных пароходных сообщений между русскими портами Черного и Азовского морей и по рекам в них впадающим и учреждением таковых сообщений с иностранными государствами» (РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2. Л.38). Спустя пять лет Н.П. Пероziо, известный публицист по экономическим вопросам, констатировал явное «расстройство» дел в РОПиТ: «производ, дурная отчетность и несуществование вовсе никакого контроля, до сего времени характеризуют эту компанию во всех отношениях...» (Пероziо, 1862. С. 1–2). Примерно такой же позиции придерживались ревизовавшие дела Общества миноритарные акционеры П.Ю. Лисянский (сын российского мореплавателя Ю.Ф. Лисянского), В.М. Жемчужников и П.М. Ковалевский, в конечном счете пришедшие к выводу, что как собственники, так и управленцы РОПиТ – все «одинаково были не подготовлены к делу, за которое брались» (РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 132, л. 46–47).

Что же произошло с акционерной компанией, ставшей не только крупнейшей для своего времени в сфере отечественного морского транспортного сообщения, но и, как казалось, наглядным примером оптимальной реализации модели частно-государственного партнерства в Российской империи? Не меньшим по значимости сюжетом представляется вопрос о выходе из проблемной ситуации, в которой оказался РОПиТ, тем более с учетом последовавшего в дальнейшем роста масштабов и эффективности его операций. В данном случае вполне точным выступало сведение руководством Общества возникших трудностей и способов их преодоления к двум группам: 1) Финансовая политика и характер эксплуатации пароходных линий; 2) Управление компанией (РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 132. Л. 46). Рассмотрим две эти проблемные области применительно к 1856–1864 гг., ставшим начальным и в этом смысле узловым по своей значимости этапом функционирования РОПиТ.

К середине 1850-х гг. Юг России становится одним из богатейших ее рынков сельскохозяйственных товаров России. Из этой части страны вывозились громадные массы зерновых культур, шерсти и продуктов животноводства. Долгие годы этот край играл выдающуюся роль в обеспечении западных стран продовольственными товарами (Морозан, 2014. С. 447). Между тем ситуация с государственным регулированием транспортного сообщения на Черном море в начале 1850-х гг. представляла собой крайне сложную и малоэффективную картину хозяйствования. По справедливому замечанию А.А. Скальковского, в это время, «несмотря на все жертвы и старания правительства, оно располагало только 12 пароходами в 1900 паровых сил, которые содержали две заграничные (Константинопольскую и Галацкую) и четыре внутренние линии и перевозили от 16 000 до 23 000 пассажиров, принося от 150 000 до 190 000 рублей ежегодно» (Скальковский, 1870. С. 14). В свою очередь в начале сентября 1856 г. Н.А. Аркас и Н.А. Новосельский, тогда еще единомышленники, отмечали крайне низкий уровень участия российских кораблей в торговом мореплавании на Черном и Азовском морях: к середине XIX в. по общему количеству судов и объему оборота этот показатель не превышал 12% (РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 14. Л. 43).

6 февраля 1856 г., еще до завершения неудачной для России Крымской войны (Парижский мирный договор подписан в марте), великий князь Константин Николаевич представил императору Александру II доклад, в котором подчеркнул, что в «случае заключения мира было бы весьма полезно учредить на Черном море в самых больших размерах частное Пароходное общество на акциях, которое содержало бы постоянно сколь возможно большее число самых больших пароходов, построенных с таким расчетом, чтобы, когда понадобится, правительство могло нанять или купить их для перевозки десанта и обращения в боевые суда. Для сего необходимо предоставить упомянутому обществу такие преимущества, которые побудили бы русских капиталистов употребить на него неотлагательно значительные капиталы и которые обеспечили бы постоянное коммерческое плавание компанийских пароходов» (Вейкова, 2006. С. 268). По сути, этими словами оказались сформулированы основные положения, в соответствии с которыми предполагалось создать пароходство (получившее затем название РОПиТ) со всеми присущими ему характеристиками деятельности (как положительными, так и негативными).

Выделим здесь ключевое словосочетание «сколь возможно большее число самых больших пароходов» и слово «преимущества»: в них заключались особенности построения организационной

и хозяйственной системы функционирования Общества в первые годы. Дело в том, что в соответствии с уставом РОПит (подписан Александром II 3 августа того же года) правительство в «видах поощрения и поддержания» производило со времени открытия его действий ежегодную «помильную плату» (этот термин введен по настоянию правительства, вместо предложенного учредителями слова «субсидии» (*РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1. Л. 15*)), которая варьировалась в первое десятилетие в зависимости от каждой из 9 пароходных линий от 2 руб. 50 $\frac{1}{2}$ коп. (между Керчью, Мариуполем, Бердянском, Эйском и Таганрогом) до 5 руб. 22 коп. (Одессой, Константинополем, Афоном, Смирной, Родосом, Александреттой, Бейрутом, Яфрой и Александрией). В течение последующих десяти лет эта плата уменьшалась ежегодно на 5%, т. е. последний двадцатый год составлял лишь 50% первоначальной суммы (*Устав..., 1856. С. 8–9*). В результате правление компании оказалось заинтересовано в возможно быстром открытии операций фирмы и начале закупки пароходов при отсутствии четко разработанного финансово-хозяйственного плана, в том числе по созданию необходимой портовой инфраструктуры в причерноморских городах. Подобная уверенность в действиях происходила, в частности, из убежденности двух учредителей – Н.А. Аркаса и Н.А. Новосельского – в готовности властей оказать пароходству всемерную поддержку. С согласия правительства в Устав вносится пункт, по которому все «военные и гражданские начальства и присутственные места должны разуметь Общество как учреждение особенно полезное для отечественной промышленности и торговли, а потому обязаны не только оказывать Обществу всякую помощь, защиту и покровительство, но и от всяких могущих последовать ему убытков и вреда предостерегать». Кроме того, российские консулы в зарубежных странах обязывались предоставлять компании не только возможную с их стороны помощь, но и «принимать самое живое участие в его интересах» (*Устав..., 1856. С. 12*). Само правительство заявило о приобретении 6 670 из 20 000 акций (первоначально устав капитал составлял 6 млн руб.), на 2,1 млн рублей.

Что касается приобретения акций частными лицами, то здесь наблюдалась, как затем будет отмечено самими владельцами Общества, поразительная «легкость собирания капиталов»: вслед за утверждением устава начатая эмиссионная операция вызвала среди состоятельной публики настоящий ажиотаж. Поддержка властей и в этом смысле надежды на скорую большую прибыль обернулись «общим сочувствием» к предприятию (*РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 132. Л. 46–47*). Например, в Москве на обеде, данном 12 сентября 1856 г. в честь городских голов, которые прибыли на коронацию Александра II, крупный предприниматель В.А.Кокорев предложил тост за «правильное» развитие русской промышленности. При этом он указал на создание РОПит как пример, «сулящий нашей промышленности развитие и процветание». Более того, учреждение Общества должно послужить «нашему сближению с Европой и даст нам возможность передавать в нее удобно и скоро все наши избытки, а равно получать все нам нужное». После обеда Кокорев призвал подписываться на акции компании, после чего «немедленно» их было разобрано на 250 тыс. руб. (*Иловайский, 1907. С. 25*). В течение осени 1856 г. особенно активно приобретение акций происходило в Петербурге и Москве, но имели место и другие региональные примеры, в том числе приобретение акций крымскими православными скитами (*РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 13. Л. 140*). Ключевые аукционеры РОПит представлены в табл. 1.

Таблица 1

Ключевые акционеры РОПит (ноябрь 1856 г.)

Собственник	Показатели	Число акций	Число голосов
Правительство		6 670	46
Кокорев В.А.		1 987	15
Родоконали Ф.И.		1 200	10
Великий князь Константин Николаевич		1 000	8
Торговый дом «Симон Якоби и К°»		810	8
Гизико А.А. 3-й гильдии купец		495	5
Карр М.Е. 1-й гильдии купец		410	4
Жадимировский И.И. 1-й гильдии купец		250	3
Алфераки Н.Д. статский советник		164	3
Фридерикс Б.А. барон		150	3

Источник: (*РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2.Л. 21–23*)

Главный вопрос заключался в том, как будут согласовываться интересы частных владельцев и чиновников в плане влияния на направленность развития РОПиТ, тем более с учетом того, что правительству принадлежала одна треть акций (помимо прочего, такое количество специально упоминалось в уставе для «внушения подписчикам большего доверия к предприятию») и соответствующее число голосов. Еще 1550 акций перешли в собственность представителей царской фамилии, в том числе по 50 – сыновьям императора Александра II: Николаю, Александру, Владимиру и Алексею. Большая часть уставного капитала оказалась под контролем частных лиц и фирм, прежде всего В.А. Кокорева и торговца, грека по происхождению Ф.И. Родоконаки. Однако ни один из представителей отечественного делового мира, включая активно участвовавших в организации Общества московских купцов А.И. Хлудова, К.Т. Солдатенкова и В.А. Медынцева, в число подписавших устав РОПиТ включен не был. Как покажет опыт функционирования пароходства, при отсутствии в нем специального контролирующего органа, а также настороженности центральных и местных властей в отношении возможности стать ответственными за непосредственную работу компании (даже при наличии из шести членов петербургского правления двух лиц, представлявших правительственные учреждения – Морское министерство и Министерство финансов), определение стратегии и оперативной направленности действий оказалось связано с позицией директоров-распорядителей: капитана 1-го ранга Н.А. Аркаса и коллежского советника Н.А. Новосельского. Поскольку же последние заняли посты учредителей при непосредственной поддержке царской семьи и правительства, и в этом смысле пользовались неограниченным кредитом доверия со стороны практически всех собственников (находившихся в Петербурге), дальнейшая деятельность РОПиТ все более стала определяться решениями, принимаемыми директорами-распорядителями в рамках работы одесской конторы. Последняя, находясь в регионе операций Общества, получила потенциальную возможность определять деятельность компании независимо от мнения не только членов петербургского правления, но и абсолютного большинства акционеров. В свою очередь интересы последних оказались тесно переплетены с предпочтениями столичных чиновников, особенно после принятого ими решения выплачивать в течение 5 лет дивиденды с правительственных акций в пользу частных собственников пароходства. Считалось, что такая мера, увеличивая дивиденд прочих акционеров, может послужить «могущественным способом для привлечения частных капиталов и частного кредита» (РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1. Л. 17).

При организации Общества возник ряд сюжетов, ранее не находившихся в поле зрения учредителей. Так, решено было взять за основу устав Российско-Американской компании, с соответствующим разрешением со стороны правительства состоять фирме под Высочайшим Его Императорского Величества «покровительством». Заметим, что Н.А. Аркас и Н.А. Новосельский ранее ходатайствовали о большем: введении в название именованная «Императорское Русское общество пароходства и торговли». Нереализованным оказались также их замыслы о бесплатной «приватизации» имущества уже действующего на Черном море полугосударственного транспортного предприятия – Новороссийской пароходной экспедиции. Министерство финансов признало «справедливым оговорить в проекте устава, что пароходы Новороссийской экспедиции будут переданы Обществу по соглашению одного с теми ведомствами, на капиталы коих эти пароходы приобретены, и притом по миновании в них надобности Правительству». Это же касалось и прочего имущества экспедиции, в том числе причальных сооружений, складов и т. д. В итоге, правительственные чиновники порекомендовали вообще отказаться от термина «бесплатное» приобретение имущества, используя вместо него фразу «на том же основании, на каком предоставлены были в пользу экспедиции» (РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1. Л. 6–8).

Особенно важным выглядело то обстоятельство, что первоначально, по замыслу учредителей, Общество должно было сосредоточиться на развитии внутрироссийских морских и речных сообщений. Однако по настоянию правительства §-1 устава дополняется положением о «праве» компании «учреждать линии сообщения и за пределами Черного моря» (РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1. Л. 2). Эта корректировка в дальнейшем существенно осложнит планы Н.А. Аркаса и Н.А. Новосельского по развитию операций пароходства. В соответствии с согласованным с правительственными чиновниками текстом устава, рейсы РОПиТ предполагались осуществляться по одиннадцати срочным (обязательным) линиям: 1. Между Одессою, Константинополем, Афоном, Смирной, Родосом, Александреттой, Бейрутом, Яффою и Александрией – три раза в месяц (Александрийская линия); 2. Между Одессою, Ялтою, Редут-Кале и Керчью, вдоль Кавказского берега с возможностью продолжения сообщения далее по Анатолийскому берегу Турции до Константинополя, где пароходы могли встречаться и обмениваться грузами и пассажирами с другими линиями – три раза в месяц (Кавказская линия); 3. Между Одес-

сой и Галацом, с заходом в Сулин, Измаил, Рени и другие порты по р. Дунаю – еженедельно (Галацкая линия); 4. Между Одессой, Евпаторией, Севастополем, Ялтой, Феодосией и Керчью – еженедельно (Крымская линия); 5. Между Одессой, Кинбурном, Очаковым и Николаевым, и выше по р. Бугу в случае необходимости, – еженедельно (Николаевская линия); 6. Между Одессой, Кинбурном, Очаковым и Херсоном и выше по р. Днепру – еженедельно (Херсонская линия); 7. Между Керчью, Мариуполем, Бердянском, Эйском и Таганрогом – еженедельно (Азовская линия); 8. Между Одессой, Константинополем, островом Сира, Пиреем, Неаполем, Ливорно, Генуей и Марселем – около 18 несрочных рейсов в год (Марсельская линия); 9. Между Одессой, Константинополем, островами: Сира, Зант, Кефалония и Корфу, Бары, Анконою и Триестом – около 18 несрочных рейсов в год (Триестская линия); а также переправы: 10. Между Керчью и Таманью и 11. Между Овидополем и Аккерманом – столько раз в день, сколько окажется нужным (*Устав...*, 1856. С. 3–4).

Предполагалось, что эти линии будут открываться «постепенно, по мере сооружения пароходов и сначала при меньшем числе рейсов», а их эксплуатация будет «зависеть от средств Общества и местных потребностей, по соглашению Общества с правительством» (*Устав...*, 1856. С. 5). Однако уже спустя две недели после первого собрания акционеров Н.А. Новосельский предложил форсировать покупку пароходов, что позволило бы открыть движение по ряду обязательных линий, даже при отсутствии в то время необходимого у РОПиТ кадрового потенциала (соответствующего числа офицеров и матросов), судоремонтной базы и надежного источника обеспечения топливом. Было решено закупать пароходы четырех типов: 1. С быстрым ходом и всеми удобствами для пассажиров; 2. Большой вместимости и «достаточно хорошим ходом» для перевозки значительных объемов грузов на дальние расстояния; 3. Для речной буксировки; 4. Большой вместимости, но небольшого хода, для перевозки грузов (в том числе угля для потребностей Общества) во внутренних водах России. Для первой уставной морской линии планировалось приобрести три парохода, для последующих восьми – по одному (*РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2. Л. 49–51*).

Деятельность РОПиТ в 1857–1859 гг.

В период 1856–1860-х гг. внешняя торговля России переживала мощный подъем: среднегодовой показатель по экспорту составил 225,6 млн руб. (превысив соответствующий показатель 1851–1855 гг. на 70%), импорту – 205,9 млн руб. (58%) (*Томпсон, 2008. С. 27*). На этом фоне крайне энергичными выглядели первые действия Н.А. Аркаса (в правлении выполнявшего функции представителя Морского министерства): уже в начале 1857 г. он оформил покупку за границей 10 готовых пароходов, к концу того же года их число увеличилось до 18. Среди этих судов выделялись три – «Юнона», «Церера» и «Паллада» – водоизмещением по 1340 т, предназначенные для выхода на дальние зарубежные линии (имевшие высокую помильную плату), прежде всего на Константинополь и Марсель. В дальнейшем эти два заграничных направления давали с перевозки грузов основную прибыль компании – соответственно 80,4 и 30,3 тыс. руб. в год (Крымская линия находилась на третьем месте с 17,3 тыс. руб.) (*Отчет...*, 1858. С. 51–56). Значительно меньшая доходность имела место по внутренним – северочерноморским и кавказским – линиям, специализировавшимся главным образом на перевозке пассажиров. Впрочем, Аркас пребывал в уверенности, что финансовые возможности компании позволят увеличить к 1859 г. количество пароходов до 35, барж – 30. На их покупку или постройку потребовалась бы огромная сумма в 5,2 млн руб., с дополнительными расходами в 800 тыс. руб. на обустройство портовых сооружений и местных агентств компании, а также разработку переданного правительством на территории Области Войска Донского участка, содержавшего «антрацит хорошего качества, в количестве, достаточном для потребностей пароходов Общества» (*РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 14. Л. 44, 50*).

17 мая 1857 г. начались пробные рейсы пароходов Общества. В течение первых трех дней выручено за билеты на перевозку пассажиров 1800 руб., в том числе в Константинополь – 695 руб. (42 чел.), крымские порты – 664 руб. (76), Херсон – 357 руб. (117). С 21 мая пять пароходов открыли регулярные рейсы. Стоимость проезда варьировалась в зависимости от класса каюты: в Константинополь от 28 (1 класс) до 8 (3 класс) руб., Керчь – от 24 до 6 руб., Феодосию – от 20 до 5 руб., Ялту – от 14 руб. 50 коп. до 3 руб. 75 коп., Севастополь – от 12 до 3 руб., Херсон – от 4 руб. 50 коп. до 1 руб. 75 коп. Грузов отправлено в Константинополь – 4418 пудов, крымские порты – 1042, Херсон – 721 (в Ростов доставлен один рояль). Спустя шесть месяцев, по итогам октябрьской навигации, выручка по сообщению с Константинополем составила 31,4 тыс. руб. (в том числе помильная плата – 11 тыс.), кавказскими портами – 28 (23,6), крымскими – 18,1 (7,5), азовскими – 10,1 (4), Херсоном – 5,3 (2,4) (*РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 9. Л. 18–19, 27, 123–124*).

К концу 1857 г. балансовая стоимость активов РОПиТ выросла до 4,8 млн руб., в том числе по стоимости 18 пароходов – 1,2 млн руб. Помимо этого строились новые суда – в Англии на 667,2 тыс. руб., Франции – 662,5 тыс. руб. Однако к этому времени становилась очевидной острота ряда вопросов, решать которые требовалось в самые короткие сроки. Речь шла, прежде всего, о создании почти с нуля судостроительной и ремонтной базы, а также наборе необходимого числа профессионально подготовленных офицеров и матросов для флота. Но «главное неудобство» в действиях Общества заключалось в отсутствии не только инфраструктурных возможностей для приема в российских черноморских портах крупнотоннажных судов, но и свободных средств для решения данной проблемы. Именно вопрос о финансировании перспективных для РОПиТ проектов, в том числе за счет более активного развития коммерческой стороны дела, станет в дальнейшем камнем преткновения в отношениях между руководителями компании¹. Но уже в первые месяцы работы для членов правления стало понятным, например, что Одесса, выступая «центром» деятельности Общества, имела «молы слишком короткие, недостаточные для укрытия приходящих судов и давно уже не отремонтированные», при этом «порт давно уже обмелел и требует настоятельно периодической очистки». В Евпатории имелись две пристани в виде досок, положенных на деревянных козлах, но они «оканчивались на весьма недостаточной глубине и значительно подточены червями»; в Севастополе со времени Крымской войны уцелела так называемая «царская пристань» в южной бухте, но и она была подточена червями и долго простоять не могла; в Ялте пристань окончательно разрушилась, поэтому даже «гребным судам пристать некуда; в Феодосии сохранялись две «ветхие» пристани, заканчивающиеся на недостаточной для морских судов глубине; полной перестройки требовало также портовое хозяйство в Керчи (*Отчет, 1858, с. 31–36*). В данном отношении по-своему логичным стал отказ Аркаса на просьбу керченского градоначальника немедленно открыть пароходное сообщение между Крымом и Таманью (обсуждение происходило еще в начале ноября 1856 г.) (*РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 5. Л. 1–4*).

Собственные взгляды на существующие проблемы в деятельности Общества, не всегда совпадавшие с мнением Н.А. Аркаса, стал отстаивать второй директор-распорядитель – Н.А. Новосельский. В 1857 г. в своих неоднократных обращениях к членам правления он пояснял, «при какой печальной обстановке началась деятельность наша на Черном море», что «в Крымских портах, нами посещаемых, необходимо основываться так, как бы никогда прежде не имели они морских сообщений с остальным миром». Их первоначальное обустройство, полагал он, потребует «громадной» суммы в 202 тыс. руб., в том числе для Керчи (не считая стоимости строительных материалов и рабочей силы) – 91,6 тыс., Феодосии – 84,7 тыс., Евпатории – 16,3 тыс., Севастополя – 9,5 тыс. руб. В такой ситуации государство, рассчитывавшее на быстрое развитие черноморского пароходства, оказалось «обмануто действительностью в одинаковой мере с Обществом». Но поскольку правительство уже «показало явное желание сделать со своей стороны все, чтобы облегчить осуществление нашего предприятия», было бы «справедливо», полагал Новосельский, разделить необходимые расходы между РОПиТ и властями так, чтобы последние получили возможность получать доходы с этих сооружений в будущем (*РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 17. Л. 2–6*). В последнем случае речь шла скорее не о финансовых, а военных и геополитических «доходах».

В августе 1857 г., на примере функционирования Крымской линии, Н.А. Новосельский подчеркивал значимость не только технических («судовых»), но и организационно-коммерческих подходов к планированию операций компании. Например, пояснялось, что «хорошее расписание рейсов всякого пароходного общества есть предмет величайшей важности. В пароходных плаваниях должно дорожить каждым полезным часом». Беспокойство у Новосельского вызывала, в частности, организация сообщения между Севастополем и Евпаторией, имевшая потенциал для увеличения перевозимого числа пассажиров и объемов груза. Здесь, отмечал он, «надобно стараться по возможности <согласовать> интересы пассажиров с интересами грузителей и обдумать для каждого порта соответствующий простой» (*РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 10. Л. 72–73*). Однако положение дел усугублялось отсутствием какого-либо плана развития крымских городов: «разоренный Севастополь, например, вовсе почти не возобновляется. Феодосия, напротив, деятельно обстраивается в ожидании железной дороги, а Керчь находится в какой-то видимой нерешительности, не зная еще, будет ли, нет ли обеспечена ее торговая самостоятельность» (*РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 17. Л. 12*).

В конечном итоге члены правления приняли решения об открытии первых агентств РОПиТ в Константинополе, Керчи, Херсоне и Николаеве (сюда сходились срочные пароходные линии в

¹ Заметим, что в это время РОПиТ не имел возможности использовать банковское финансирование: первый акционерный коммерческий банк появился в России только в конце рассматриваемого периода, в 1864 г.

Северном Причерноморье), а также Евпатории, «торговые обороты которой делают этот порт самым значительными из крымских», Феодосии, «по случаю заметного уже и теперь оживления этого порта вследствие начинающихся работ по устройству железной дороги», и Севастополе, «славные развалины которого привлекают многих путешественников». Кроме того, были выделены средства для найма «вольных матросов», а также открыт усиленный набор служащих в отделения (распорядительное, счетное, товарное и пассажирское) главной конторы в Одессе. Одновременно значительные суммы резервировались на заключение договоров с посторонними предприятиями на закупку новых судов и возможные ремонтные работы уже действующих (*Отчет...*, 1858. С. 26–28, 39).

К концу 1857 г., наряду с хозяйственными и организационными вопросами, все большую остроту приобретают финансовые аспекты функционирования РОПиТ. Выручка компании за первые 16 месяцев составила 795,7 тыс. руб., однако из этой суммы почти половину составляла поимовная плата – 389,4 тыс. руб. (еще 177,9 тыс. руб. дала перевозка грузов, 114,1 – пассажиров). Кроме того, 64 тыс. руб. серебром РОПиТ ежегодно получало от правительства в виде дополнительных средств на ремонт пароходов. Но даже при выплачиваемых субсидиях рентабельность активов составила лишь 4,4%, акционерного капитала – 4,8%. Из чистой прибыли 210,7 тыс. руб. в дивиденд акционерам было начислено за первый операционный год 180 тыс. руб. Одновременно в пользу частных акционеров направлены дивиденды с правительственных 6670 акций. При такой форме частно-государственного партнерства главной проблемой становилась эффективность финансового руководства компанией на ближайшие годы, в том числе с точки зрения соответствия расходов на покупку пароходов с прибыльностью от их эксплуатации по тем или иным морским линиям.

Следующий, 1858-й операционный год, как казалось, подтверждал оптимистичные прогнозы акционеров. Под руководством директора-распорядителя Н.А. Новосельского (находившийся в той же должности Н.А. Аркас вернулся из Одессы в Петербург) резко активизировались инвестиционные операции РОПиТ, прежде всего по обустройству причальных сооружений. По итогам года имел место рост выручки Общества – на 129,5%, правда, в ее общем объеме доля поимовой платы по-прежнему занимала большую часть – 59%. Тем не менее на фоне значительного роста доходности перевозок как грузовых (зарубежные линии), так и пассажирских (внутренние), компания продолжила активную закупку пароходов. К концу года их число увеличилось до 35, при этом рейсы 5 из них дали наибольшую прибыль: «Юнона» (1340 т водоизмещения) – 140 832 руб., «Великий князь Константин» (1480 т) – 140 485 руб., «Херсонес» (823 т) – 134 229 руб., «Паллада» (1340 т) – 116 916 руб., «Колхида» (1480 т) – 100 828 руб. Доходность еще трех морских судов превышала 90 тыс. руб. В это же время правление Общества санкционирует выделение значительных средств на возведение большого Мортонского эллинга, пристани и механического завода в Севастополе, модернизацию портового хозяйства в Феодосии (в связи с заключенным договором о морской перевозке 10 тыс. т рельсов для Главного общества российских железных дорог), перестройку литейного завода в Одессе, а также обновление береговых сооружений в Керчи, Евпатории и Ялте (*Отчет...*, 1858. С. 3–124).

Значительные инвестиционные вложения (только на строительство севастопольского эллинга, без сопутствующих ему работ, выделяется 340 тыс. руб., еще 200 тыс. – на разработку антрацитового месторождения в Области Войска Донского) осуществлялись в расчете на дальнейший рост прибыльности действий пароходства, в том числе по результатам его участия, как значилось в уставе, в «развитии торговли Южного Края России» (как покажут дальнейшие события, эти расчеты оказались излишне оптимистичны). Вместе с тем не оправдывались надежды на всемерную поддержку правительства в обустройстве прибрежных сооружений для нужд пароходства. Еще в январе 1858 г. Н.А. Аркас конфиденциальным письмом предупредил служащих о том, что министр финансов отказал Обществу в праве беспошлинного ввоза чугуна и железа из-за границы. Необходимый для обивки причалов металл решено было скупать «где можно», «не разглашая по возможности» имеющуюся в нем «надобность» (*РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 40. Л. 59*). На первое же время, для покрытия быстро увеличивающихся расходов, в том числе по содержанию одесской конторы и местных агентств (численность управленческого аппарата уже превысила 1,5 тыс. чел.), решено было воспользоваться дополнительной эмиссией. В конце 1859 г. заявлено о выпуске 10 тыс. акций с возможностью первоначально оплатить их частично, в половину номинальной цены, получив подтверждающие данный факт «свидетельства» (*Иловайский, 1907. С. 44*).

Примечательно, что Н.А. Новосельский, последовательно реализовывавший в Одессе свои планы по коммерциализации операций Общества, предпринимал попытки опереться на поддержку подчиненных. Для этого он созывал еженедельно собрания служащих одесской конторы с целью их приобщения к «интересам Общества» (*Иловайский, 1907. С. 58*). В целом 1859-й операционный

год должен был подтвердить оптимальность выбранного направления в деятельности РОПиТ. Действительно, в это время последовал 100%-ный рост выручки, чистая прибыль достигла 621,3 тыс. руб., из которых в дивиденд направлено 477, 8 тыс. В этом же году рентабельность активов возросла до 6,8%, акционерного капитала – 7,7%. (*Отчет...*, 1860. С. 77–78). Однако в этом же году стали проявляться первые крупные проблемы, связанные с увеличением расходов на обслуживание многочисленных судов и содержание разрастающегося административного аппарата. При этом деятельность главы административного аппарата одесской конторы А.Я. Павлова принимала все более бесконтрольный характер, сопровождаясь неразберихой в кадровой и финансовой работе. Тогда же все более очевидными становились неудачи в разработке антрацитового рудника: из 36 заложенных шахт 32 были заброшены, из-за низкой продуктивности. Значительные средства, вложенные в проект обеспечения флота собственным топливом, оказались потеряны.

В данной ситуации члены правления в Петербурге, по настоянию Н.А. Аркаса, принимают решение свернуть закупку пароходов для открытых Н.А. Новосельским необязательных рейсов, сохранив планы на приобретение только одного крупного судна – «Олег» (1600 т водоизмещения). Заметим, что это решение вызвало несогласие со стороны Н.А. Новосельского, возглавлявшего в это время коммерческий отдел компании. По его мнению, требовалось более решительно развивать частный характер деятельности пароходства, поддерживая несрочные рейсы (помильной платой обеспечивались только обязательные, «срочные», зафиксированные по согласованию с правительством в уставе Общества), в том числе связывающие Юг России с портами Западной Европы. Такой подход не получил поддержки со стороны части акционеров и служащих, ориентировавшихся не столько на поиск путей совершенствования операций компании, сколько на максимальное получение правительственных субсидий. В результате, для наибольшей выборки помильной платы в плавание направлялось максимальное число пароходов, порой шедших полупустыми, без достаточного числа пассажиров и объема грузов. Иначе говоря, имела место ориентация на увеличение объема выручки, сопровождавшаяся ростом затрат и снижением эффективности перевозок, а в конечном счете – уменьшением суммы чистой прибыли. Отметим также, что усиливающиеся разногласия в составе руководства РОПиТ дополнялись растущей настороженностью многих акционеров в отношении сохраняющейся зависимости доходности компании от казенных выплат, тем более с приближающимся истечением пятилетнего срока перечисления дивидендов по правительственным акциям в пользу частных собственников.

Кризисная ситуация в компании в 1860–1861 гг.

1860 г. стал в полном смысле переломным для деятельности РОПиТ. Последовало резкое увеличение расходов и почти двукратное снижение рентабельности активов и собственного капитала, сопровождавшееся уменьшением как валовой (на 13,5%), так и чистой (на 45,8%) прибыли (*Отчет...*, 1861. С. 1–2). Соответственно дивидендные выплаты сократились на 33,2%, после чего последовало падение стоимости ценных бумаг Общества на Петербургской бирже с 400 до 240 руб. Происходившие события сопровождались настоящей паникой среди акционеров. Н.А. Аркас вынужден был признать: «Доверие к Обществу совершенно теряется..., все стараются доказать, что дело, само по себе превосходное в основаниях своих, ведется весьма дурно, бессистемно, неэкономно и без соблюдения интересов акционеров» (*Мнения...*, 1861. С. 2). Впрочем, судя по происходившим в 1860 г. событиям, сам Аркас явно терял контроль над ситуацией в РОПиТ. Так, 16 апреля, ряд акционеров потребовали перевести правление из Петербурга в Одессу, в регион непосредственной деятельности компании. Аркас согласился с этой идеей, но уже 24 апреля большинство акционеров заблокировали это решение, как вредное с точки зрения связей руководителей с акционерами и правительственными структурами. Вслед за этим на смену двум директорам-распорядителям в Одессе решено было оставить одного, после чего сменили и его, передав распорядительные функции управляющему одесской конторой. Управляющего наделили «неограниченными правами и властью», одновременно назначив ему большее денежное содержание. Но и этот вариант оказался неудачным, поскольку управляющий попытался взять под свой контроль все доходные статьи РОПиТ, что обернулось со стороны правления очередным «неизбежным вмешательством для ограждения интересов Общества». В итоге, Аркас предложил реформировать всю систему управления, разделив правление на две части: в Одессе поручить непосредственную работу трем директорам, в сферы заведывания которых отнести: а) морскую и техническую часть; б) хозяйственную деятельность и местные агентства; в) счетную часть. В свою очередь двум директорам в Петербурге предполагалось вверить контрольные функции в отношении одесской администрации. Отметим также,

что по этому предложению практически ликвидировалась как ненужная «коммерческая часть» РОПиТ, что являлось еще одним выпадом Аркаса в адрес своего прежнего делового партнера Н.А. Новосельского (*Мнения...*, 1861. С. 3–21). Ситуация усугублялась тем, что ранее, 15 марта 1860 г., Новосельский счел невозможным продолжать работу в правлении и сложил с себя полномочия директора-распорядителя. Спустя месяц ушел в отставку поддерживающий его позицию член правления Е.В. Гаспарини (*РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 3. Л. 45–57*).

Предложение Н.А. Аркаса разделить правление по региональному признаку, отказаться от ведения коммерческих операций и сосредоточиться главным образом на улучшении срочного морского сообщения не встретило понимания у большинства акционеров. В частности, было справедливо замечено, что низкая результативность коммерческой деятельности проистекала не из ее ненужности, а из низкой заинтересованности служащих в ее ведении. В связи с этим акционеры-ревизоры указали на такую выгодную операцию, как принятие на комиссию для продажи отечественных и зарубежных товаров. Однако «в исполнении комиссий нередко допускалось (агенты вне Одессы исполняли комиссии вообще лучше) столько небрежности и невнимания, как будто Общество тяготилось даваемыми ему поручениями и само хочет избавиться от них» (*РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 132. Л. 51*). Было высказано мнение, что предложение Н.А. Аркаса исключить из названия компании слово «торговля» означало бы на деле «добровольно просить о лишении Общества права, не обременяющего его обязанностями» (*Мнения...*, 1861. С. 3–4), а попытка умалить роль петербургского правления обернется окончательной потерей контроля акционеров над действиями одесской администрации.

Сложность переживаемой РОПиТ ситуации заключалась в том, что споры по поводу перспектив развития компании происходили на фоне событий, грозивших обернуться для членов петербургского правления серьезными репутационными потерями. Речь шла о ранее принятом ими решении, одобренном 24 марта 1858 г. императором Александром II: возвести для Общества эллинг в Севастополе. Значимость этого строительства объяснялась прежде всего крупными расходами, которые несло Общество по строительству и ремонту судов сторонними предприятиями. По предложению Н.А. Новосельского подрядчиком был утвержден отставной подпоручик Д.К. Волохов, известный к тому времени качеством проводимых строительных работ. Стоимость контракта составила 338 тыс. руб., однако спустя месяц правление РОПиТ предложило Волохову сократить эту сумму на 75 тыс. После первых продолжительных споров, 12 августа заключается договор на сумму 320 тыс. руб., предполагавший завершение устройство эллинга и ряда сопутствующих заводских и жилых зданий к концу 1859 г. (*РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 16. Л. 3, 137, 153*). Однако к началу 1860 г. всем заинтересованным сторонам стало ясно, что работы по строительству затягиваются. 16 января директора РОПиТ сформулировали свою позицию: «весь образ действий господина Волохова явно обнаруживает предвзятое с его стороны намерение уклониться от падающей на него ответственности за проволочку и делают необходимым принятие правлением надлежащих мер к охранению интересов Общества». Со своей стороны, Волохов заявил, что под его руководством возводится «огромных размеров эллинг за цену весьма незначительную, сравнительно со стоимостью других подобного рода сооружений», при этом не было допущено «интересам Общества ни малейшего ущерба». Более того, подрядчик привел доказательства того, что многие из взятых РОПиТ на себя обязательств по участию в обустройстве севастопольских сооружений также не были выполнены в срок (от проверки территории на предмет размыва грунта до поставки качественных паровых машин и прочего оборудования) (*РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 16. Л. 103, 211*).

В феврале 1861 г. строительные работы были полностью завершены. «Общество, – пояснял Д.К. Волохов, – может гордиться подобным сооружением, как Мортонев эллинг в Севастополе». Вместе с тем руководителю стройки не хотелось «думать, чтобы Общество основывало свои выгоды на разорении подрядчика и объясняло все недоразумения единственно тем, что правление, находясь в Петербурге, не имеет достоверных данных, чтобы обсудить дело во всех его потребностях». В ответ руководство компании признало: подрядчик «производил работу усердно, но старался произвести ее с возможно большею для себя выгодой», что принесло РОПиТ значительный ущерб (*РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 16. Л. 242, 282*). В марте 1861 г., когда в Российской империи развернулись мероприятия по отмене крепостного права, отношения между Волоховым и Обществом вышли на новый уровень противостояния. После отказа первого выплатить неустойку в 60 тыс. руб., правление компании подало иск в петербургский коммерческий суд. Определенные надежды здесь возлагались на присутствие в составе акционеров правительства и великих князей, что могло бы, как думалось, положительно сказаться на дальнейшем разбирательстве дела. Однако уже первые обсуждения в третейском суде приняли для Общества проблематичный характер. В этом отноше-

нии, с учетом роста недовольства акционеров действиями правления по управлению Обществом, по-своему ожидаемой стала отставка в мае того же года Н.А. Аркаса с директорского поста (вместо него назначен контр-адмирал П.Ю.Лисянский, которого сменил летом капитан 1-го ранга Н.М. Чихачев) (РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 3. Л. 73, 78). Что касается судебного разбирательства, то принятым в сентябре решением фиксировалось, что убытки РОПиТ «ни в какой части не могут быть отнесены к Волохову, который за сим должен быть освобожден от предъявленного ему иска неустойки», к тому времени возросшего до 210 тыс. руб. (РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 16. Л. 543). В свою очередь Общество обязывалось оплатить встречный иск подрядчика на сумму более 32 тыс. рублей.

В целом в работе РОПиТ в 1861 г., несмотря на все усилия нового главы петербургского правления Д.Н. Набокова (дед писателя В.В.Набокова), продолжала сохраняться негативная тенденция, на которую годом ранее указывали акционеры. Так, имело место увеличение количества пароходных рейсов (с 1433 до 1558) при одновременном уменьшении их доходности (с 1,9 до 1,8 млн. руб.). В первую очередь сокращение выручки наблюдалось на международных линиях – Александрийской, Английской, Константинопольской и Салоники-Пирейской. Напротив, увеличение прибыльности сопровождало рейсы на внутрироссийских направлениях, а также операции по буксирному пароходству и обслуживанию речных переправ. Снижение рентабельности заграничных линий компенсировалось большими объемами помильной платы. Например, по Александрийскому направлению она достигла 356,3, Английскому – 278,9, Марсельскому – 259,8 тыс. руб. (разница объяснялась преобладанием по первому направлению обязательных, «срочных» рейсов, которые подлежали оплате). Для сравнения: по наиболее доходным внутренним линиям – Крымской и Кавказской (две трети здесь составляли срочные плавания) – помильная плата составила соответственно 177,9 и 156,4 тыс. руб. Доставка грузов по-прежнему оставалась для пароходства предпочтительнее перевозки пассажиров, особенно на дальние расстояния по несрочным рейсам. Это касалось и поставки морским путем рельсов, а также разнообразных машин, оборудования, зерна и скота. По результатам плаваний почти всех судов размеры помильной платы превышали суммы, заработанные непосредственно за перевозку грузов и пассажиров. Исключение составило самое крупное годовое поступление по результатам грузовых рейсов парохода «Одесса» – 221,3 тыс. руб., из которых лишь 96,6 тыс. руб. являлись помильной платой. Следующим по объемам выручки стал результат грузопассажирских перевозок парохода «Владимир», соответственно 172,9 и 101,3 тыс. руб. (*Объяснительная записка...*, 1862. С. 3–10).

Имевшуюся к этому времени степень заинтересованности в участии в непосредственном руководстве делами Общества проиллюстрируем следующими данными: вознаграждение управляющему одесской конторой составляло (вместе с процентом от чистой прибыли) 18 тыс. руб., при этом членам правления в Петербурге выплачивалось по 6 тыс. руб. годового жалования. Для сравнения: капитаны пароходов получали 2000 руб., буксиров – 1600 тыс., судов на переправах – 1500 тыс. Соответственно, старшие механики – от 1900 до 840 руб., младшие механики – от 1320 до 800 руб., помощники капитанов – от 1600 тыс. до 300 руб., лоцманы – 900 до 420 руб. Сравнительно высокими считались заработки машинистов: 1 класса – 480 руб., 2 класса – 300 руб. (примерно столько же получали фельдшеры). Штурманы и ученики механиков зарабатывали по 245 руб., боцманы – 240 руб. Значительно меньшими были выплаты кочегарам – от 180 (1 кл.) до 144 (2 кл.) руб., а также матросам – от 168 (1 кл.) до 108 (2 кл.) руб. Жалование юнг составляло 48 руб. (*Объяснительная записка...*, 1862. С. 20).

По итогам 1861-го операционного года определение перспектив развития компании оказалось связано с интересами нескольких собственников, в числе которых ключевые позиции занимало правительство (5470 акций), крупный предприниматель-старообрядец В.А. Кокорев (2714), еврейский банкир И.Е. Гинцбург (1525), великий князь Константин Николаевич (1000), Н.А. Новосельский (513) и Н.А. Аркас (360). Они контролировали, вместе с членами правления Н.С. Гаевским, Ф.Т. Фан-дер-Флитом, П.Ю. Лисянским, Н.Н. Суцовым и В.Ф. Миллером, более половины всего представленного на очередном общем собрании уставного капитала РОПиТ (РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 151. Л. 4–5).

Какие же в итоге принимаются решения, способные, как казалось, выправить непростую ситуацию в Обществе? Речь шла, прежде всего, о временном прекращении приобретения новых пароходов, а также об изменениях в структуре полномочий, призванных усилить единоначалие в руководстве операциями пароходства (от прежней совместной деятельности двух директоров-распорядителей – по технической и коммерческой части – решено отказаться) и вместе с тем повысить инициативность и ответственность главы одесской администрации. Не меньшее значение приобретало совершенствование кадровой работы. Как полагал акционер В.П. Романов, инспекти-

ровавший результативность транспортной работы, Обществу «дороже всего люди со специальными сведениями или показавшими уже свои способности; таких людей нужно стараться заинтересовать к делу, чего, нужно признаться, до сих пор еще не было сделано» (*Мнения...*, 1861. С. 10).

На 30 апреля 1861 г. назначается общее собрание акционеров, которое должно было утвердить предполагаемые изменения в системе управления, в том числе о переводе должности директора-распорядителя из Петербурга в Одессу. Острота ситуации объяснялась тем, что к этому времени еще не определился перевес среди собственников компании в пользу того или иного варианта ее реформирования (в соответствии с идеями Н.А. Аркаса или Н.А. Новосельского). В этих условиях великий князь Константин Николаевич, а вслед за ним и правительство, по распоряжению императора Александра II приняли решение отказаться от участия в голосовании по тому или иному плану развития РОПиТ. В итоге мнение Н.А. Новосельского о необходимости всемерного развития коммерческих начал в деятельности Общества, а также о сохранении правления в Петербурге получает поддержку 107 акционеров при 99 против (*Иловайский*, 1907. С. 71). Предложения Н.А. Аркаса о разделении функций правления между администрациями Петербурга и Одессы, а также об отказе компании от торговых операций не получили необходимого числа голосов.

Определение модели развития РОПиТ в 1862–1864 гг.

В июне 1862 г., по итогам принятых решений, в устав РОПиТ вносятся дополнения, согласно которым управление делами распределялось между директором-распорядителем, находящимся в Одессе (им стал Н.М. Чихачев, близкий по своим взглядам к Н.А. Новосельскому), и членами правления, наблюдательным советом и общим собранием акционеров, располагавшимися в Петербурге. Директор избирался на три года членами наблюдательного совета, после чего утверждался в своей должности на общем собрании. Его деятельность не ограничивалась со стороны членов правления какой-либо конкретной программой действий, а снятие с должности возможно было лишь при согласии наблюдательного совета. В свою очередь петербургское правление комплектовалось из пяти лиц, из которых двое назначались правительством на весь срок получения компанией помилной платы, а еще трое избирались общим собранием акционеров из кандидатур, предложенных наблюдательным советом. Из своей среды члены правления и члены совета ежегодно избирали председателей. Правление получало право распоряжения финансовыми потоками, а также оперативного контроля за деятельностью одесской конторы, совет – стратегического контроля за деятельностью всей компании. Кроме того, в октябре 1862 г. вводится единообразие в размер помилной платы (применительно ко всем пароходным линиям): на первые десять лет действий общества она составляла 4 руб. 30 $\frac{1}{4}$ коп., в течение второго десятилетия, как и предполагалось ранее, она уменьшалась ежегодно на 5%, т. е. в последний 20-й год уменьшалась до 50% первоначальной суммы (*Устав...*, 1865. С. 8–24).

В 1862 г. изменения в организации работы РОПиТ происходили на фоне нескольких трагических событий с его судами. В Мраморном море потерпел крушение пароход «Колхида». Затонувший в течение нескольких минут, он унес с собой жизни 20 членов корабельной команды и до 30 пассажиров. В декабре под Новороссийском произошло еще одно драматическое событие. Севшего на мель парохода «Орест» сошли на берег, в надежде найти населенный пункт, часть пассажиров и матросов во главе со старпомом. Последствия этого решения были прискорбными: большинство из них (30 человек) были найдены позже замерзшими (*Отчет...*, 1863. С. 21, 25–26).

В этой ситуации по-своему знаковой выглядела готовность правительства к дальнейшей поддержке РОПиТ. С 1862 г. в течение пяти лет весь дивиденд на правительственные акции, уменьшившиеся к тому времени до 5 470, стал направляться на развитие антрацитового рудника в Области Войска Донского. Одновременно Общество начинает выкуп по биржевой цене своих акций, позволивший в дальнейшем заметно увеличить размер дивидендных выплат. Первоначально было приобретено 340 акций по 192 руб. 97 коп., при номинальной их стоимости 300 рублей. Еще одним важным решением явилось учреждение специального страхового капитала, с соответствующими отчислениями из прибыли для возмещения расходов на приобретение и ремонт судов (*РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 192. Л. 90–96*). Как полагали акционеры, директор-распорядитель Н.М. Чихачев стал действительно прилагать «все усилия», чтобы «увеличить доходы Общества, сократить его расходы, развить его деятельность и вести его операции на коммерческих началах». Вместе с тем он «стремился урегулировать положение служащих Общества точным определением их прав, обязанностей и деятельности» (*Иловайский*, 1907. С. 86).

Результаты операций Общества в 1862 г. выглядели многообещающими. Хотя общий объем выручки лишь немногим превысил размеры 1860 г., удалось тем не менее сократить расходы на со-

держание управленческого аппарата, прежде всего в Одессе. В итоге чистая прибыль выросла до 702,7 тыс. руб. (1862 г. – 565,1 тыс.), из которых в дивиденд направлено 601,6 тыс., в том числе по акциям правительства – 114,9 тыс. (направлены на разработку антрацитового месторождения), частных акционеров – 486,7 тыс. руб. Одновременно наблюдалось некоторое увеличение рентабельности собственного капитала – до 6,4%, активов – 5,9% (*Отчет...*, 1863. С. 1–3). Характер доходности пароходных линий по грузоперевозкам рисуют следующие цифры (табл. 2).

Таблица 2

Перевозка грузов судами РОПиТ в 1862 г.

Линии	Показатели	Кол-во рейсов срочных/несрочных	в пудах	выручка (руб.)
Английская		/16	1 187 133	368 405
Александрийская		26/1	612 804	153 408
Марсельская		/8	384 304	108 590
Кавказская		22/26	310 608	89 442
Константинопольская		47/2	470 616	87 394
Буксирное пароходство по Днепру		/38	920 050	76 794
Анатолийская		17/	220 583	58 858
Крымская		40/22	158 247	45 557
Таганрогско- Константинопольская		12/	113 523	32 852
Рейсы в Салоники		8/16	126 873	25 500
Азовская		31 /16	59 288	20 860
Буксирное пароходство по Бугу		18 /	375 891	15 983
Херсонская		70/1	105 195	15 599
Днепровская переправа		558/	61 863	11 453
Таманско-Керченская переправа		113 /	29 728	9 025
Галацкая		31/16	41 223	8 326
Николаевская		65/1	67 450	7 836
Транспортировка в пределах одесского рейда		-	-	2 818
Буксирное пароходство по Риону		36/	10 222	1 544
Срочное пароходство по Днепру		28/	5 471	1 280
Буксирное пароходство по Днестру		2/	613	62
Итого:		1165/112	5 261 693	1 141 599

Источник: (*Объяснительная записка...*, 1863. С.3)

Таким образом, большая часть выручки была получена за перевозки по заграничным линиям, прежде всего несрочными рейсами по Английской линии. В той же мере это относилось и к объемам перевезенного груза. По итогам работы флота на международных направлениях Н.М. Чихачев внес предложение, поддержанное акционерами, об исключении из числа обязательных портов Афон и Салоники, а также линий между Таганрогом и Константинополем, Редут-Кале и Трапезундом. Подобное решение, сулившее некоторое уменьшение помыльных плат, объяснялось тем, что эти направления в течение нескольких лет давали результаты самые неудовлетворительные и в будущем не обещают больших выгод» (*Общее собрание...*, 1863. С.11). Среди внутрироссийских плаваний выделялось своей результативностью буксирное пароходство по Днепру и, в меньшей степени, по Бугу, суммарно обеспечившие доставку почти 1,3 млн пудов грузов. Несколько иначе, прежде всего в плане первенства внутрироссийских линий, выглядела доходность по перевозке пассажиров (см. табл. 3).

Таблица 3

Перевозка пассажиров судами РОПиТ в 1862 г.

Показатели Линии	Кол-во пассажиров 1 класса	Кол-во пассажиров 2 класса	Кол-во пассажиров 3 класса	Кол-во пассажиров 4 класса	Всего пассажиров	Выручка (руб.)
Александрийская	617	791	220	22 418	24 046	143 489
Крымская	1 441	1 241	15	12 574	15 271	89 436
Кавказская	591	921	165	10 735	12 412	66 836
Азовская	638	805	-	10 809	12 252	50 462
Херсонская	2 813	-	-	13 160	15 973	45 143
Анатолийская	111	198	58	8 016	8 383	37 117
Константинопольская	271	383	210	3 950	4 814	36 872
Рейсы в Салоники	57	200	63	5 579	5 899	36 761
Галацкая	627	449	-	2 199	3 275	27 555
Николаевская	1 315	800	-	8 298	10 413	25 746
Таганрогско- Константинопольская	91	125	-	1 672	1 888	18 706
Срочное пароходство по Днепру	773	-	-	4 066	4 839	15 864
Днепровская переправа	70	3 972	-	42 572	46 614	7 548
Таманско-Керченская переправа	1 151	7 233	-	1 075	9 459	5 391
Английская	38	19	-	478	535	4 546
Буксирное пароходство по Риону	228	144	-	1 075	1 447	3 495
Буксирное пароходство по Днепру	178	-	-	1 501	1 679	2 895
Марсельская	6	15	-	299	320	2 649
Буксирное пароходство по Бугу	431	-	-	347	778	455
Буксирное пароходство по Днестру	-	-	-	8	8	13
Итого:	11 447	17 296	731	150 831	195 371	653 666

Источник: (Объяснительная записка..., 1863. С. 4)

Приведенные данные свидетельствовали о том, что по доходности пассажироперевозок лидировали внутрироссийские линии, в том числе по обслуживанию пассажиров 1 и 2 класса. Обращают на себя внимание масштабы операций на Днепровской переправе, а также по Крымской и Херсонской линиям – в данном случае как по количеству пассажиров, так и объемам выручки. Еще одним значимым показателем по грузо- и пассажироперевозкам стал выход на третье место по размерам помильной платы Крымской линии – с 147,1 тыс. руб. Первое и второе место продолжали уверенно занимать Английская (499,3 тыс.) и Александрийская (355,5 тыс.) линии. Зато на четвертое место переместилась Кавказская линия (139,1 тыс.), опередив Константинопольскую и Марсельскую. Самыми прибыльными из 44 пароходов РОПиТ, с выручкой более 150 тыс. руб. в год, оставались «Буг», «Веста», «Туниб», «Олег», «Одесса», «Владимир», «Великий князь Константин Николаевич», «Паллада» и «Эльборус».

Итоги первых преобразований в управленческой сфере, в сочетании с показателями функционирования компании за 1862 г., обусловили необходимость разработки очередных изменений, на этот раз – в регламентации пароходного сообщения по отдельным международным и внутрироссийским линиям. К 1865 г., в условиях сохранявшегося лимита на приобретение новых судов, следует перераспределение по отдельным линиям количества рейсов при одновременном снятии ограничений на их дальнейшее увеличение. Расширение масштаба пароходных сообщений при соответствующем росте объемов перевозки пассажиров и грузов выражалось следующими цифрами: между Одессой и Константинополем частота плаваний должна была составлять не менее 1 раза в

неделю; Константинополем, Смирной, Бейрутом, Яффой и Александрией (эта линия обеспечивала, помимо прочего, транспортировку православных паломников в Палестину) – 1 раза в две недели; Одессой и крымскими портами – 1 раза в неделю; от Керчи вдоль кавказского побережья до Редут-Кале – 1 раза в две недели; от Редут-Кале до Трапезунда – 1 раза в две недели (с апреля по август – 1 раза в неделю); между Одессой, Кинбурном, Очаковым, Николаевым и выше по р.Буг – 1 раза в неделю; Одессой, Кинбурном, Очаковым и Херсоном и выше по р.Днепр – 1 раза в неделю; Керчью, Мариуполем, Бердянском, Ейском, Темрюком и Таганрогом – 1 раза в неделю. Кроме того, фиксировалась возможность совершать столько плаваний в году, «сколько признается нужным»: между Таганрогом и Константинополем, Керчью и Таманью, Овидиополем и Аккерманом (по Днестровскому лиману), Одессой и Галацом (город в устье Дуная, имел статус порто-франко), а также Одессой и средиземноморскими европейскими портами.

Под непосредственным руководством Н.М. Чихачева, действовавшего в Одессе, и председателя петербургского правления Н.С. Гаевского, имевшего солидный опыт работы во властных структурах в столице, а также при активном участии членов правления, энергичного столичного финансиста Н.Н. Суцова и талантливого администратора В.Ф. Миллера, действия РОПиТ приобретают в 1863–1864 гг. необходимую целенаправленность и эффективность. Результаты функционирования компании в эти годы, в сравнении с показателями 1862 г., проиллюстрируем следующими данными (табл. 4).

Таблица 4

Показатели деятельности РОПиТ в 1862–1864 гг.

Показатели (руб.) \ Год	1862	1863	1864
Активы в целом	10 232 885	10 668 080	12 839 966
Пароходы	4 137 617	3 975 800	4 018 493
Другие суда	549 012	546 662	516 430
Недвижимое имущество	1 518 635	1 490 361	1 514 743
Дебиторская задолженность	330 721	375 100	526 061
Уставной капитал	8 594 625	8 594 625	9 000 000
Страховой капитал	751 722	814 412	1 093 680
Запасной капитал	118 174	281 049	538 889
Выручка в целом	3 846 648	4 209 767	5 417 297
в т. ч. за грузоперевозки	1 136 094	1 367 960	2 208 135
в т. ч. за пассажироперевозки	652 907	719 124	892 776
Помильная плата	1 878 188	1 883 003	1 881 527
Чистая прибыль	702 687	1 184 900	2 092 375
Дивидендные выплаты частным акционерам	486 752	625 826	695 367
Дивидендные выплаты по акциям правительства	114 870	147 690	164 100

Источник: (Отчет..., 1863; Отчет..., 1864; Отчет..., 1865).

Эффективность работы РОПиТ в 1863 г. можно определить следующей ситуацией: в условиях сохранения прежних размеров уставного капитала и активов наблюдалось сокращение операционных расходов при одновременном росте отчислений в страховой и запасной капитал. На этом фоне рентабельность собственного капитала выросла до 12,2, активов – 11,1%, превысив показатели 1862 г. почти в два раза. Удалось значительно увеличить выручку как за грузо-, так и пассажироперевозки. Свою роль сыграло также полученное компанией право на перевозку всей российской почтовой корреспонденции в регионы Ближнего Востока (РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 192. Л. 76). Но самым наглядным свидетельством изменений в характере функционирования Общества стало, впервые в его истории, превышение объема валовой прибыли над размером помильной платы, а также существенный рост чистой прибыли с соответствующими отчислениями в дивидендные выплаты.

Завершение оборудования эллинга и сопутствующих сооружений в Севастополе (в 1863 г. здесь открыта таможня, что позволило «легализовать» торговые функции города (Шевякова, 2006. С. 87)) дало возможность РОПиТ перенаправить часть финансовых ресурсов на модернизацию ряда

других российских портов на Черном море, прежде всего в Керчи, Аккермане, Феодосии, Николаеве, Поти и Херсоне. Компания вновь возвращается к практике пополнения своего флота новыми судами, купив за 306,8 тыс. руб. крупнейший по водоизмещению (3200 т) пароход «Лазарев». Более дорогими до того времени, свыше 300 тыс. руб. каждый, оставались приобретенные в 1858 г. пароходы «Император Александр II» и «Великий князь Константин». Примечательно, что при сохраняющемся лидерстве по грузоперевозкам зарубежных линий, по объему пассажиропотока порты Крыма перемещаются в этом году с третьего на второе место. Они же выходят на первое место по объему доставленных грузов пароходами внутрироссийских рейсов и на третье – международных. Общая выручка с этого направления пароходного сообщения достигает внушительной суммы, 384,9 тыс. руб. Активное хозяйственное и социально-культурное освоение Крымского полуострова придавало особый динамизм стратегической и оперативной направленности действий РОПиТ в этом регионе. Ценным для репутации Общества стало в 1863 г. путешествие наследника престола на пароходе «Аргонавт» из Бердянска в Керчь и Ялту. Это же судно сопровождало затем императорскую яхту «Тигр» из Ялты в Поти и обратно (*Общее собрание..., 1864. С. 8*). В практической плане итоги работы по внутрироссийским направлениям позволили правлению выступить с инициативой, согласно которой стали суммироваться показатели операций сразу двух линий – Крымской и Азовской. С этого времени пассажиры могли брать билеты в азовских портах и далее следовать в крымском или кавказском направлении, не покупая дополнительных билетов в Керчи.

Доставка грузов по зарубежным линиям оставалась в 1863 г. наиболее выгодной с точки зрения доходности и размеров помильной платы. Лидером здесь являлись Английская (345,5 тыс.) и Александрийская (206,8 тыс. руб.), затем с суммами свыше 100 тыс. руб. шли Анатолийская, Константинопольская и Марсельская. Вместе с тем по общей выручке, включая перевозку пассажиров, лидировали срочные рейсы Александрийской линии: вместе с помильной платой они давали 706,5 тыс. руб. в то время как Английская – 640,5 тыс. руб. Заключаемые контракты касались доставки широкого круга товаров, в том числе рельсов, паровых машин, скота, зерна, хлопка, муки, сала, сливочного масла, икры и др. Среди 44 пароходов, эксплуатация которых являлась особенно выгодной, выделялись «Паллада» и «Владимир» (каждый давал более 200 тыс. руб. дохода), «Владимир» и «Олег» (более 180 тыс.), «Великий князь Константин» (170 тыс.), «Одесса», «Веста», «Митридат», «Гуниб» (160 тыс.), «Удалой», «Буг» и «Язон» (150 тыс.) (*Отчет..., 1864. С. 1–4; Обязательная записка..., 1864. С. 3–10*).

Помимо оптимизации хозяйственной деятельности руководство РОПиТ продолжало работу по скупке акций компании, прежде всего у мажоритарных собственников. В декабре 1863 г. одобрено соглашение с В.А.Кокоревым о приобретении у него крупного пакета в 1600 акций за 312 тыс. руб., т. е. по 195 руб. за акцию (*РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 186. Л. 1–2*). От большей части своих акций начинают постепенно избавляться великий князь Константин Николаевич, барон И.Е. Гинцбург и Н.А. Новосельский. К весне 1864 г. выкупленными оказалось 3 542 акции и 138 временных свидетельств (давались собственникам в случае неполной оплаты акций) за 711 424 руб., при их номинальной стоимости в 1,1 млн руб. (*РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 219. Л. 77*). К этому времени члены правления оказались готовы к следующему решительному шагу – вывести из состава собственников крупнейшего акционера в лице правительства. Поддержка властей уже не являлась к этому времени принципиальной с точки зрения перспектив развития компании. 10 апреля 1864 г. член правления Н.Н. Суцов обратился к министру финансов с прошением, в котором предложил приобрести у правительства по 144 рубля все 5470 акций (в это время их биржевой курс составлял 225 руб.). После непродолжительного обсуждения на прошение был дан положительный ответ: в июле 1864 – январе 1865 гг. весь пакет был приобретен Обществом (*РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2561. Л. 3*).

Результаты 1864 г. свидетельствовали о серьезных успехах в деле модернизации операций компании, во многом определивших возможности ее стабильного развития в будущем. Это касалось в первую очередь мероприятий по обеспечению роста эффективности действий РОПиТ, подтверждавшего правильность выбранного правлением курса на сокращение расходов (прежде всего административных) и оптимизацию структуры пароходных линий в соответствии с их финансовым и хозяйственным потенциалом. В частности, чрезвычайно результативным стало использование на дальних линиях приобретенного годом ранее парохода «Лазарев». Доходность от его эксплуатации превысила 300 тыс. руб. Кроме того, до пяти увеличилось количество судов («Одесса», «Юнона», «Олег», «Гуниб» и «Веста»), каждое из которых давало выручку более 200 тыс. руб. Доходность еще одиннадцати увеличилась до 150 тыс. руб. Поддерживаемая численность пароходов (в пределах 45 судов) представлялась при имеющемся количестве линий и рейсов вполне благоприятной для

дальнейшего повышения результативности операций РОПиТ. В целом по итогам года рентабельность активов компании достигла рекордных 16,3%, собственного капитала – 19,7%. Дивидендные выплаты акционерам впервые составили 10% на уставный капитал (*Отчет...*, 1865. С. 1–3).

Общую картину грузоперевозок Общества в 1864 г. рисуют следующие данные (табл. 5).

Таблица 5

Перевозка грузов судами РОПиТ в 1864 г.

Линии	Показатели	Кол-во рейсов срочных/несрочных	в пудах	выручено (руб.)
Английская		/12	1 538 930	569 443
Александрийская		26/11	636 306	362 243
Анатолийская		51/3	731 929	246 233
Крымская		40/60	1 200 902	198 229
Буксирное пароходство по Днепру		/85	2 455 900	192 846
Константинопольская		49/11	1 092 187	172 876
Марсельская		/19	572 030	149 757
Кавказская		37/149	407 397	66 949
Азовская		58/14	150 364	48 616
Буксирное пароходство по Днестру		/32	1 331 971	46 347
Таганрогско-Константинопольская		/8	144 684	45 501
Херсонская		106/	329 801	33 546
Буксирное пароходство по Бугу		/12	419 281	30 623
Галацкая		35/	72 018	18 235
Николаевская		68/1	150 876	13 564
Таманско-Керченская переправа		/127	28 673	11 091
Днестровская переправа		/897	287 311	24 344
Срочное пароходство по Днепру		93/	52 620	9 196
Транспортировка в пределах одесского рейда		-	-	7 189
Рейсы в Салоники		/3	17 336	1 909
Итого:		564/1436	11 616 465	2 248 743

Источник: (*Объяснительная записка...*, 1865. С.3)

В 1864 г., в сравнении с 1862 – 1863 гг., наблюдалось, и это соответствовало ранее принятому плану развития компании, быстрое увеличение числа несрочных рейсов при одновременном резком снижении, почти в два раза, количества срочных (обязательных) (*РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 226. Л. 60–61*). Данная тенденция не сопровождалась отказом, за некоторыми исключениями (как уже было показано на примере Таганрогско-Александрийского сообщения), от обслуживания срочных линий, что свидетельствовало о стремлении руководства РОПиТ ориентироваться в целом на реализацию уставных требований, поддерживая тем самым необходимый уровень доверия с властями. В этой ситуации 1864 г. демонстрировал быстрое увеличение размеров выручки, опережавшее темпы роста объема транспортируемых грузов. По-прежнему наиболее доходными для РОПиТ выступали заграничные линии: по общему результату – Английская; в соотношении размеров перевезенного груза и полученной прибыли – Александрийская и Анатолийская. Вместе с тем наблюдалось резкое увеличение масштабов транспортировки в крымские и азовские порты – почти в два раза, а также буксирного пароходства (по Днепру, Днестру и Бугу) и услуг Днестровской переправы – на фоне хорошего урожая в южных губерниях России. Рост хозяйственной активности в северных причерноморских территориях предоставлял Обществу новые возможности для повышения эффективности транспортных операций, в том числе путем перенаправления судов на обслуживание других линий. Частным, но по-своему ярким примером стало увеличение количества перевозимых по Крымской и Херсонской линиям фортепиано, чаще всего предназначенных для обустройства местных помещичьих имений. Отметим также общее сокращение размеров грузоперевозок по западному побережью российского Причерноморья, в это время пользовавшегося

сравнительно меньшим вниманием со стороны правительства и частных инвесторов. Так, имело место сокращение доходности рейсов по Кавказской линии, а также сравнительно низкие темпы роста выручки по результатам несрочной транспортировки по Таганрогско-Константинопольской линии и Таманско-Керченской переправе. Последняя в значительной мере использовалась для перевозки скота (в течение года свыше 40 тыс. голов). Вместе с тем подтверждалась эффективность объединительных тенденций в работе пароходных линий. Так, единое транспортное сообщение из Одессы в Крым и далее на Кавказ демонстрировало постоянный рост прибыли, позволив приобрести для этого направления еще один комфортабельный пароход – «Великий князь Михаил» (РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 219. Л. 75–80).

Результаты перевозки пассажиров судами РОПиТ в 1864 г. сопровождались следующими показателями (табл. 6).

Таблица 6

Перевозка пассажиров судами РОПиТ в 1864 г.

Показатели Линии	Кол-во пассажиров 1 класса	Кол-во пассажиров 2 класса	Кол-во пассажиров 3 класса	Кол-во пассажиров 4 класса	Всего пассажиров	Выручка (руб.)
Анатолийская	310	944	140	25 536	26 930	183 767
Александрийская	698	1 407	76	27 298	29 479	169 320
Крымская	1 710	1 914	5	18 912	22 541	129 833
Кавказская	312	787	-	17 077	18 176	94 274
Херсонская	3 505	1 833	-	19 815	25 153	58 096
Азовская	552	673	-	8 827	10 052	57 818
Константинопольская	330	509	141	4 419	5 399	57 696
Галацкая	1 215	783	-	1 216	3 214	40 984
Срочное пароходство по Днепру	2 049	547	-	14 997	17 593	36 523
Николаевская	1 783	810	-	8 114	10 707	22 529
Буксирное пароходство по Днепру	427	3	-	15 777	16 207	15 261
Днестровская переправа	4 745	28	-	78 439	83 212	9 736
Таманско-Керченская переправа	1 575	11 852	-	-	13 427	5 913
Английская	47	11	-	103	161	5 373
Таганрогско- Константинопольская	17	32	-	304	353	3 837
Марсельская	22	20	-	269	311	3 355
Рейсы в Салоники	10	8	-	229	247	1 876
Буксирное пароходство по Бугу	10	-	-	74	84	113
Буксирное пароходство по Днестру	1	-	-	36	37	30
Итого:	19 318	22 161	362	241 442	283 283	896 343

Источник: (Объяснительная записка..., 1865. С.4)

В наибольшей мере увеличение пассажиропотока в стоимостном выражении наблюдалось в 1864 г. (в сравнении с 1863 г.) на недавно открытой Анатолийской – почти в два раза, Галацкой, Крымской и Кавказской линиях, а также буксирном и срочном пароходстве по Днепру. По общему количеству перевезенных пассажиров, включая особенно значимый рост по 1-му классу, лидировала Днестровская переправа и Херсонская линия. В целом прирост по количеству пассажиров дали в первую очередь перевозки 4 и 1 классами (Отчет..., 1865. С. 1–3; Объяснительная записка..., 1865. С. 3–5). Выгоды от реализации коммерчески выгодных рейсов, не обязательно совпадавших с обязательными линиями, дававшими высокую помильную плату, подтверждали для акционеров правильность выбранной Н.М. Чихачевым модели совершенствования операций компании. По ито-

гам 1864 г. 33-летнему директору-распорядителю выразили глубокую признательность «за всю пользу, принесенную Обществу его деятельностью, и за стремление его содействовать интересам Общества всеми возможными мерами» (*Журнал...*, 1865. С. 3).

Изменения уставного характера, сопровождавшие деятельность РОПиТ в 1864 г., в значительной мере коснулись индивидуальных и групповых предпочтений в среде собственников. В частности, целый ряд предложений по реформированию структуры управления (в том числе сокращению числа членов правления и введению оплаты труда лиц из наблюдательного совета) не были поддержаны мажоритарными акционерами и в результате не получили одобрения на общих собраниях. Вместе с тем Н.М. Чихачеву удалось добиться у акционеров понимания в вопросе о создании кадрового резерва компании, касающегося в первую очередь «личностей, вполне известных Обществу по их деятельности и уже подготовленных к замещению вакантных агентских мест». Значимость данного сюжета объяснялась необходимостью дальнейшего совершенствования работы сотрудников российских и зарубежных представительств РОПиТ, в том числе с учетом предполагавшегося перевода под контроль константинопольского агентства рейсов по Анатолийской и Александрийской линиям. Данное решение принималось с расчетом использовать последнюю линию для перевозки мусульман в их паломничестве в Мекку (до того времени предпочитавших плыть на турецких или египетских кораблях) (*РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 188. Л. 14–15, 27*). Реализованной оказалась также идея об упорядочении вознаграждения директора-распорядителя в 2,5% с чистой прибыли, при обязательной годовой сумме не менее 12 тыс. руб., а также введении страхового капитала в 1 млн руб. для приобретения новых судов и страхования грузов (*Проект...*, 1865. С. 1–5).

Определенную статусную роль при позиционировании РОПиТ в отечественном деловом мире играло сохраняющееся представительство в среде собственников членов царской фамилии: после уставных преобразований 1864 г. в их числе остался наследник Александр Александрович (58 акций), а также великие князья Михаил Николаевич (150), Владимир Александрович (66) и Алексей Александрович (60). С другой стороны, происходившие изменения в структуре акционерного капитала наглядно проявлялись в формировании новых связей, как это имело место в случае с многочисленными представителями баронского рода Корф. За период 1862–1865 гг. количество принадлежащих им акций увеличилось с 322 до 1111, что позволило этой группе (11 чел., в том числе 4 женщины), стать крупнейшим коллективным собственником компании. Другим примером выступала преемственность в делах РОПиТ семьи Молчановых: если коммерции советник Евграф Владимирович был известен как один из первых акционеров компании, то его сын Анатолий стал в дальнейшем председателем правления. Из числа первых мажоритарных собственников отчасти сохраняли свои позиции в середине 1860-х гг. банкир И.Е. Гинцбург (532 акции), хлеботорговец Н.М. Полежаев (509) и промышленник И.С. Мальцов (500), а также Н.М. Чихачев (427) и Н.А. Аркас (382) (*Список...*, 1866. С. 1–4). Что касается членов петербургского руководства, то все они, включая председателя правления Н.С. Гаевского и председателя наблюдательного совета Н.Н. Анциферова, являлись миноритарными акционерами. Размывание акционерного капитала при одновременном сужении, после выкупа значительной части акций, числа собственников, участвовавших в работе общих собраний, становилось определяющей чертой в процессе усиления роли исполнительного директора в Одессе и членов правления в Петербурге при решении ключевых для компании стратегических и оперативных вопросов.

Заключение

Итогом работы РОПИТ в 1856–1864 гг. стали глубокие изменения в организационно-хозяйственной деятельности, связанные не только с существенным обновлением состава акционеров (включая уход правительства из числа собственников) и руководящих структур в Петербурге и Одессе, но и масштабными преобразованиями в характере операций компании. Последние оказались обусловлены преимущественной ориентацией на развитие коммерческой составляющей действий пароходства. Как поясняли члены правления, успехи функционирования Общества к концу 1864 г. объяснялись его стремлением, «не ограничиваясь одними обязательствами Устава» (ранее согласованными с правительством), увеличивать число рейсов по тем или иным линиям и, тем самым, «содействовать всеми мерами развитию отечественной торговли и удовлетворять потребностям пассажирского движения...» (*РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 240. Л. 74–75*). В конечном счете, власти отказались контролировать стратегическую и оперативную направленность работы компании, признав данную сферу прерогативой интересов исключительно частных владельцев. В этих условиях РОПиТ смогло добиться оптимального перераспределения имеющихся ресурсов для поддерж-

ки как обязательных, так и несрочных рейсов на внутрироссийских и международных судоходных линиях. Рост чистой прибыли и дивидендных выплат согласовывался при этом с ориентацией на решение общественно- и государственно значимых задач, связанных с развитием транспортного сообщения и торгово-промышленных отношений на Юге России. В итоге, как поясняли руководители компании, второй период ее работы (с 1865 по 1878 гг.) стал «самым блестящим в финансовом отношении, как для Общества, то есть самого дела, так и для акционеров» (РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2561. Л. 3). Обеспечив баланс интересов собственников с потребностями функционирования фирмы как частного предприятия, члены правления и одесской администрации сумели выйти в эти годы на оптимальный вариант управления пароходством не только с точки зрения доходности, но и в плане создания условий (прежде всего по количеству судов и их тоннажу) для участия, в случае необходимости, в военно-морских действиях России в черноморском регионе. Именно такое развитие событий, связанных с русско-турецкой войной 1877–1878 гг., станет рубежным при переходе от второго к третьему (1879–1890 гг.) периоду истории РОПиТ.

ЛИТЕРАТУРА

- Акционерно-паевые предприятия России* (1917). М.: Тип. А.П. Поплавского.
- Вейкова С.Н. (2006). Программа великого князя Константина Николаевича и создание Русского общества пароходства и торговли // *История предпринимательства в России: XIX – начало XX века*, вып. 2. Сб. статей/ Научно-исследовательский институт менеджмента СПбГУ. СПб.: Издательский дом С.-Петербургского государственного университета.
- Гребцова И.С., Мирошниченко В.А. (1997). Источники изучения истории акционерной компании РОПиТ // *Записки исторического факультета Одесского державного университета ім. І.І. Мечникова*, вып. 4. Одеса, с. 166–172.
- Журнал общего собрания акционеров Высочайше утвержденного Русского общества пароходства и торговли* (1865). СПб.
- Иловайский С.И. (1907). Исторический очерк пятидесятилетия Русского общества пароходства и торговли. Одесса: Тип. Акционерного Южнорусского общества печатного дела.
- Коновалов Ю.П. (1981). Морской торговый флот России в период промышленного капитализма, 60-е – середина 90-х гг., XIX в. (На материалах Черномор.-Азов. бассейна). Автореф. дис. ... канд. ист. наук (07.00.02). Одесса.
- Лемачко Б.В., Яровой В.В. (1991). Краткий очерк деятельности Русского общества пароходства и торговли // *Гангут*, вып. 2, с. 77–85.
- Мнения о преобразовании управления делами Русского общества пароходства и торговли, послужившие основанием для составления окончательного предположения по этому предмету* (1861). СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза».
- Морозан В.В. (2014). Деловая жизнь на Юге России в XIX – начале XX века. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Общее собрание Русского общества пароходства и торговли* (8 мая 1863). СПб.
- Общее собрание Русского общества пароходства и торговли* (27 апреля 1864). СПб.
- Объяснительная записка к отчету Русского общества пароходства и торговли за 1861 год* (1862). СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза».
- Объяснительная записка к отчету Русского общества пароходства и торговли за 1862 год* (1863). СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза».
- Объяснительная записка к отчету Русского общества пароходства и торговли за 1863 год* (1864). СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза».
- Объяснительная записка к отчету Русского общества пароходства и торговли за 1864 год* (1865). СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза».
- Отчет Высочайше утвержденного Русского общества пароходства и торговли с 3 августа 1856 года по 31 декабря 1857 года* (1858). СПб.: Тип. И. Шумахера и Л. Серякова.
- Отчет Высочайше утвержденного Русского общества пароходства и торговли за 1858 год* (1859). СПб.: Тип. И. Шумахера.
- Отчет Высочайше утвержденного Русского общества пароходства и торговли за 1859 год* (1860). СПб.: Тип. Торгового дома «С. Струговщиков, Г. Похитонов, Н. Водов и К°».
- Отчет Высочайше утвержденного Русского общества пароходства и торговли за 1860 год* (1861). СПб.: Тип. Торгового дома «С. Струговщиков, Г. Похитонов, Н. Водов и К°».
- Отчет Высочайше утвержденного Русского общества пароходства и торговли за 1862 год* (1863). СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза».

Отчет Высочайше утвержденного Русского общества пароходства и торговли за 1863 год (1864). СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза».

Отчет Высочайше утвержденного Русского общества пароходства и торговли за 1864 год (1865). СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза».

Перозио Н. (1862). Проект главных оснований организации Русского общества пароходства и торговли. СПб.: Тип. Н. Греча.

Проект изменения некоторых параграфов Устава Русского общества пароходства и торговли, одобренный Советом и представленный на утверждение общего собрания гг. акционеров 21 февраля 1865 г. (1865). СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза».

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 107. Оп. 1. Д. 1. Об учреждении Общества. 1856 г.

РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2. Об общем собрании акционеров. 1856 г.

РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 3. О директорах правления. 1856 г.

РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 5. О сообщении между Керчью и Таманью. 1856 г.

РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 9. О перевозке грузов и пассажиров в 1856 и 1857 гг.

РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 10. Соображения по устройству пароходных сообщений. 1856 г.

РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 13. О подписке на акции. 1856 г.

РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 14. Первоначальная переписка по учреждению Русского общества пароходства и торговли, представленная правлению учредителем Общества Свиты Его Величества контр-адмиралом Николаем Андреевичем Аркасом. 1856 г.

РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 16. О Мортеновом эллинге и вообще о постройках в Севастополе. 1857 г.

РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 17. О купленных пароходах у разных лиц. 1857 г.

РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 132. Об общем собрании акционеров 4 марта. 1862 г.

РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 151. Об общем собрании гг. акционеров 29 июля 1862 г.

РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 186. О покупке акций РОПиТ у В.А. Кокорева. 1863 г.

РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 188. О членах правления. 1863 г.

РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 192. Об общем собрании гг. акционеров 21 апреля 1863 г.

РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 219. Об общем собрании гг. акционеров 22 апреля 1864 г.

РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 226. Об общем собрании гг. акционеров 21 февраля 1865 г.

РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 240. Об общем собрании гг. акционеров 25 апреля 1865 г.

РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2561. Обзор жизни Общества за 50 лет (в финансовом отношении). 1907 г.

РГИА. Ф. 678. Оп. 1. Д. 1290. Письмо Е.С. Иловойской А.Е. Молчанову о передаче ему своего голоса на общих собраниях акционеров РОПиТ и о книге «История РОПиТа за 50 лет его существования». 1907–1913 гг.

РГИА. Ф. 678. Оп. 1. Д. 1382. Записка [Иловойского] по истории Русского общества пароходства и торговли (учреждение его и первые годы существования). 1904 г.

Скальковский А.А. (1870). Русское общество пароходства и торговли. 1857–1869 г. Одесса: Тип. П. Францова.

Скальковский К.А. (1887). Русский торговый флот и срочное пароходство на Черном и Азовском морях. СПб.: Тип. А.С. Суворина

Список гг. акционеров Русского общества пароходства и торговли, имеющих право голоса к 24 апреля 1866 г. (1866). СПб.

Степанов Д.А. (2011). Учреждение русского общества пароходства и торговли (1856–1857 годы) // Вестник Челябинского государственного университета, № 22 (237), история, вып. 46, с. 30–38.

Томпсон С.Р. (2008). Российская внешняя торговля XIX – начала XX в.: организация и финансирование. М.: РОССПЭН.

Трифонов Ю.Н., Лемачко Б.В. (2009). Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ). 1856–1932. СПб.: ЛеКо.

Устав Русского общества пароходства и торговли (1856). СПб.: Тип. Д. Кесневия.

Устав Русского общества пароходства и торговли (1865). СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза».

Шевченко С.М. (2006). Деятельность Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) в 1856–1878 гг. // Севастополь: взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь: Максим ЧП Арефьев, с. 98–101.

Шевякова Д.П. (2006). Севастопольский торговый порт. История. Возможности и реальность (вторая половина XIX – начало XX века) // Севастополь: взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь: Максим ЧП Арефьев, с. 85–90.

Эфенди-Заде Д.М. (1980). Русский морской торговый флот на рубеже XIX–XX вв. // *Исторические записки*, т. 105. М.: Изд-во Акад. наук СССР, с. 255–272.

REFERENCES

Draft amendment of certain sections of the Charter of the Russian Society of Shipping and Trade, approved by the Board and submitted for approval by the General Meeting of Shareholders on February 21, 1865 [Proekt izmeneniya nekotorykh paragrafov Ustava Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli, odobrennyy Sovetom i predstavlenyy na utverzhdenie obshchego sobraniya gg. aktsionerov 21 fevralya 1865 g.] (1865). Saint-Petersburg: Tovarishchestvo «Obshchestvennaya polza» Typography. (In Russian.)

Efendi-Zade D.M. (1980). Russian merchant fleet at the end of XIX – early XX centuries [Russkiy morskoy torgovyy flot na rubezhe XIX–XX vv.] Historical notes [Istoricheskie zapiski], vol. 105. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, pp. 255–272. (In Russian.)

Explanatory note to the report of the Russian Society of Shipping and Trade, 1861 [Ob'yasnitelnaya zapiska k otchetu Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli za 1861 god] (1862). Saint-Petersburg: Tovarishchestvo «Obshchestvennaya polza» Typography. (In Russian.)

Explanatory note to the report of the Russian Society of Shipping and Trade, 1862 [Ob'yasnitelnaya zapiska k otchetu Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli za 1862 god] (1863). Saint-Petersburg: Tovarishchestvo «Obshchestvennaya polza» Typography. (In Russian.)

Explanatory note to the report of the Russian Society of Shipping and Trade, 1863 [Ob'yasnitelnaya zapiska k otchetu Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli za 1863 god] (1864). Saint-Petersburg: Tovarishchestvo «Obshchestvennaya polza» Typography. (In Russian.)

Explanatory note to the report of the Russian Society of Shipping and Trade, 1864 [Ob'yasnitelnaya zapiska k otchetu Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli za 1864 god] (1865). Saint-Petersburg: Tovarishchestvo «Obshchestvennaya polza» Typography. (In Russian.)

Grebtsova I.S. and Mirosnichenko V.A. (1997). Sources of studying the history of joint-stock company, the Russian Society of Shipping and Trade [Istochniki izucheniya istorii aktsionernoy kompanii ROPiT]. Notes of the Historical faculty of the Odessa State University named after I.I. Mechnikov [Zapiski istorichnogo fakultetu Odeskogo derzhavnogo universitetu im. I.I. Mechnikova], Issue 4. Odesa, pp. 166–172. (In Russian.)

Ilovayskiy S.I. (1907). Historical sketch on the fiftieth anniversary of the Russian Society of Shipping and Trade [Istoricheskiy ocherk pyatidesyatiletia Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli]. Odessa: Aktsionerno-ye Yuzhnorusskoe obshchestvo pechatnogo dela Typography. (In Russian.)

Joint-venture companies in Russia [Aktsionerno-paevye predpriyatiya Rossii] (1917). Moscow: A.P. Poplavskiy Typography. (In Russian.)

Journal of General Meeting of Shareholders of the Russian Society of Shipping and Trade, which received Imperial approval [Zhurnal obshchego sobraniya aktsionerov Vysochayshe utverzhdenno Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli] (1865). Saint-Petersburg. (In Russian.)

Konovalov Yu.P. (1981). Russia's merchant marine fleet in the era of industrial capitalism, 60s – medium 90s of the XIX century. (Based on the data on the Azov-Black Seabasin) [Morskoy torgovyy flot Rossii v period promyshlennogo kapitalizma, 60-e – seredina 90-kh gg., XIX v. (Na materialakh Chernomor.-Azov. basseyna)]. Thesis abstract of the Dissertation submitted in fulfillment of PhD in History [Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk] (07.00.02). Odessa. (In Russian.)

Lemachko B.V. and Yarovoy V.V. (1991). A brief outline of the activities of the Russian Society of Shipping and Trade [Kratkiy ocherk deyatel'nosti Russkogo Obshchestva Parokhodstva i Torgovli]. Gangut, no. 2, pp. 77–85. (In Russian.)

Morozan V.V. (2014). Business life in the South of Russia in XIX – early XX century. [Delovaya zhizn' na Yuge Rossii v XIX – nachale XX veka]. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ. (In Russian.)

Opinions on the transformation of administration of the Russian Society of Shipping and Trade, served as the basis for drawing up the final suggestions on this subject [Mneniya o preobrazovanii upravleniya delami Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli, posluzhivshie osnovaniem dlya sostavleniya okonchatelnogo predpolozheniya po etomu predmetu] (1861). Saint-Petersburg: Tovarishchestvo «Obshchestvennaya polza» Typography. (In Russian.)

Perozio N. (1862). The project of the main foundations of the Russian Society of Shipping and Trade [Proekt glavnykh osnovaniy organizatsii Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli]. Saint-Petersburg: N. Grech's Typography. (In Russian.)

Report of the Russian Society of Shipping and Trade which received Imperial approval, August 3, 1856 – December 31, 1857 [Otchet Vysochayshe utverzhdennogo Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli s 3 avgusta 1856 goda po 31 dekabrya 1857 goda] (1858). Saint-Petersburg: I. Shumakher's and L. Seryakov' Typography. (In Russian.)

Report of the Russian Society of Shipping and Trade which received Imperial approval, 1858 [Otchet Vysochayshe utverzhdennogo Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli za 1858 god] (1859). Saint-Petersburg: I. Shumakher's Typography. (In Russian.)

Report of the Russian Society of Shipping and Trade which received Imperial approval, 1859 [Otchet Vysochayshe utverzhdennogo Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli za 1859 god] (1860). Saint-Petersburg: Torgovyi dom «S. Strugovshchikov, G. Pokhitonov, N. Vodov i K°» Typography. (In Russian.)

Report of the Russian Society of Shipping and Trade which received Imperial approval, 1860 [Otchet Vysochayshe utverzhdennogo Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli za 1860 god] (1861). Saint-Petersburg: Torgovyi dom «S. Strugovshchikov, G. Pokhitonov, N. Vodov i K°» Typography. (In Russian.)

Report of the Russian Society of Shipping and Trade which received Imperial approval, 1862 [Otchet Vysochayshe utverzhdennogo Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli za 1862 god] (1863). Saint-Petersburg: Tovarishchestvo «Obshchestvennaya polza» Typography. (In Russian.)

Report of the Russian Society of Shipping and Trade which received Imperial approval, 1863 [Otchet Vysochayshe utverzhdennogo Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli za 1863 god] (1864). Saint-Petersburg: Tovarishchestvo «Obshchestvennaya polza» Typography. (In Russian.)

Report of the Russian Society of Shipping and Trade which received Imperial approval, 1864 [Otchet Vysochayshe utverzhdennogo Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli za 1864 god] (1865). Saint-Petersburg: Tovarishchestvo «Obshchestvennaya polza» Typography. (In Russian.)

RSHA (Russian State Historical Archive) [RGIA (Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv)]. F. 107. Op.1. D.1. On the establishment of the Society [Ob uchrezhdenii Obshchestva]. 1856. (In Russian.)

RSHA. F.107. Op.1. D.2. On the General Meeting of Shareholders. 1856 [Ob obshchem sobranii aktsionerov]. 1856. (In Russian.)

RSHA. F. 678. Op.1. D. 1382. Note [by Ilovaisky] on the history of the Russian Society of Shipping and Trade (establishment and its first years of existence) [Zapiska [Ilovayskogo] po istorii Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli (uchrezhdenie ego i pervye gody sushchestvovaniya)]. 1904. (In Russian.)

RSHA. F.107. Op.1. D.10. Considerations about steamship communications [Soobrazheniya po ustroystvu parokhodnykh soobshcheniy]. 1856. (In Russian.)

RSHA. F.107. Op.1. D.13. About subscription to shares [O podpiske na aktsii]. 1856. (In Russian.)

RSHA. F.107. Op.1. D.132. On the General Meeting of Shareholders on March 4, 1862 [Ob obshchem sobranii aktsionerov 4 marta]. 1862. (In Russian.)

RSHA. F.107. Op.1. D.14. The initial correspondence on the establishment of the Russian Society of Shipping and Trade, presented to the Board by the founder of the Society of His Majesty Suites, Rear Admiral Nikolai Andreyevich Arcas [Pervonachal'naya perepiska po uchrezhdeniyu Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli, predstavlenaya pravleniyu uchreditelem Obshchestva Svity Ego Velichestva kontr-admiralom Nikolaem Andreevichem Arkasom]. 1856. (In Russian.)

RSHA. F.107. Op.1. D.151. On the General Meeting of Shareholders on July 29, 1862 [Ob obshchem sobranii gg. aktsionerov 29 iyulya]. 1862. (In Russian.)

RSHA. F.107. Op.1. D.16. On the Morton's boathouse and on all of the buildings in Sevastopol [O Mortonovom ellinge i voobshche o postroykakh v Sevastopole]. 1857. (In Russian.)

RSHA. F.107. Op.1. D.17. On the steamships bought from different persons [O kuplennykh parokhodakh u raznykh lits]. 1857. (In Russian.)

RSHA. F.107. Op.1. D.186. On the purchase of shares of the Russian Society of Shipping and Trade from V.A. Kokorev [O pokupke aktsiy ROPiT u V.A. Kokoreva]. 1863. (In Russian.)

RSHA. F.107. Op.1. D.188. On the members of the Board [O chlenakh pravleniya]. 1863. (In Russian.)

RSHA. F.107. Op.1. D.192. On the General Meeting of Shareholders on April 21, 1863 [Ob obshchem sobranii gg. aktsionerov 21 aprelya]. 1863. (In Russian.)

RSHA. F.107. Op.1. D.219. On the General Meeting of Shareholders on April 22, 1864 [Ob obshchem sobranii gg. aktsionerov 22 aprelya]. 1864. (In Russian.)

RSHA. F.107. Op.1. D.226. On the General Meeting of Shareholders on February 21, 1865 [Ob obshchem sobranii gg. aktsionerov 21 fevralya]. 1865. (In Russian.)

RSHA. F.107. Op.1. D.240. On the General Meeting of Shareholders on April, 25 1865 [Ob obshchem sobranii gg. aktsionerov 25 aprelya]. 1865. (In Russian.)

RSHA. F.107. Op.1. D.2561. Review of the life of the Society for 50 years (in financial terms) [Obzor zhizni Obshchestva za 50 let (v finansovom otnoshenii)]. 1907. (In Russian.)

RSHA. F.107. Op.1. D.3. On the Board of directors [O direktorakh pravleniya]. 1856. (In Russian.)

RSHA. F.107. Op.1. D.5. About the communication between the Kerch and Taman [O soobshchenii mezhdu Kerch'yu i Taman'yu]. 1856. (In Russian.)

RSHA. F.107. Op.1. D.9. On the carriage of goods and passengers in 1856 and 1857 [O perevozke грузов i passazhirov v 1856 i 1857 gg.]. (In Russian.)

RSHA. F.678. Op.1. D.1290. Letter of E.S. Ilovaiskaya to A.E. Molchanov on transferring of the right to vote in elections at general meetings of shareholders of the Russian Society of Shipping and Trade, and on the book «History of the Russian Society of Shipping and Trade for 50 years of its existence» [Pis'mo E.S. Ilovayskoy A.E. Molchanovu o peredache emu svoego golosa na obshchikh sobraniyakh aktsionerov ROPiT i o knige «Istoriya ROPiTa za 50 let ego sushchestvovaniya»]. 1907–1913. (In Russian.)

Shevchenko S.M. (2006). Activities of Russian Society of Shipping and Trade in 1856–1878 [Deyatel'nost Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli (ROPiT) v 1856–1878 gg.]. *Sevastopol: Looking Back [Sevastopol: vzglyad v proshloe]*. Sevastopol: Maksim ChP Aref'ev, pp. 98–101. (In Russian.)

Shevyakova D.P. (2006). Sevastopol trade port. History. Opportunities and reality (the second half of XIX – early XX century) [Sevastopolskiy torgovyy port. Istoriya. Vozmozhnosti i realnost (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)]. *Sevastopol: Looking Back [Sevastopol: vzglyad v proshloe]*. Sevastopol: Maksim ChP Aref'ev Publ, pp. 85–90. (In Russian.)

Skalkovskiy A.A. (1870). The Russian Society of Shipping and Trade. 1857–1869 [Russkoe obshchestvo parokhodstva i trgovli. 1857–1869 g.]. Odessa: P. Frantsov's Typography. (In Russian.)

Skalkovskiy K.A. (1887). The Russian merchant fleet and urgent shipping company in the Black and Azov Seas [Russkiy torgovyy flot i srochnoe parokhodstvo na Chernom i Azovskom moryakh]. Saint-Petersburg: A.S. Suvorin's Typography. (In Russian.)

Statute of the Russian Society of Shipping and Trade [Ustav Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli] (1856). Saint-Petersburg: D. Kesnevil's Typography. (In Russian.)

Statute of the Russian Society of Shipping and Trade [Ustav Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli] (1865). Saint-Petersburg: Tovarishchestvo «Obshchestvennaya polza» Typography. (In Russian.)

Stepanov D.A. (2011). Establishment of the Russian Society of Shipping and Trade (1856–1857 years) [Uchrezhdenie russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli (1856–1857 gody)]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University [Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta]*, no. 22 (237), History, no. 46, pp. 30–38. (In Russian.)

The General Meeting of the Russian Society of Shipping and Trade [Obshchee sobranie Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli] (April 27, 1864). Saint-Petersburg. (In Russian.)

The General Meeting of the Russian Society of Shipping and Trade [Obshchee sobranie Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli] (May 8, 1863). Saint-Petersburg. (In Russian.)

The list of shareholders of the Russian Society of Shipping and Trade, with the right to vote by 24 April, 1866 [Spisok gg. aktsionerov Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli, imeyushchikh pravo golosa k 24 aprelya 1866 g.]. (1866). Saint-Petersburg. (In Russian.)

Tompson S.R. (2008). Russian foreign trade of XIX – early XX century: organization and financing [Rossiyskaya vneshnyaya trgovlya XIX – nachala XX v.: organizatsiya i finansirovanie]. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian.)

Trifonov Yu.N. and Lemachko B.V. (2009). The Russian Society of Shipping and Trade [Russkoe obshchestvo parokhodstva i trgovli (ROPiT)]. 1856–1932. Saint-Petersburg: LeKo. (In Russian.)

Veykova S.N. (2006). The program of the Grand Duke Konstantin Nikolaevich and establishment of the Russian Society of Shipping and Trade [Programma velikogo knyazya Konstantina Nikolaevicha i sozdanie Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli]. *The history of entrepreneurship in Russia: XIX – early XX century [Istoriya predprinimatel'stva v Rossii: XIX – nachalo XX veka]*, no. 2. Saint-Petersburg: Izdatelskiy dom S.-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian.)

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАМКИ¹

В.В. ВОЛЬЧИК,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: volchik@sfedu.ru;

Д.Д. КРИВОШЕЕВА-МЕДЯНЦЕВА,

бакалавр экономики, магистрант,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: medyantsevad@sfedu.ru

В статье проанализированы различные теоретические подходы к трактовке институциональной структуры и институциональных изменений. На основе обобщения концепций оригинального институционализма и новой институциональной экономики в традиции позднего Д. Норта разработаны теоретические рамки для анализа институциональной структуры сферы образования. В ходе реформ изменяются институты и институциональная структура сферы образования. Эти процессы детерминируют изменения организационной структуры, стимулов, контрактов и поведенческих паттернов основных акторов. В свою очередь, акторы вынуждены соотносить изменения институтов с доминирующими ценностями, своими интересами и альтернативными вариантами поведения. Несмотря на то, что новые институты могут быть неэффективными в перспективе, акторы зачастую принимают их вследствие того, что они не могут оказывать сопротивление или по причине непонимания сути новых институциональных структур. В то же время, подобные институты часто становятся причиной возникновения гибридных организаций. В случае если образовательная организация принимает гибридную форму, ей будет практически невозможно пройти отбор на соответствие постоянно меняющимся критериям эффективности. Таким образом, акторы вынуждены адаптироваться к непрерывно трансформирующейся институциональной среде в условиях неопределенности.

Ключевые слова: институциональные изменения; институты; высшее образование; институциональная структура.

INSTITUTIONAL STRUCTURE OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA: PRINCIPAL CONCEPTS AND THEORETICAL FRAMEWORKS

V.V. VOLCHIK,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: volchik@sfedu.ru;

D.D. KRIVOSHEEVA-MEDYANTSEVA,

Bachelor of Economics, Master Student,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: medyantsevad@sfedu.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ: Грант № 15-32-01019 «Институциональные изменения структуры российской сферы образования и адаптивное экономическое поведение (на примере Ростовской области)».

This paper examines a variety of theoretical concepts and approaches to understanding institutional structures and institutional change. Based on the concepts of original institutionalism and new institutional economics of «late» Douglass North, we attempt to develop a theoretical framework for analyzing the institutional structure of Russian higher education. Institutions and institutional structures in the field of higher education are changing rapidly in the course of reforms. This process determines actors' behavioral patterns, incentives and values. Actors tend to adjust the effects of institutional change to prevailing values and their own interests by developing alternative behavioral patterns. Although new institutions can be inefficient and problematic, actors often accept them because they are not able to resist, or they just do not understand new institutional structures clearly. Meanwhile, such institutions often lead to hybrid organizations. If a university becomes a hybrid organization, it may fail to overcome the selection barriers created by the government. Therefore, university students, lecturers and staff at all levels need to conform to constantly changing institutional conditions. This article aims at providing a theoretical framework for identifying working rules, incentives and values that influence actors' behavior in the field.

Key words: institutional change; institutions; higher education; institutional structure.

JEL Classifications: B52, I23.

1. Институциональная структура

Исследования институтов предполагают определенный уровень абстракции и конвенциональных соглашений среди ученых-институционалистов, какими бы реалистичными ни были рабочие гипотезы и фактические данные. Институты являются в широком смысле продуктом человеческой культуры. И хотя мы не оспариваем эволюционный характер формирования институтов, важно также учитывать факторы коллективных действий и интенциональности акторов (Норт, 2010). Таким образом, элементы институциональной структуры (среды) экономической системы (порядка) или конкретной сферы хозяйствования можно выделить в зависимости от конкретных потребностей исследователя и определенных соглашений в рамках научного направления.

Вначале мы должны определить фундаментальные принципы классификации институтов как элементов институциональной структуры. Безусловно, первым элементом классификации будет разделение институтов на формальные и неформальные (Норт, 1997; Тамбовцев, 2014). Следующий элемент основан на отношении институтов к институциональным изменениям и включает эндогенные и экзогенные институты (Krug and Hendrischke, 2010). Еще одним элементом классификации может быть разделение институтов на глобальные, национальные, региональные и локальные в контексте проводимой экономической политики (Herrmann-Pillath, 2006). Также существует подход к классификации иерархии институциональной организации в зависимости от масштаба и качества регулируемых взаимодействий между акторами (Вольчик, Бережной, 2009).

Одну из самых известных классификаций институтов предложил Уильямсон (Williamson, 2000). Его классификация основана на принципах цели и скорости изменения институтов. Уильямсон выделяет 4 институциональных уровня в соответствии со скоростью институциональных изменений на каждом из них. На самом высоком уровне располагаются неформальные институты, культурные установки, обычаи, традиции и религиозные нормы, скорость изменения в которых измеряется веками и тысячелетиями. Такие неформальные институты (institutions of embeddedness) – глубоко укорененные, или каркасные, институты – создают основу для внедряемых формальных институтов. Институты первого уровня укоренены в сознании акторов, причем эта укорененность (embeddedness) может быть разных видов: когнитивная, культурная, структурная и политическая (Ibid. P. 596–597).

Институты на первом уровне тесно связаны с господствующими в обществе ценностями и воспринимаются акторами (чаще всего имплицитно) как обладающие моральной, политической и эпистемологической легитимностью. Под легитимностью понимается согласованность с некими фундаментальными ценностями. Легитимным признаётся то, что считается правильным в соответствии с принятыми в обществе специфическими ценностями. Легитимными могут быть признаны те институты, которые, даже подвергшись критике, все равно признаются подходящими и правильными (Dequech, 2013. P. 95).

Согласно Уильямсону, идентификация и объяснение механизмов, посредством которых неформальные институты создаются и функционируют, могут помочь понять процесс медленных изме-

нений на первом уровне. Также Уильямсон отмечает, что появление неформальных правил носит преимущественно спонтанный характер, вследствие чего делиберативный процесс институционального выбора сложно осуществим, при этом такие институты характеризуются высокой инерционностью. Кроме того, надо понимать, что сообщества, в особенности замкнутые, часто активно сопротивляются институциональным изменениям, защищая себя от «чужих» ценностей (*Williamson, 2000. P. 597–598*).

Второй уровень представляет собой институциональную среду, которая является результатом эволюционного развития. Возможности осуществлять изменения на втором уровне выше, здесь базируются формальные институты высшего порядка, вписанные в институциональный каркас институтов первого уровня, в их числе могут быть, например, законы и нормы, регулирующие распределение прав собственности в обществе. На этом уровне скорость институциональных изменений выше, речь идет уже о веках и десятилетиях (*Williamson, 2000. P. 598*).

На третьем уровне расположены институты управления (*institutions of governance*), или механизмы регулирования. Институты третьего уровня представляют собой некоторые наборы правил, регулирующие повседневные взаимодействия, в том числе контрактные отношения. Предполагается, что механизмы регулирования третьего уровня должны корректироваться с тем, чтобы минимизировать трансакционные издержки. Изменения институтов третьего уровня не столь масштабные, это скорее подгонка или корректировка, обычно занимающая период до нескольких лет (*Kingston and Caballero, 2009. P. 167*).

Самый низший уровень отводится правилам, прописанным в контрактах; к таким правилам может относиться порядок определения цен. Подобные нормы будут, согласно Уильямсону, меняться постоянно. Уильямсон предполагает, что результат изменений на самом низшем уровне может отразиться на процессе институциональных изменений самого высшего уровня в долгосрочной перспективе, но, вместе с тем, сознательно эту возможность игнорирует. Также он пишет о том, что новая институциональная экономическая теория работает только на двух уровнях, а именно на втором и третьем, в то время как первый уровень – это «важная, но не доработанная часть истории» (*Williamson, 2000. P. 610*). Таким образом, получается, что неформальные институты зачастую воспринимаются институционалистами как экзогенный параметр, который можно исключить из анализа.

Таблица 1

Классификация институтов О. Уильямсона*

Уровень		Частота институциональных изменений	Цель / Суть
1	Каркасные (глубокоукорененные) неформальные институты (традиции, обычаи, религиозные правила)	Тысячелетия и столетия	Цель размыта, спонтанный характер происхождения институтов
2	Институциональная среда: формальные правила игры (в особенности относительно распределения прав собственности, формы правления, судопроизводства)	Столетия и десятилетия	Правильное понимание институциональной среды
3	Управление через механизмы регулирования. Основной процесс – корректирование управленческих структур в соответствии с осуществляемыми транзакциями	Десятилетия и годы	Правильное понимание структуры управления. Снижение трансакционных издержек
4	Правила, прописанные в контрактах, например распределение ресурсов, условия занятости, стимулы	Непрерывный процесс	Достижение эффективности при исполнении контрактов

* (*Williamson, 2000. P. 597*).

Институциональная структура (или среда) формирует пространство возможностей для совершения транзакций как в экономике в целом, так и в отдельных отраслях производства и сферах общественного сектора. Важно учитывать при исследовании институциональной структуры тот факт, что экзогенные институты формируют организационные структуры фирм и некоммерческих организаций, функционирующих в существующей институциональной среде (*Meyer and Rowan, 1977*).

Так, изменение формальных институтов может серьезно влиять на организационную структуру. Хорошим примером служит вступление в силу в 2013 году нового закона об образовании, согласно которому система начального профессионального образования (НПО) перестала существовать как самостоятельный уровень профессионального образования, перейдя в структуру среднего профессионального образования (СПО). На практике такие институциональные изменения привели, с одной стороны, к закрытию части ПТУ, с другой стороны – к трансформации оставшихся ПТУ в техникумы и колледжи, реализующие программы среднего профессионального образования согласно новому закону, но в ряде случаев не имеющие должной кадровой и материальной базы для этого.

2. Институциональные изменения

Наш подход к идентификации и структурированию институтов сферы образования основан на синтезе теоретических подходов оригинального институционализма и новой институциональной экономики в традиции позднего Д. Норта. Следовательно, институциональная структура экономики рассматривается сквозь призму неэргодической природы эволюционных процессов. Еще одной важной особенностью при исследовании институциональных изменений является их тесная взаимосвязь с дискурсами и пониманием акторами правил и ограничений, которые несут в себе институты. Для того чтобы понимать, как институты структурируют повторяющиеся взаимодействия между акторами, необходимо идентифицировать эти институты, их взаимосвязь и комплементарность.

Согласно Норту, процесс институциональных изменений в обществе связан с убеждениями и интенциями людей в этом обществе, в особенности с теми, которые поддерживаются политическими и экономическими лидерами, способными влиять на ход институциональных изменений в государстве. «Доминирующие убеждения со временем вырастают в структуру институтов, определяющих экономическое и политическое поведение... складывающаяся в итоге институциональная матрица накладывает серьезные ограничения на возможности выбора для лидеров, которые пытаются модернизировать существующие или создать новые институты для того, чтобы улучшить свои экономические или политические позиции» (Норт, 2000. С. 15).

В рамках концепции Норта процесс институциональных изменений носит скорее поступательный, чем внезапный характер и представляет собой совокупность большого количества незначительных по своему масштабу изменений. Более того, процесс институциональных изменений зависит от предшествующей траектории развития, поскольку индивиды учатся, организации развиваются, и идеологии формируются в контексте определенного набора формальных и неформальных правил (North, 1990. Ch. 9). Организации могут попытаться изменить формальные правила в свою пользу, и через некоторое время эти попытки приведут к изменениям в неформальных правилах. Норт также замечает, что ограниченная рациональность акторов и институциональная инерция могут препятствовать внедрению эффективных институциональных изменений.

Институты могут подвергаться трансформации – из неформальных становиться формальными. Так многие институты и механизмы регулирования в начале своего развития распространялись на очень ограниченном пространстве, локально, и выполнять правила можно было по желанию. В дальнейшем, однако, конкуренция, экономия от масштаба и сетевые эффекты привели к тому, что некоторые институты стали «победителями», превратились в регулярности, закрепились в институциональной среде, и выполнение правил, заложенных в таких институтах, стало обязательным (Brousseau and Raynaud, 2008; Bowles and Naidu, 2006).

В неоклассических исследованиях экономика имплицитно рассматривается как эргодическая система, где под эргодичностью понимается свойство динамической системы, состоящее в том, что в процессе эволюции системы почти каждая ее точка с определенной правильностью проходит вблизи любой другой точки системы. Реальный мир, в котором мы живем, является неэргодичным – этот мир постоянно возникающих новых изменений. Норт отмечает, что создавая и изменяя социум и его институты, мы сталкиваемся с уникальными явлениями по сравнению со всем, что имело место в прошлом (Норт, 2010). Неэргодичность и фундаментальная неопределенность в экономике смещают акценты от поиска всеобщих универсальных законов к исследованиям конкретных институтов и структур в контексте исторической и культурной специфики развития хозяйственных порядков.

Процесс институциональных изменений чрезвычайно сложен, именно поэтому существует множество теоретических подходов к его пониманию. Многие авторы рассматривают институциональные изменения как централизованный процесс коллективного выбора, когда правила явно специфицируются обществом или государством, а индивиды и организации вовлекаются в процес-

сы коллективного действия, конфликты и различные сделки с тем, чтобы попытаться изменить уже существующие правила, преследуя свои интересы (Олсон, 1995; Olson, 1995; Schmid, 2005; Eggertsson, 1990). Такой подход больше характерен для конвергентного с неоклассикой неоинституционализма.

Контракты и соглашения, сами по себе, представляют некую игру, правила которой определяются на высшем уровне, и эти правила, наложенные на действия и ощущения акторов, формируют направления институциональных изменений, которые происходят в правилах более низкого порядка (Kingston and Coballero, 2009. P. 155).

Подобный описанному выше подход использовала Остром (Ostrom, 2005), говоря о многослойной иерархии правил. Она проводила различия между операционными правилами, которые используются в повседневных взаимодействиях, и конституционными правилами, которые регулируют коллективный выбор. Также могут быть выделены метаконституционные правила – правила для выбора конституционных правил.

Анализируя процесс формирования правил на одном уровне, Остром предполагала, что правила на более высоких уровнях не изменяются, то есть они зафиксированы (Ostrom, 2005. P. 61). Согласно Остром, процесс институциональных изменений происходит следующим образом: каждый индивид просчитывает ожидаемые издержки и выгоды от институциональных изменений, и если решение «минимальной коалиции» относительно этих изменений положительно (она готова их принять), изменения могут произойти. Сразу возникает вопрос, что понимать под «минимальной коалицией»? Надо сказать, размер минимальной коалиции определяется правилами высокого порядка, например, в диктаторском государстве правитель сам может принять какое-либо решение, и тогда он и будет образовывать «минимальную коалицию»; в демократических режимах «минимальная коалиция» будет определяться большинством голосов в парламенте (Kingston and Coballero, 2009. P. 155–156).

Процесс институциональных изменений может также рассматриваться через зависимость от предшествующего пути развития (Libecap, 1989; David, 1994; David, 2007; Arthur, 1989; Asemoglu and Robinson, 2006; Asemoglu and Robinson, 2012). История имеет значение, поскольку прошлые политические соглашения создают институциональный каркас, способный ответить новым вызовам в случае наличия несогласных, например с распределением собственности. Формируются группы сторонников и противников сложившихся институтов, соответственно, с изменением соотношения числа противников и сторонников новых институциональных изменений будут также возникать новые альтернативы и предложения. От влияния и политических возможностей данных групп и будет зависеть судьба институциональных изменений (Вольчик, Бережной, 2012).

Феноменом зависимости от предшествующего пути развития в экономике объясняются причины «живучести» институтов (North, 1990), возникновения эффектов блокировки и возрастающей отдачи (Arthur, 1989; Pierson, 2000), а также неслучайного возникновения или повторения тех или иных событий в экономической жизни разных стран (Asemoglu and Robinson, 2012). Основной идеей популярного концепта является фраза «history matters», или «история имеет значение»; тем не менее, феномен зависимости от предшествующего развития также может рассматриваться сквозь призму информации, которой обладает актор, и тогда мы имеем дело с формулой «information matters». Этот подход достаточно подробно рассматривается в работе (Heikkila, 2011. P. 23).

В теории представителя оригинального институционализма Дж. Коммонса значительная роль в создании новых правил отводится судебной системе (Коммонс, 2011). Коммонс сосредоточивается на том, как политически обоснованные правила игры влияют на экономическое поведение и производительность, при этом допускается, что правила могут создаваться различными группами интересов и организациями, но окончательное решение будет все же за государством (Kaufman, 2007. P. 16). Акторы могут попытаться изменить существующие правила через судебный процесс и, таким образом, именно суды будут направлять процесс институциональных изменений, который Коммонс называл «искусственным отбором» в противопоставление эволюционным теориям и «естественному отбору» (Hodgson, 2004).

В рамках старой (оригинальной) институциональной экономики понятие действующих норм является центральным для понимания экономических взаимодействий, которые могут быть сведены к трем видам трансакций: торга, управления и нормирования (рационального) (Коммонс, 2012). «Характеристикой всех действующих норм является то, что они действительно регулируют те аспекты человеческого поведения, которые могут получать имена прав и свобод. Действующие нормы (правила) просто сообщают, что индивиды должны или не должны делать, что им позволено делать, а также что они могут или не могут делать, если властные органы, разрешающие споры, употребляют коллективную власть сообщества в отношении указанных индивидов» (Коммонс, 2011. С. 156).

Процесс принятия решений и адаптации к изменяющимся институциональным условиям будет зависеть от того информационного контента, которым обладает, или, что более важно, не обладает актер относительно состояния среды. Запас знаний или информации, полученный разными путями, в том числе через истории, рассказанные другими людьми, может формировать решения, которые принимают индивиды. Тем не менее, возможна ситуация, в которой индивид примет одно и то же решение независимо от того, обладает он информацией или нет.

Важным является вопрос, как информация влияет на адаптивную рациональность и принятие решения? Конечно, неявное знание о прошлом опыте может быть «вписано» в существующие нормы и практики, но в какой степени прошлое влияет на новые решения при изменении институциональных норм и практик? Необходимо отметить, что прошлое влияет только в том случае, если о нем известно. Можно привести пример. Допустим, некий индивид преступил закон, был осужден и понес наказание. Повлияет ли информация об этом факте его биографии на решение, например, о его принятии на работу? Да, безусловно, повлияет, если информация о судимости станет известна работодателю, независимо от того, как этот человек себя ведет, как он выглядит в настоящем. Однако в том случае, если видимых свидетельств его судимости в настоящем не будет, как не будет и формальных свидетельств, то с большой долей вероятности факт наличия этой судимости никак не повлияет на решение о принятии индивида на работу, и решение будет тогда независимым от предшествующего пути (*Heikkila, 2011. P. 28–30*).

В рамках эволюционного подхода обучение и институциональные изменения часто рассматриваются как неразрывно связанные процессы. В условиях сложной и стремительно изменяющейся институциональной среды идентификация и принятие новых институциональных паттернов требуют развитых когнитивных способностей со стороны акторов и могут быть осуществлены только в том случае, если наличествующий набор навыков и рутин постоянно совершенствуется и адаптируется через практическое применение (*Nelson, 1991. P. 71; Landini, 2013. P. 269*).

Новые институциональные паттерны не просто «выбираются» в тот момент, когда позволяют обстоятельства. Институты, как и технологии, эволюционируют таким образом, что прогнозировать этот процесс практически невозможно. Необходимо понимать, что даже в том случае, если организации осознанно идут на изменения, может потребоваться очень длительный период времени, чтобы они комфортно и эффективно функционировали «в новых одеждах» (*Landini, 2013. P. 269*).

Организации зачастую приспосабливаются к новым институтам посредством кумулятивных процессов обучения, в ходе которых потенциальные институциональные модели тестируются и испытываются в условиях наличествующей институциональной среды. В том случае, если отзывы положительные, – изменения принимаются и организации работают по-новому. Напротив, если нововведения отвергаются, – организации возвращаются к своему первоначальному варианту функционирования. Метод проб и ошибок признается ключевым в процессе эволюции институциональных моделей поведения организаций. Наличие комплементарности между старыми существующими институтами может ограничивать скорость институциональных изменений и процесс обучения, в том смысле, что новые практики и нормы, если они некомплементарны уже существующим, сложны для выполнения и требуют дополнительных знаний и опыта (которых еще нет просто в силу объективных причин – отсутствия времени), и приведут к образованию гибридных режимов работы на уровне исполнителей. Само функционирование такой организации также станет «гибридным», в силу чего – неэффективным (*Landini, 2013*).

Необходимо понимать, что процедурные требования, которые обходятся актерам дорого (в плане материальных, организационных и временных затрат), могут в значительной мере ограничивать процесс институциональных изменений. Более того, непрозрачность и нестабильность государственной политики по отношению к тем или иным сферам общественной и экономической жизни также будут снижать интерес и стимулы людей работать на долгосрочную перспективу (*Spencer and Gomez, 2004. P. 1100*).

В эволюционной теории процесс институциональных изменений рассматривается сквозь призму привычек. Привычка трактуется как устойчивая склонность думать и вести себя определенным образом, при этом привычки могут время от времени адаптироваться к изменяющейся среде. Привычки связаны с концептом ограниченной рациональности, так как позволяют индивиду следовать по уже знакомому пути, не растрачивая понапрасну умственные способности. Так, согласно Веблену: «Институты – это, по сути дела, распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций; и система жизни общества, которая складывается из совокупности действующих в определенное время или в любой

момент развития какого угодно общества, может с психологической стороны быть охарактеризована в общих чертах как превалирующая духовная позиция или распространенное представление об образе жизни в обществе» (Веблен, 1984. С.201–202). Развитие социальной (или институциональной) структуры, по Веблену, представляет собой процесс естественного отбора институтов как самых подходящих «образов мысли» или «разделяемых обществом привычек». Процесс институциональных изменений происходит, таким образом, путем адаптации индивидуальных привычек к изменяющейся среде через создание новых институтов, то есть осуществляется параллельный процесс приспособления индивидуальных привычек и тех, которые разделяются обществом. В любой момент времени индивидуальные и разделяемые обществом привычки связаны с прошлым, находятся под влиянием настоящего и определяют направление процесса институциональных изменений в будущем (Kingston and Coballero, 2009. P. 161–162).

3. Изменения институциональной структуры в сфере образования

Институциональные изменения в сфере образования формируют новые стимулы и поведенческие паттерны у основных акторов. Однако акторы не всегда могут выбирать эффективные или сравнительно эффективные стратегии поведения в связи с зависимостью от предшествующей траектории развития, институциональной инерцией, а также адаптацией к новым условиям осуществления повторяющихся взаимодействий (как рыночных, так и нерыночных).

Институциональные изменения в сфере образования чаще всего являются следствием принятия новых нормативных актов (законов, постановлений, «дорожных карт», программ, стандартов и т.д.). Трансформации институтов детерминируют организационные изменения и требуют времени и ресурсов для достижения контрольных показателей развития. Примером может служить ситуация с принятием новых Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС). ФГОС формулирует ряд требований к финансовому, материально-техническому, информационному и учебно-методическому обеспечению образовательного процесса. Вузы решают эту проблему в пределах выделенного государством финансирования, если такого финансирования нет априори или не хватает для закупки соответствующего оборудования и программного обеспечения, это становится проблемой самого вуза и его сотрудников (Зырянов, Котлововский, Синяков, 2012. С. 9).

За достаточно короткий промежуток времени учреждениям высшего образования необходимо было подготовить и разработать новые образовательные программы с учетом всех требований по определенному стандарту. В большинстве вузов эта работа была возложена на плечи преподавателей кафедр, которые теперь обязаны подумать не только о содержании своего курса, но и выполнять все требования ФГОС, совмещая, таким образом, должность преподавателя, доцента или профессора с работой администратора, менеджера, бухгалтера или даже завхоза. Если исходить из того, что в высшей школе трудятся люди с интеллектом выше среднего, им необходимы знания о том, как справляться с новым объемом бумажной работы. Руководители вузов пытаются организовать подобное обучение, но, к сожалению, от 23 до 40% преподавателей вузов не проходили курсов повышения квалификации в связи с переходом на ФГОС по внутривузовским программам. Тогда вузам целесообразно было бы обратиться к внешним программам повышения квалификации. Однако и здесь процент вузов, преподаватели которых не проходили повышение квалификации, довольно высок. По расчетам (Зырянов, Котлововский, Синяков, 2012. С. 7) в целом вузы сумели обеспечить повышение квалификации по разной проблематике в отношении ФГОС не более 25% своих преподавателей. И хотя в настоящее время в ведущих вузах² почти все руководители направлений подготовки прошли необходимое повышение квалификации – четкое и операционное понимание сути институциональных и организационных изменений у акторов только начинает формироваться.

Массовый переход на эффективные контракты после ноября 2012 г., когда распоряжением Правительства РФ была принята Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях, приводит к тому, что университеты, институты и академии вынуждены расставаться с сотрудниками, которые работали много лет, по причине их неэффективности, несоответствия введенным не так давно критериям. Для того чтобы сохранить свое место в вузе, преподаватель обязан одновременно учить студентов, заниматься исследованиями, быть менеджером и хорошим администратором (это, безусловно, необходимо, но требует по крайней мере времени и дополнительных ресурсов). Переход на эффективные контракты происхо-

² Например, в Южном федеральном университете за период с ноября 2014 г. по май 2015 г. все руководители направлений подготовки и руководители специализированных магистерских программ в обязательном порядке прошли повышение квалификации по программе: «Проектирование и механизмы реализации основных образовательных программ».

дит одновременно с волнами оптимизации преподавательского состава в университетах. Демографическая яма, сокращение бюджетных мест и программ подготовки бакалавров и магистров по неприоритетным (и даже приоритетным) для государства направлениям становятся причиной существенной реструктуризации штатов. Поскольку реализация этого процесса и достижение оптимального соотношения преподаватель–студенты становятся одной из важнейших задач менеджмента вузов, всё это формирует в преподавательской среде неопределенность, которая оказывает неоднозначное влияние на стимулы и интенции НПП (научно-педагогических работников). В итоге возникает необходимость проводить оптимизацию с тем, чтобы выполнить показатели, которые могут измениться (и скорее всего изменятся) в будущем (Булгакова, 2013a; Булгакова, 2013b; Булгакова, 2015).

Данные оптимизационные процессы в среднесрочном периоде могут привести к непредсказуемым последствиям. Не секрет, что подготовка преподавателя университета в системе высшего образования занимает минимум девять лет (несложная арифметика: 4 года в бакалавриате, 2 в магистратуре и 3 в аспирантуре), при этом уход преподавателя в реальный сектор экономики (в лучшем случае) практически исключает для него возможность в будущем вернуться в университет, так как исследовательская и преподавательская виды деятельности достаточно специфичны, и навыки теряются очень стремительно, более того, наука не стоит на месте. Молодым людям в силу жестких критериев тоже не придется поработать в вузе, и, таким образом, уже через пять лет, когда на смену поколению 1990-х придет поколение благополучных 2000-х, в университетах будет дефицит преподавателей, ведь многие из них переквалифицируются и будут заняты другой деятельностью. Также одним из возможных последствий этого будет нарушение преемственности в развитии отечественных научных школ.

Для того чтобы структуры изменялись, необходимо время. В том случае, если акторы не будут заинтересованы в изменениях, неэффективные институты будут продолжать свое существование, формируя гибриды, о которых шла речь выше. Надо понимать однако, что даже если все преграды преодолены, и процесс институциональных изменений запущен, результат не может быть получен мгновенно, эти изменения будут реализовываться постепенно, поэтапно. Очевидно также, что достичь согласия относительно небольших преобразований значительно проще, чем вносить радикальные изменения в существующие правила (Kingston and Coballero, 2009. P. 156). Основные акторы должны быть включены в делиберативный процесс, который, в частности, будет способствовать пониманию сущности и функций внедряемых институтов и механизмов регулирования. Если такое понимание не достигается в течение длительного времени, может наблюдаться эффект «беговой дорожки» – усилий много, а движения вперед нет.

В исследованиях российской сферы образования, науки и инновационного предпринимательства отмечается тот факт, что акторы имеют неправильное и неточное представление о результатах проводимых институциональных изменений – «предприниматели, профессура университетов, государственные служащие – все с легкостью нарушают правила игры, поскольку никто не знает точно, каковы они» (Грэхэм, 2014. С. 377). Некоторые акторы также могут экспериментировать с институциональными инновациями и пытаться имитировать успешные институты, которые были где-то «подсмотрены» (Ostrom, 2005. Ch. 4). Такая институциональная трансплантация обычно не проходит успешно, так как «пациент» в лице организации, системы или общества в целом просто не готов. Процесс институциональных изменений будет успешным в том случае, если он протекает делиберативно, акторы рефлексируют и обсуждают изменения между собой, постепенно приходит понимание. В итоге изменения, пусть медленно, но осуществляются (Kingston and Coballero, 2009. P. 157).

В рамках нашей концепции исследования изменений институциональной структуры сферы образования можно выделить несколько принципиальных подходов и исследовательских практик. Мы исходим из двойственной природы институтов и, следовательно, институциональной структуры. С одной стороны, объективно существуют формальные институты (например, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», подзаконные нормативные акты и т.д.). Кроме того существует определяемая формальными институтами организационная структура, состоящая из органов управления и организаций, осуществляющих образовательную деятельность. Однако правила и механизмы инфорсмента, содержащиеся в формальных институтах, могут по-разному трактоваться и использоваться акторами в своей повседневной деятельности. Поэтому при исследовании формальных институтов необходимо исходить не только из анализа существующих нормативных актов и организационных регламентов, но и учитывать интерпретацию данных институтов акторами, через анализ их дискурсов.

С другой стороны, имеют место неформальные институты и связанные с ними инерционные и устойчивые поведенческие паттерны. Неформальные институты, исходя из своей природы, могут быть идентифицированы несколькими способами. Основной способ (в рамках нашего подхода) – это анализ дискурсов или историй, рассказываемых основными акторами. Основным источником эмпирических данных здесь будет полуструктурированное исследовательское интервью (Квале, 2009) основных акторов, разбитых на три группы: преподаватели, обучающиеся (студенты) и управленцы. Вместе с тем немаловажным методом идентификации неформальных институтов может служить включенное наблюдение исследователей, которые являются акторами, непосредственно включенными в действие институциональной структуры сферы образования³.

В настоящей статье мы лишь обозначили концептуальные рамки для исследования изменений в институциональной структуре российской сферы образования, а также адаптивного поведения основных акторов. Для получения надежных и в перспективе воспроизводимых теоретических результатов еще предстоит проведение значительного объема эмпирических исследований и анализ полученных данных.

В рамках нашего подхода нам необходимо идентифицировать релевантные институты, относящиеся преимущественно ко второму, третьему уровням в классификации Уильямсона. Идентификация институтов позволяет выделить действующие правила, определяющие возможности и параметры осуществления трансакций. Исследование элементов институциональной структуры предполагает не только выделение уровней и сферы регулирующего воздействия институтов, но, что особенно важно, анализ комплементарности институтов. Все это необходимо, чтобы проанализировать влияние институтов на изменение поведенческих паттернов основных акторов сквозь призму их адаптивного поведения. Полученные в перспективе результаты могут не только служить лучшему пониманию происходящих процессов в российской сфере образования, но и способствовать разработке и совершенствованию новых механизмов регулирования и институтов.

ЛИТЕРАТУРА

- Булгакова Н. (2013а). Лики симулякра // *Еженедельная газета научного сообщества «Поиск»* (<http://www.poisknews.ru/theme/science-politic/6808/>).
- Булгакова Н. (2013б). После канонады. Преподавателей вузов зовут в наступление // *Еженедельная газета научного сообщества «Поиск»* (<http://www.poisknews.ru/theme/edu/8211/>).
- Булгакова Н. (2015). Поощрять и сокращать. Преподавателей ВУЗов испытывают на эффективность // *Еженедельная газета научного сообщества «Поиск»* (<http://www.poisknews.ru/theme/edu/13884/>).
- Веблен Т. (1984). Теория праздного класса. М.: Прогресс.
- Вольчик В.В., Бережной И.В. (2009). Иерархия и комплементарность институтов в рамках хозяйственного порядка // *Terra Economicus*, т. 7, № 2, с. 65–73.
- Вольчик В.В., Бережной И.В. (2012). Отбор и экзактация институтов: роль групп специальных интересов / В кн.: Архипов А.Ю., Кирдина С.Г., Мартишин Е.М. (ред.) *Эволюционная и институциональная экономическая теория: дискуссии, методы и приложения*. СПб: Алетей, гл. 8, с. 165–187.
- Грэхэм Л. (2014). Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Зырянов В.В., Котловский И.Б., Синяков А.В. (2012). Готовность вузов к реализации ФГОС ВПО (организационный аспект) // *Высшее образование*, № 13, с. 3–13.
- Квале С. (2009). Исследовательское интервью. М.: Смысл.
- Коммонс Дж. (2011). Правовые основания капитализма. М.: ГУ – ВШЭ.
- Коммонс Дж. (2012). Институциональная экономика // *Terra Economicus*, т. 10, № 3, с. 69–76.
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала.
- Норт Д. (2000). Пять тезисов об институциональных изменениях // *Квартальный бюллетень клуба экономистов*, № 4, pp. 3–15.

³ Необходимо отметить, что при исследовании неформальных институтов можно использовать не только характерные для современной социологии качественные методы (например интерпретативный метод, основанный на исследовательских интервью (Квале, 2009), или процедуры и техники, применяемые в рамках обоснованной теории (Страус, Корбин, 2010)), но также экспериментальные игры, моделирование в рамках агент-ориентированных моделей, а также логико-математический анализ норм (Тамбовцев, 2014). Выбор конкретных методов и исследовательских инструментов обусловлен теми или иными теоретическими рамками, принимаемыми исследователями, а также предметной и объектной спецификой.

- Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: ГУ – ВШЭ.
- Олсон М. (1995). Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ.
- Страусс А., Корбин Дж. (2010). Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: КомКнига.
- Тамбовцев В. (2014). Экономическая теория неформальных институтов. М.: РГ-Пресс.
- Acemoglu D. and Robinson J. (2006). *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Acemoglu D. and Robinson J. (2012). *The Origins of Power, Prosperity, and Poverty: Why Nations Fail*. NY: Crown Business.
- Arthur W.B. (1989). Competing technologies, increasing returns, and lock-in by historical events // *The Economic Journal*, no. 99, pp. 116–131.
- Bowles S. and Naidu S. (2006). The Persistent Institutions // *Working paper*, no. 08-04-015. Santa Fe Institute.
- Brousseau E. and Raynaud E. (2008). Climbing the Hierarchical Ladders of Rules: The Dynamics of Institutional Frameworks // *Working paper, Economix*. University of Paris Quest La Defense.
- David P.A. (1994). Why Are Institutions the «Carriers of History» // *Structural Change and Economic Dynamics*, vol. 5, no. 2, pp. 205–220.
- David P.A. (2007). Path Dependence, Its Critics and the Quest for «Historical Economics» / In: Hodgson G.M. (ed.) *The Evolution of Economic Institutions: A Critical Reader*. Edward Elgar, pp. 120–142.
- Dequech D. (2013). Economic Institutions: explanations for conformity and room for deviation // *Journal of Institutional Economics*, vol. 9, no. 1, pp. 81–108.
- Eggertsson T. (1990). *Economic behavior and institutions: Principles of Neoinstitutional Economics*. Cambridge University Press.
- Heikkila E.J. (2011). An information perspective on path dependence // *Journal of Institutional Economics*, vol. 7, issue 1, pp. 23–45 (doi:10.1017/S1744137410000202).
- Herrmann-Pillath C. (2006). Endogenous regionalism // *Journal of Institutional Economics*, vol. 2, no. 3, pp. 297–318 (doi:10.1017/s1744137406000427).
- Hodgson G.M. (2004). *The Evolution of Institutional Economics: Agency, Structure and Darwinism in American Institutionalism*. Routledge.
- Kaufman B.E. (2007). The Institutional Economics of John R. Commons: Complement and Substitute for Neoclassical Economic Theory // *Socio-Economic Review*, vol. 5, pp. 3–45.
- Kingston C. and Caballero G. (2009). Comparing theories of institutional change // *Journal of Institutional Economics*, vol. 5, issue 2, pp. 151–180 (doi:10.1017/S1744137409001283).
- Krug B. and Hendrischke H. (2010). Market design in Chinese market places // *Asia Pacific Journal of Management*, vol. 29, no. 3, pp. 525–546 (doi:10.1007/s10490-010-9225-5).
- Landini F. (2013). Institutional change and information production // *Journal of Institutional Economics*, vol. 9, issue 3, pp. 257–284 (doi:10.1017/S1744137413000064).
- Libecap G.D. (1989). *Contracting for Property Rights*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Meyer J.W. and Rowan B. (1977). Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony // *The American Journal of Sociology*, vol. 83, no. 2, pp. 340–363.
- Nelson R.R. (1991). Why do firms differ, and how does it matter? // *Strategic Management Journal*, Winter Special Issue (12), pp. 61–74.
- North D. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Olson M. Jr. (1995). The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies // *American Economic Review*, vol. 85, no. 2, pp. 22–27.
- Ostrom E. (2005). *Understanding Institutional Diversity*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Pierson P. (2000). Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // *The American Political Science Review*, vol. 94, no. 2, pp. 251–267.
- Schmid A.A. (ed.) (2004). *Conflict and Cooperation: Institutional and Behavioral Economics* (doi:10.1002/9780470773833).
- Spencer J.W. and Gomez C. (2004). The relationship among national institutional structures, economic factors, and domestic entrepreneurial activity: a multicountry study // *Journal of Business Research*, no. 57, pp. 1098–1107.
- Williamson O.E. (2000). The New Institutional Economics: Taking stock, Looking ahead // *Journal of economic literature*, vol. XXXVIII, pp. 595–613.

REFERENCES

- Bulgakova N. (2013a). After the cannonade: University Lecturers are called for «attack». *Official portal: Academic Society Weekly Newspaper «Poisk»* (<http://www.poisknews.ru/theme/edu/8211/>). (In Russian).
- Bulgakova N. (2013b). Faces of the simulacrum. *Official portal: Academic Society Weekly Newspaper «Poisk»* (<http://www.poisknews.ru/theme/science-politic/6808/>). (In Russian).
- Bulgakova N. (2015). University lecturers are encouraged or dismissed: new challenges in achieving effectiveness. *Official portal: Academic Society Weekly Newspaper «Poisk»* (<http://www.poisknews.ru/theme/edu/13884/>). (In Russian).
- Commons J. (2011). Legal Foundations of Capitalism. Moscow: Publishing House of State University Higher School of Economics. (In Russian).
- Commons J. (2012). Institutional economics. *Terra Economicus*, vol. 10, № 3, pp. 69–76. (In Russian).
- Graham L. (2014). Can Russia Compete? The History of Innovations in Imperial, Soviet and Modern Russia. Moscow: Mann, Ivanov and Fiber, OJSC. (In Russian).
- Kvale S. (2009). The Qualitative Research Interview. Moscow: Smysl Publ. (In Russian).
- North D. (1997). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Moscow: Nachala Publ. (In Russian).
- North D. (2000). Five propositions about institutional change. *Economic Club Quarterly Bulletin*, no. 4, pp. 3–15. (In Russian).
- North D. (2010). Understanding the Process of Economic Change. Moscow: Publishing House of State University Higher School of Economics. (In Russian).
- Olson M. (1995). The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups. Moscow: The Economic Initiative Fund Publ. (In Russian).
- Strauss A. and Corbin J. (2010). Basics of Qualitative Research. Grounded Theory. Procedures and Techniques. Moscow: KomKniga Publ. (In Russian).
- Tambovtsev V. (2014). Economics of informal institutions. Moscow: RG-Press. (In Russian).
- Veblen T. (1984). The Theory of the Leisure Class. Moscow: Progress Publ. (In Russian).
- Volchik V.V. and Berezhnoi I.V. (2009). Hierarchy and complementarity of institutions within the economic order. *Terra Economicus*, vol. 7, no. 2, pp. 65–73. (In Russian).
- Volchik V.V. and Berezhnoi I.V. (2012). Othor i ekzzaptatsiya institutov: rol grupp cpetsialnykh interesov [Selection and Exaptation of Institutions: the Role of Special Interest Groups] / In: Arkhipov A.Yu., Kirdina S.G. and Martishin E.M. (eds.) *Evolutsionnaya i institutsionalnaya ekonomicheskaya teoriya: diskussii, metody i prilozheniya* [Evolutionary and Institutional Economic Theory: Discussions, Methods and Implications]. Ch. 8. Saint-Petersburg: Aleteiya Publ., pp. 165–187. (In Russian).
- Zyryanov V., Kotlovsky I. and Sinyakov F. (2012). Universities preparedness to implement the Federal State Educational Standards: organizational aspect. *Higher Education in Russia*, no. 12, pp. 3–13. (In Russian).
- Acemoglu D. and Robinson J. (2006). Economic Origins of Dictatorship and Democracy. Cambridge: Cambridge University Press.
- Acemoglu D. and Robinson J. (2012). The Origins of Power, Prosperity, and Poverty: Why Nations Fail. NY: Crown Business.
- Arthur W.B. (1989). Competing technologies, increasing returns, and lock-in by historical events. *The Economic Journal*, no. 99, pp. 116–131.
- Bowles S. and Naidu S. (2006). The Persistent Institutions. *Working paper*, no. 08-04-015. Santa Fe Institute.
- Brousseau E. and Raynaud E. (2008). Climbing the Hierarchical Ladders of Rules: The Dynamics of Institutional Frameworks. *Working paper, Economix*. University of Paris Quest La D'efense.
- David P.A. (1994). Why Are Institutions the «Carriers of History». *Structural Change and Economic Dynamics*, vol. 5, no. 2, pp. 205–220.
- David P.A. (2007). Path Dependence, Its Critics and the Quest for «Historical Economics» / In: Hodgson G.M. (ed.) *The Evolution of Economic Institutions: A Critical Reader*. Edward Elgar, pp. 120–142.
- Dequech D. (2013). Economic Institutions: explanations for conformity and room for deviation. *Journal of Institutional Economics*, vol. 9, no. 1, pp. 81–108.
- Eggertsson T. (1990). Economic behavior and institutions: Principles of Neoinstitutional Economics. Cambridge University Press.

- Heikkila E.J. (2011). An information perspective on path dependence. *Journal of Institutional Economics*, vol. 7, issue 1, pp. 23–45 (doi:10.1017/S1744137410000202).
- Herrmann-Pillath C. (2006). Endogenous regionalism. *Journal of Institutional Economics*, vol. 2, no. 3, pp. 297–318 (doi:10.1017/s1744137406000427).
- Hodgson G.M. (2004). *The Evolution of Institutional Economics: Agency, Structure and Darwinism in American Institutionalism*. Routledge.
- Kaufman B.E. (2007). The Institutional Economics of John R. Commons: Complement and Substitute for Neoclassical Economic Theory. *Socio-Economic Review*, vol. 5, pp. 3–45.
- Kingston C. and Caballero G. (2009). Comparing theories of institutional change. *Journal of Institutional Economics*, vol. 5, issue 2, pp. 151–180 (doi:10.1017/S1744137409001283).
- Krug B. and Hendrichske H. (2010). Market design in Chinese market places. *Asia Pacific Journal of Management*, vol. 29, no. 3, pp. 525–546 (doi:10.1007/s10490-010-9225-5).
- Landini F. (2013). Institutional change and information production. *Journal of Institutional Economics*, vol. 9, issue 3, pp. 257–284 (doi:10.1017/S1744137413000064).
- Libecap G.D. (1989). *Contracting for Property Rights*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Meyer J.W. and Rowan B. (1977). Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony. *The American Journal of Sociology*, vol. 83, no. 2, pp. 340–363.
- Nelson R.R. (1991). Why do firms differ, and how does it matter? *Strategic Management Journal*, Winter Special Issue (12), pp. 61–74.
- North D. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Olson M. Jr. (1995). The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies. *American Economic Review*, vol. 85, no. 2, pp. 22–27.
- Ostrom E. (2005). *Understanding Institutional Diversity*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Pierson P. (2000). Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics. *The American Political Science Review*, vol. 94, no. 2, pp. 251–267.
- Schmid A.A. (ed.) (2004). *Conflict and Cooperation: Institutional and Behavioral Economics* (doi:10.1002/9780470773833).
- Spencer J.W. and Gomez C. (2004). The relationship among national institutional structures, economic factors, and domestic entrepreneurial activity: a multicountry study. *Journal of Business Research*, no. 57, pp. 1098–1107.
- Williamson O.E. (2000). The New Institutional Economics: Taking stock, Looking ahead. *Journal of economic literature*, vol. XXXVIII, pp. 595–613.

«ТРЕТЬЯ ЖИЗНЬ» ПОЛИТЭКОНОМИИ, ТРУДОВАЯ...*

О.Ю. МАМЕДОВ,

координатор Международной политэкономической Ассоциации стран СНГ и Балтии,
доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

Сегодняшняя Россия, как и в предреволюционную эпоху столетней давности, представляет собой, используя образное выражение классиков марксизма-ленинизма, «клубок противоречий» – борьбу разнонаправленных экономических и политических тенденций, схватку идеологий всех оттенков, межрегиональное соперничество, мучительный выбор между реанимируемой имперской амбицией и ограничениями производственной «амуниции». В этой борьбе заметную позицию занимает многочисленная группа представителей политико-экономической науки, – той главной социальной науки, которая уже утратила статус базового элемента идеократического советского общества, но ещё не приобрела функцию общепризнанной формы научного экономического знания. Состоявшийся конгресс особо подчеркнул – постсоветское образование справедливо отвернулось от искажённой догматизмом «квазиполитэкономии», однако, по отношению к реальной политико-экономической науке такое отрицание обернулось системными гносеологическими издержками для всего отечественного обществознания.

Ключевые слова: современная политическая экономия; дискриминация политэкономии и её последствия; программа возрождения политэкономии.

THE «THIRD LIFE» OF POLITICAL ECONOMY, A WORKING ONE...

O.Yu. MAMEDOV,

Coordinator of the CIS's and the Baltic States'
Association for Political Economy,
Doctor of Economics (DSc), Professor,
Honored Worker of Science of the Russian Federation,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

On May, 13–14 2015 the Second Congress of the CIS's and the Baltic States' International Association for Political Economy was held in Moscow, with its focus on the key issues on a renaissance of the political economy. The article below, by a Coordinator of the Association Prof. Oktaj Mamedov, illustrates sophisticated processes related to political situations in modern Russia. Today's Russia, as it was in the pre-Revolutionary period of a century ago, is, according to a figure of speech used by the classics of Marxism-Leninism, «a collection of contradictions», presented by conflicting trends in terms of politics and economics, opposing ideologies of all shades, interregional rivalry, as well as

* 13–14 мая 2015 года в Москве состоялся Второй конгресс Международной политэкономической Ассоциации стран Союза Независимых Государств и Балтии, посвящённый проблеме возрождения политико-экономической науки. Публикуемый доклад координатора Ассоциации профессора О.Ю. Мамедова даёт представление о сложных процессах, происходящих в политической жизни современной России.

the painful choice between the resuscitating «imperial ambitions» and constraints on the production «ammunition». In this struggle, a numerous group of political economist has adopted a notorious position – namely, one of the chief social science which has already lost its status of the basic element of ideocratic Soviet society, but it has not yet acquired a function of a recognized form of scientific economic knowledge. The Congress highlighted the importance of the fact that education in the post-Soviet period had rightly turned away from the dogmatically distorted «quasi political economy», but in terms of a real political economy, such denials have resulted in systemic “epistemological costs” for all social sciences in Russia.

Keywords: contemporary political economy; discrimination of political economy and its consequences; implementation of political economy revival programme.

JEL classifications: A11, A23.

АКТУАЛЬНОСТЬ КОНГРЕССА ПОЛИТЭКОНОМОВ

Уважаемые коллеги, присутствующих в этом зале собрала тревога за судьбу российской экономической науки. Здесь – те, кого волнует будущее научной политэкономии (Валовой, 2006; Бляхман, 2013), те, кто понимает, что монополия позитивизма и эмпиризма обрекает наше общество на «теоретическую слепоту», а регулирование экономики – на примитивное «ответное реагирование».

И только научная политэкономия может справиться с антилиберальной истерией, цинично зарабатывающей на политической конъюнктуре и препятствующей либерализации нашей экономики – единственно достойному выходу из искусственно созданного экономического кризиса.

СОБЛАЗНЫ КОНГРЕССА

Наш конгресс стоит перед множеством соблазнов, но самый опасный – попытка обсудить всё: и методологию, и теорию, и актуальные проблемы экономики. Это может превратить конгресс в обычную научную конференцию, никого и ни к чему не обязывающую. Между тем ситуация, сложившаяся вокруг политэкономии, не позволяет свести конгресс только к интеллектуальным дискурсам.

Поэтому сегодня гораздо важнее деловое обсуждение ближайших задач нашей Ассоциации.

А теоретические проблемы... Что ж, подождут.

ДИСКРИМИНАЦИЯ ПОЛИТЭКОНОМИИ

Возрастающая дискриминация политэкономической науки вынуждает нас к активному противодействию.

Надо, наконец, осознать всю драматичность положения отечественной политэкономии – некогда могущественная интеллектуальная школа вырождается в секту, в какое-то выморочное ответвление экономической науки.

И если ничего не делать, то скоро слово «политэконом» будет звучать для молодых российских экономистов так же таинственно и пугающе, как для многих до сих пор, к примеру, слово «масон».

ЧЕГО ДОБИЛИСЬ АНТИПОЛИТЭКОНОМЫ?

Чего же добились антиполитэкономы, изгнав политэкономию? Что получили взамен наука, образование и практика?

1. Политэкономия формировала *мировоззренческие* представления об экономическом устройстве общества (Бондырева, 2010). Теперь политэкономия заменен эклектичный курс, сконструированный из разного рода наукообразных пошлостей. Вместо научного мировоззрения – легко манипулируемый туман. Кому выгоден этот «туман»?

2. Политэкономия формировала *методологическую* культуру экономического исследования (Мамедов, 2015). Теперь эта культура исчезла за ненадобностью, а вместо культуры – ничего. Кому выгодно это «ничего»?

3. Политэкономия всегда рассматривала конъюнктурные факторы *в контексте фундаментальных процессов* (Ореховский, 2014). А сейчас экономический анализ сам свёлся к лавированию

между бесчисленными конъюнктурными обстоятельствами. Вместо экономической стратегии мы руководствуемся «политикой мелких финансовых перебежек». Кому выгодны эти «перебежки»?

НА КАФЕДРАХ ПОЛИТЭКОНОМИИ НЕТ... ПОЛИТЭКОНОМИИ

И ещё – пусть никого не вводит в заблуждение то, что ряд кафедр называются «кафедрами политэкономии», – ничего в них от «политэкономии» не осталось! Даже в программах бакалавриата и магистратуры ведущих экономических кафедр страны трудно отыскать курсы по политэкономии.

Но если и здесь политэкономия «ушла в подполье», то можно представить «политэкономичность» кафедр политэкономии провинциальных вузов.

ИЗГНАННАЯ НАУКА

Ещё опаснее то, что политэкономия изгнана не только из профессионального экономического образования, – она изгнана даже как научная дисциплина (Лачинов, 2015). На её место были административно назначены прикладные дисциплины, которые не нуждаются ни в методологии, ни в гносеологии, а весь инструментарий является заёмным. Неудивительно, что «экономикское» поколение экономистов враждебно настроено не только к политэкономии, но и ко всей экономической теории. Враждебность, порождённая невежеством, – они даже не знают, что экономическая наука существует только как «экономическая теория» (Гловели, 2010).

ЯЗЫК ПОЛИТЭКОНОМИИ – «ЛАТЫНЬ»?

И вот результат – те, кто работают в диссертационных советах, знают, как постыдно низок бывает теоретико-методологический уровень защищаемых работ. Но, пожалуй, скоро и он покажется недостижимой высотой.

Сегодня величайшие экономические категории – «прибавочная стоимость», «постоянный» и «переменный» капитал, «органическое строение капитала», «необходимый» и «прибавочный» продукт – воспринимаются молодёжью как тарабарщина.

А что будет завтра? Я могу сказать – завтра наши разговоры о политэкономии будут казаться беседой средневековых учёных на «латыни» мёртвом языке.

Поэтому конгресс, если только он не хочет оказаться последним в истории отечественной политэкономии, должен наметить программу практических действий по её возрождению.

«ТРЕТЬЯ ЖИЗНЬ» ПОЛИТЭКОНОМИИ

В 400-летней истории политэкономии всякое бывало: и методологические победы, и идеологическая догматика.

Но только сегодня политэкономия, наконец-то, зажила жизнью обычной научной теории. Это значит, что ей приходится вновь завоевывать умы людей (Готного, 2011), состязаться с другими научными школами (Горев, 2012), пытаться достучаться до начальников (Красникова, 2012).

Это и есть «третья жизнь» политэкономии, в которой она уже никогда не станет единственной формой экономического знания, – зато теперь её будущее полностью зависит от нас, от конкурентоспособности проводимых нами политэкономических исследований.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Словом, реальность такова – сегодня политэкономам доступна только просветительская деятельность. Это – немало, это – огромная сфера, позволяющая добиваться впечатляющих результатов.

К тому же у политэкономов есть самый главный союзник, которого нет у наших конкурентов, это – сама ЭКОНОМИКА, которой ведома только одна форма бытия – «политэкономическая». А это значит, что политэкономия возродит объективная необходимость научного анализа экономики.

Но мы можем и должны приближать этот момент своей просветительской деятельностью.

ПРОГРАММА БЛИЖАЙШИХ ДЕЙСТВИЙ

Что же должно быть в центре нашей просветительской активности?

1. Конгресс должен добиваться возвращения политэкономии в вузовскую аудиторию. Почему нам так важен этот вопрос? Да потому, что без такого возвращения политэкономия просто исчез-

нет: преподавание гарантирует официальное существование науки, необходимость массовой подготовки специалистов, тогда как вне преподавания – это неоплачиваемый энтузиазм кучки одиночек.

Но мы должны понимать, что сфера преподавания политэкономии является, извините за невольный каламбур, «политэкономической», ибо здесь сталкиваются материальные интересы тех, кто возвысился благодаря удачной «продаже» нашему обществу такого эрзац-интеллектуального продукта, как «экономикс».

И расстаться со сверхдоходами ради какой-то «истинности» преподаваемого знания было бы, с точки зрения победителей-монополистов, просто глупо. Так что те, кто противостоят политэкономам, противостоят не потому, что они считают экономикс истинной экономической наукой, а политэкономии – лженаукой. Их волнует другое – то, что возвращение политэкономии неизбежно поставит под угрозу их сверхдоходы от экономикса.

Но мы-то знаем, что научное исследование без знания методологии и теории политической экономии не-воз-мож-но! И надо, чтобы об этом знали не только мы, но и другие, особенно – молодые, экономисты.

Вот почему политэкономия должна стать обязательным элементом, по меньшей мере, элитного профессионального высшего образования – в магистратуре и аспирантуре (Лемещенко, 2011; Савинкова, 2009).

2. Необходима популяризация политэкономии как науки, популяризация её методологии и теории; с этой целью надо подготовить потрясающий учебник по политэкономии – написанный человеческим языком, яркий, зажигательный, доступный всем категориям читателей.

3. Особо следует выделить деятельность по «пиар-акции» всего, что связано с политэкономией, включая и наш конгресс, и наш журнал, и каждое наше мероприятие.

4. Организовать «Школы молодого политэконома» – если мы упустим молодёжь, политэкономия просто исчезнет.

5. Предложить проводить семинары научных руководителей диссертантов по методологической культуре экономического исследования.

6. Создать открытую бесплатную видеотеку лекций выдающихся современных российских политэкономов.

7. Учредить множество разноуровневых общероссийских премий за лучшие книги и статьи по политэкономии.

ДОЛОЙ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕВЕЖЕСТВО!

И последнее: квазинаучная экономическая теория – разрушительное оружие, порождающее квазиэкономистику (Бузгалин, Колганов, 2012), тогда как научная экономическая теория – созидательный инструмент построения эффективной экономики.

Это значит, что, возрождая политэкономии, мы боремся за возрождение и научного экономического знания, и эффективной экономики.

Наш ближайший лозунг: **Долой политэкономическое невежество!**

ЛИТЕРАТУРА

Бляхман Л.С. (2013). Новая политэкономия не отвергает, а интегрирует классические концепции // *Проблемы современной экономики*, № 3 (47), с. 70–71.

Бондырева И.Б. (2010). Политэкономия – ключ к изучению процессов общественного воспроизводства // *Вестник Ивановского государственного университета*. Серия: Экономика, № 3, с. 43–44.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2012). Рынок симулякров: взгляд сквозь призму классической политической экономии // *Философия хозяйства*, № 2 (80), с. 153–165.

Валовой Д.В. (2006). Политэкономия: быть или не быть? // *Труд и социальные отношения*, № 1, с. 16–20.

Гловели Г. (2010). Политэкономия в широком смысле: элементы институционализма и утопизма // *Вопросы экономики*, № 10, с. 113–134.

Горев В.П. (2012). «Новая» экономика и старая политэкономия // *Известия Иркутской государственной экономической академии*, № 2, с. 5–8.

Готного А.В. (2011). Политэкономия К. Маркса: пережиток прошлого или наука будущего? // *Философия и общество*, № 4, с. 70–86.

Красникова Е.В. (2012). Политэкономия как наука: право на возрождение // *Сегодня и завтра российской экономики*, № 55, с. 5–22.

Лачинов Ю.Н. (2015). Развенчание и продолжение Маркса: логика, доведенная до абсурда, или альтернативная политэкономия // *Экономика и управление: проблемы, решения*, № 5, с. 11–14.

Лемещенко П.С. (2011). Переосмысливая опыт, или о необходимости смены научно-образовательной парадигмы экономического образования // *Теоретическая экономика*, № 6, с. 28–51.

Мамедов О.Ю. (2015). Десять классических принципов политико-экономического исследования // *Вопросы политической экономики*, № 1, с. 38–47.

Ореховский П.А. (2014). Политэкономия социализма, экономические реформы и «поле» экономической науки в России // *Экономические реформы в России и за рубежом*. Сборник статей. Сер. «История мировой экономики». М., с. 281–310.

Пефтиев В.И. (2010). Новая политэкономия: векторы концептуальных поисков // *Ярославский педагогический вестник*, т. 2, № 1, с. 254–258.

Савинкова И.Б. (2009). Политэкономия как один из основных источников экономического образования студентов педвузов второй половины XX века // *Сборник научных трудов Sworld*, т. 19, № 4, с. 12–13.

REFERENCES

Blyakhman L.S. (2013). The new political economy does not reject, but integrates the classical concept. *Problems of modern economy [Problemy sovremennoi ekonomiki]*, no. 3 (47), pp. 70–71. (In Russian.)

Bondyreva I.B. (2010). Political economy is the key to the study of the processes of social reproduction. *Ivanovo State University Bulletin [Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta]*, Series: Economy, no. 3, pp. 43–44. (In Russian.)

Buzgalin A.V. and Kolganov A.I. (2012). Simulacra market: a look through the prism of classical political economy. *Philosophy of economy [Filosofiya khozyaistva]*, no. 2 (80), pp. 153–165. (In Russian.)

Gloveli G. (2010). Political economy in the broad sense: the elements of institutionalism and utopianism. *Voprosy ekonomiki*, no. 10, pp. 113–134. (In Russian.)

Gorev V.P. (2012). The «new» economy and old political economy. *Proceedings of the Irkutsk State Economic Academy [Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii]*, no. 2, pp. 5–8. (In Russian.)

Gotnoga A.V. (2011). Marx's political economy: the artifact of the past or the science of the future? *Philosophy and Society [Filosofiya obshchestva]*, no. 4, pp. 70–86. (In Russian.)

Krasnikova E.V. (2012). Political economy as science: a right for revival. *Today and Tomorrow of the Russian Economy [Segodnya i zavtra Rossiyskoi ekonomiki]*, no. 55, pp. 5–22. (In Russian.)

Lachinov Yu.N. (2015). Dispelling and continuing Marx: logic, brought to the point of absurdity, or alternative political economy. *Economy and management: problems, solutions [Ekonomika i upravlenie: problem, resheniya]*, no. 5, pp. 11–14. (In Russian.)

Lemeshchenko P.S. (2011). Rethinking the experience, or the need to change the scientific and educational paradigm in the economic teaching. *Theoretical Economics*, no. 6, pp. 28–51. (In Russian.)

Mamedov O.U. (2015). Ten principles of classical political-economic analysis. *Questions of Political Economy*, no. 1, pp. 38–47. (In Russian.)

Orekhovskiy P.A. (2014). Political economy of socialism, economic reforms and the «field» of economic science in Russia. *Economic reforms in Russia and abroad*. Collection of articles. Series «The history of the world economy». Moscow, pp. 281–310. (In Russian.)

Peftiev V.I. (2010). New Political Economy: the vectors of conceptual search. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin [Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik]*, vol. 2, no. 1, pp. 254–258. (In Russian.)

Savinkova I.B. (2009). Political economy as one of the main sources of economic education of students in pedagogical institutions of higher education in the second half of the XX century. *Collection of scientific works Sworld*, vol. 19, no. 4, pp. 12–13. (In Russian.)

Valovoy D.V. (2006). Political economy: to be or not to be? *Labor and Social Affairs [Trud i sotsialnye otnosheniya]*, no. 1, pp. 16–20. (In Russian.)

РЕЗОЛЮЦИЯ ВТОРОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКОГО КОНГРЕССА (МОСКВА, 13-15 МАЯ 2015 года)

Мы, участники Конгресса, представляющие ВУЗы и Исследовательские центры 15 стран мира и большинства субъектов Российской Федерации, обсудив ключевые проблемы развития экономической науки и экономической политики, а также проблемы развития преподавания экономической теории, принимаем следующую резолюцию.

1. Отечественная экономическая наука, призванная внести теоретический вклад в диагностику состояния развития российской экономики и определение перспектив ее прогрессивного развития, во многом ослаблена доминированием односторонних подходов, базирующихся на методологии и теории только одного направления экономической теории. Это направление уже доказало свою неполную адекватность, служа теоретическим основанием для политики, неспособной решить проблемы преодоления стагнации и обеспечения устойчивого и социально-ориентированного роста российской экономики.

Участники конгресса обращают внимание гражданского общества и государства на необходимость расширения диапазона методологических и теоретических подходов к анализу сложившейся ситуации и выработке рекомендаций в области экономической политики, в том числе – посредством возрождения методологии и теории политической экономии как важнейшего инструмента проведения эффективной экономической политики.

2. Необходимо коренное изменение положения дел в области экономического образования и научно-исследовательской работы. Эти шаги невозможно осуществить в условиях монополии «импортированного» экономического знания, препятствующей открытому состязательному поиску истины различными экономическими школами и участию в выработке неотложных мер в проводимой экономической политике.

Преодоление этих негативных явлений возможно только при условии возвращения методологии и теории политической экономии в учебные аудитории и в программы научно-исследовательской деятельности ВУЗов и НИИ.

Мы предлагаем:

- **включить политическую экономию наряду с микро- и макроэкономикой в круг обязательных курсов для студентов экономических специальностей и как составную часть в курсы экономической теории для остальных студентов и школьников;**
- **провести Всероссийское совещание ученых-экономистов по проблемам развития экономической науки как методологической и теоретической основы эффективной научной политики.**

Мы обращаемся к Министерству образования и науки РФ с настоятельной рекомендацией реализовать наши предложения.

3. Участники Конгресса берут на себя инициативу активного участия в создании предпосылок, обеспечивающих ускоренное возрождение политико-экономической науки. В частности, - проведения серии представительных научных конференций в регионах РФ, издания специализированного журнала по проблемам современной политической экономии, подготовки монографий и учебных курсов по политической экономии, проведения «Школы молодого политэконома».

Мы обращаемся к российскому научно-образовательному сообществу с призывом активного участия в возрождении политико-экономической науки как основы выработки эффективной экономической политики и условия подготовки специалистов-экономистов высшей квалификации.

Дж. Мэйнстринг

«ВОСТОЧНЫЙ ДИВАН»¹ ДЖОНА МЭЙНСТРИНГА

В 1960-х годах Дж. Мэйнстринг, известный протонституционалист и эсквайр, совершая путешествие по Советскому Союзу, заехал, в частности, в Баку, где подружился с местным сотрудником Эдиком Топчианом, легендарной личностью, рассказы которого о житебытье запали ему в душу. Спустя сорок лет Мэйнстринг, сам не ведая того, повторил литературный подвиг Фридриха Боденштедта², опубликовав некоторые из этих рассказов.

Перевод с английского – Анфим Кандопожский

J. Meinstring

JOHN MEINSTRING'S «EASTERN DIVAN»

In the 1960's, J. Meinstring, famous protoinstitutsionalist and Esquire, travelled to the Soviet Union. Among other places, he visited Baku, where he made friends with his fellow, Edik Topchiyan, a local inhabitant. Edik was a legendary figure, whose stories about his life sank into Meinstring's soul. Forty years later some of these stories were published – and, unknowingly, Meinstring repeated Friedrich von Bodenshtedt's literary feat.

Translated by Anfim Kandopozhskiy

ЭДИК, ЛЕВ и ГЕНЕРАЛ

Эту захватывающую историю Эдик мне рассказал в чудный апрельский вечер, когда мы, восседая, по местному обычаю на виду у всего окрестного населения на невысоком балконе, лакомились божественным восточным напитком под названием «мяхмари чай из шаларской воды».

Особую прелесть этой церемонии придавали две трудности: чай был налит в миниатюрные грушевидные стаканчики «армудики», но пить следовало долго-долго, смакуя каждый глоток, и второе – чай

¹ Диван (персид. «Divan») – первоначально обозначал на Востоке список, реестр; позже название это было перенесено на собрание стихотворений, принадлежащих одному автору; своим «Westostlicher Divan» Гете ввел это слово в европейскую литературу.

² В 1844 году в Тифлис приехал немецкий литератор и ориенталист Фридрих Боденштедт. Он проявлял большой интерес к жизни Кавказа и пожелал брать уроки восточных языков. Так он познакомился с Мирзой-Шафи Вазехом, известным азербайджанским поэтом. Уроки были три раза в неделю, а по их окончании Мирза-Шафи исполнял для «заморского» гостя песни собственного сочинения. В 1847 году Боденштедт уехал из Тифлиса, прихватив с собой тетрадь стихов Мирзы-Шафи под заголовком «Ключ мудрости». В 1850 году Боденштедт издал объемистую книгу «1001 день на Востоке» («Tausend und ein Tag im Orient»), часть которой посвящена Мирзе-Шафи Вазеху. В 1851 году вышла книга «Песни Мирзы-Шафи» («Die Lieder des Mirza-Schaffy») в переводе Ф. Боденштедта. Книга неожиданно стала необычайно популярной – она ежегодно переиздавалась и была переведена на многие европейские языки. Через двадцать лет после смерти Мирзы-Шафи Вазеха, в семидесятых годах, Боденштедт издал книгу «Из наследия Мирзы-Шафи», в которой объявил, что песни Мирзы-Шафи будто бы не являются переводами, а обязаны своим существованием лично Ф. Боденштедту. Тем не менее до наших дней сохранились подлинники на персидском и азербайджанском языках, доказывающие авторство Мирзы Шафи. Парадоксально, но часть стихотворений Вазеха вернулась на родину благодаря обратному переводу с немецкого.

не должно было позорить растворением сахарного песка, – и потому мы с достоинством зажимали в зубах кусочки колотого сахара, пропуская сквозь них малюсенькие порции чая.

Старая чинара защищала нас от пламени заходящего солнца, красивые «гюльнары» бродили под чинарой и словно невзначай бросали на нас застенчиво-любопытствующие взгляды, но мы предавались самому важному на Востоке делу – неторопливой, обстоятельной мужской беседе.

К слову, о восточной беседе: теперь я знаю, что она сводится к соблюдению трёх правил.

Первое правило – уважение к собеседнику, что выражается в неподдельном интересе к состоянию здоровья всех его близких. Это начало любой беседы, причём ни в коем случае нельзя упустить никого из родичей, что означало бы тягчайшее преступление.

Второе правило – уважение к самому себе: ты демонстрируешь, что никуда не спешишь и готов посвятить собеседнику остаток своей жизни. Мало того, сказать собеседнику, чтобы он поторапливался, или пришпорил свою речь, нервно подбадривая его призывом «Короче!», – может только самоубийца.

Правило третье: говорить о деле, о цели встречи можно только тогда, когда исчерпаны все иные темы праздного трёпа.

*

Эдик был в приподнятом настроении. Его поминутно приветствовали соседи, родственники, знакомые, близкие, приятели, клиенты, – это было какое-то бесконечное приветствование, но Эдик умудрялся рассказывать даже в «армудные» паузы.

– Вы знаете, – начал Эдик свой рассказ, – я учился в Мардакянской школе милиции.

Как-то мы, курсанты, тихо сидели, никого не трогали, и в этот момент врывается дежурный офицер с криком: «Все на построение! Тревога!»

Мы испугались. А после это жуткого крика никто тем более не подумал даже двинуться. Однако офицер не успокоился и чуть ли не пинками заставил нас всё-таки выйти на плац.

Мы вышли и сразу пожалели об этом – на плацу стоял грузовик, кузов которого был уставлен скамьями под натянутым тентом, а рядом сутился прапорщик, распаковывая ящик с автоматами.

Первым нашим желанием было ринуться обратно в казарму, но дежурный офицер скорчил лицом такое, что мы обреченно поплелись к грузовику.

«Разбирайте автоматы и магазины к ним», – скомандовал начальник.

Мы второй раз видели автоматы – первый раз нам их показывали на расстоянии, чтобы мы их не повредили.

Как я ни уворачивался, мне всё-таки вручили автомат. Я держал его на вытянутых руках, заботясь только об одном – чтобы ствол автомата смотрел куда угодно, только не на меня.

– Товарищи курсанты, – обратился к нам дежурный офицер, – в городе случилось ЧП: в одной семье содержался лев, он покалечил хозяев и бежал в неизвестном направлении. Ваша задача – при встрече со львом обезвредить его. Тому, кто это сделает, – денежная премия и недельный отпуск.

При словах «лев» и «обезвредить льва» нам стало плохо, кто-то громко икнул, у всех в руках задрожал автомат...

«По машинам!» – раздалась команда.

Хотя я и упирался, но товарищи втащили меня в кузов, и мы, дрожа – от холода и страха, – отправились в столицу солнечной республики.

*

Зоологи сообщили, что, скорее всего, лев прячется в Нагорном парке, возвышавшемся над городом изумрудным массивом.

Грузовик натужно поднялся к парку. Последовала команда покинуть грузовик.

Мы ответили отказом. Мой друг Тофик возмущённо кричал:

«Ащи, сам-да иди! Я поступал в милицейское училище, да, а не в зверинец! Вай-мэ, бедная моя мама...»

Дежурный офицер был неумолим – «Немедленно вон из машины!!!»

Осторожно, стараясь не смотреть на автомат, я зашёл в тень, надеясь, что меня, может, забудут. Не тут-то было, дежурный офицер отвёл меня к какому-то дереву, напутствовав: «Постарайся заработать отпуск...»

*

Я прижал автомат к груди и замер.

Мне было страшно.

Я представлял, как выходит лев, как он вглядывается в меня, а затем – прыгает, а я...

Я не успел представить следующую картину, потому что раздвинулись кусты, и лев действительно вышел.

Он посмотрел на меня, на мой автомат и стал бить кисточкой хвоста, собираясь позавтракать мною.

Я зажмурился и выстрелил...

*

Эдик посмотрел на мое сострадающее лицо и остался доволен:

– Да, мой друг, я случайно попал во льва. Но зато я стал героем, я получу премию, поеду домой... И в тот момент, когда грёзами я заполонил весь парк, кусты вновь раздвинулись, и вышел какой-то генерал. Он подошёл к поверженному льву, поставил на него ногу и горделиво выпрямился.

И тут он заметил меня. Я изобразил из себя добродушного идиота, как это проделывают все курсанты при встрече с генералами, и, приблизившись, отрапортовал:

«Осмелюсь доложить, убил Льва».

«Не понял, – ответил генерал, вглядываясь куда-то вдаль, – кто убил льва?»

«Я, курсант Топчиян».

«Э-э, не говорите глупости, курсант Топчиян, – генерал перевёл на меня взгляд, – вы же видите, что это я убил льва».

«Товарищ генерал, – зачастил я, – да как же так? Это же я, я убил льва. Вот и автомат, – я направил автомат на генерала, – можете сами посмотреть...»

Генерал мужественно отвёл рукой ствол и только потом рассвирепел:

«Да ты кто такой, чтобы убивать льва? Льва может убить только генерал! А генерал здесь – я!»

...

Всё было кончено. Генерал принимал поздравления офицеров штаба, а я сдал автомат, отчитался за потерю патронов и поплёлся в казарму.

*

Эдик задумался и сказал:

– Ладно, генерала я простил, но с некоторых пор (*он понизил голос*) ко мне стал приходить... лев. Да, кстати, вон он, возле чинары.

Я посмотрел. Там и вправду стоял лев.

Мы помахали ему рукой. Лев ответил кисточкой хвоста.

Мы допили чай. На Востоке это знак конца, предвещающего начало.

Мы расстались до следующего рассказа Эдика.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**TERRA ECONOMICUS
(ПРОСТРАНСТВО ЭКОНОМИКИ)**

2015

Том 13

Номер 2

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»

Адрес издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
Тел.: +7 (863) 218 40 00, 219 97 49, **e-mail:** info@sfedu.ru, **сайт:** <http://sfedu.ru/>

Адрес редакции: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88, к. 211
Тел.: +7 (863) 250 59 54, **e-mail:** terraeconomicus@mail.ru, **сайт журнала:** <http://te.sfedu.ru/>

Сдано в набор: 11.06.2015. Подписано в печать: 18.06.2015

Выход в свет: 25.06.2015

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура OfficinaSerif.

Печать офсетная. Усл. п. л. 18,30. Уч.-изд. л. 16,75.

Тираж 558 экз. Заказ № 49. С. 152

Свободная цена

Издательство «Наука-Спектр».

Адрес типографии: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140.
Т. 8 (863) 269-09-71.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии.